

Александр Забусов

ЛАБИРИНТ ФЕНИКС

Александр Владимирович Забусов

Лабиринт. Феникс

Серия «Лабиринт», книга 2

Серия «Попаданец (АСТ)»

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51868479

Александр Забусов Бредущий в лабиринте Лабиринт. Феникс:

ISBN 978-5-17-122147-8

Аннотация

Михаил Каретников для своих стал изгоем и по решению Совета патриархов наказан забвением в рядах Бусовых бояр. Через «котовую нору» его выбрасывает в прошлое, и он попадает в день 22 июня 1941 года. Западная граница Украины. Машина вермахта набирает обороты, а по лесам и дорогам бесчинствуют бандеровцы. Михаил оказывается среди отступающих войск, выходит из окружения. И вот он уже под Москвой...

В книге использованы архивные материалы и воспоминания ветеранов о Великой Отечественной войне в период 1941–1942 годов.

Содержание

Пролог	5
Часть 1	18
Конец ознакомительного фрагмента.	192

Александр Забусов

Бредущий в лабиринте

Лабиринт. Феникс

Серия «Попаданец»

Выпуск 88

Иллюстрация на обложке Ивана Хивренко

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Александр Забусов, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Пролог

Все меняется, менялось и будет меняться.

Дана не была плохой или хорошей, она всего лишь молодая женщина, потерявшая своего мужчину. Так иногда бывает, что две семьи сговаривают молодых, и они, выполняя волю старших, обязаны заключить брачные узы. Любишь не любишь – это к делу не относится, главное два рода общей кровью повязать и воспроизвести на свет здоровое потомство. Им повезло, сразу друг другу понравились. Наверное, ошибка Варны сыграла в их судьбе немаловажную роль, в своих родах оба считались вырожденками. Ратмир не склонен был стать волхвом, а тянулся к стезе витязя, она не представляла себя ворожеей и после склок в семье, в конце концов, отдана была в учебу к амазонкам. Когда встретились оба, за плечами Ратмира были долгие годы изнурительной учебы, служба в армии, возвращение в родные края и княжеская служба в группе берсерков. Год назад вернулся из Афганистана, заматерел окончательно, выделился, встал в ряды карабов. Дана среди девиц-воительниц еще не успела заслужить уважение, слишком юна и строптива была. Иной раз взбрыкнет, непокорность проявит, за что мать-воительница потом уроком наделит. А урок тот хоть и по силам Дане, да только все соки на измор выжмет. Тем не менее по осени

свадьбу сыграть должны были, и вящий и мать-воительница разрешение дали. Потому как славянскому роду не должно быть переводу.

Случившийся побег пленника внес в их жизнь свои коррективы. Вящий вызвал шестерых карабов и доверил свободную охоту. Условие только одно. Беглеца обязательно живым обратно в детинец привести. Задачу поняли и приняли. Все шестеро разошлись куда посчитали нужным. Дался же князю чужак! Дана и в глаза его не видела, а уже корила за глаза и ненавидела. Перед тем как уйти в поиск, лишь парой слов переброситься успели...

Ратмира нашли и принесли в огнище... мертвым. Криком кричала, нарушая все мыслимые заветы предков. И не потому, что ее витязь погиб. Знать, на роду так написано было. Потому как мстить оказалось некому. Беглец, убийца ее мужчины, собрав скорбную жатву, утонул в болоте. Как боги могли допустить такое? В себе замкнулась, нелюдимой стала. Лицо будто маска из воска, красивая, но непроницаемая, невосприимчивая к доброму слову. Да и нужны ли те слова, коли жизнь не мила? Коли мужчины для нее не существуют? Сама не девка уже, успели с Ратмирушкой помиловаться, вкусить запретного плода. Кто ж знал?

Времени совсем немного минуло, когда князь в столицу вызвал добрую половину карабов из своей дружины. Туда же и ведьманы с парой волхвов направились. В детинце и огнище толком никто не знал, зачем силовая поддержка вяще-

му потребна. И мимо Даны сие действие пройти могло незаметно, амазонок к выезду не привлекли. Случайно услышала разговор родного дяди с отцом. Нет, не стремилась подслушать, в соседнем помещении с кабинетом бати в этот же час обреталась. Чужаков в тереме нет, да и домочадцы по дневной поре своими делами заняты где-то. Посему дядя Глеб не слишком голосом тайлся. До сознания дошло, что старшие обсуждают что-то связанное с гибелью Ратмира. Затаив дыхание, превратилась в неподвижную статую у приоткрытой двери кабинета отца, прислушалась к разговору.

– ...Присмотри за семейством, брат.

– Надолго едете?

– Кто знает. Не от нас зависит. Если честно, я бы того перевертыша собственной рукой на два метра под землю загнал. Закопать живьем – и вся недолга! Данку жалко. Какую пару разбил, гад ползучий!

– Глеб, тут ведь и мы сами виновны.

– Чем?

– Лишили человека свободы и хотели, чтоб он в нас врагов не видел. Так не бывает.

– Постарел ты, брат. Раньше бы так не рассуждал.

– Да нет, просто каждый ситуацию со своей горки видит. Мне было бы странно, воспринимай ты все случившееся по-иному. Я – волхв. Ты – ведьман. У нас разные понятия о происходящих под небом событиях. Да и не он это. Ведь какая проверка была? Утоп перевертыш, обознались сидни.

– Князь велел прибыть, значит, доподлинно выяснили, что жив. Все, недосуг мне языком трепать боле. Через два часа отъезд. Так что? Присмотришь?

– Вот именно, младший! Языком мелешь. Могло по-другому быть? Сам там осторожней будь.

– Буду.

Можно сказать в сознание пришла, дело появилось. Неужели боги услышали ее призыв и дали возможность отомстить? Размышлять времени не было, по-тихому собрала пожитки и личное оружие. Мысль о том, что Млава, старшая над амазонками, будет метать громы и молнии по причине ее исчезновения, мелькнула на периферии сознания. Пусть!

– Разве амазонки участвуют в деле? – чуть кривя рот в улыбке, спросил кудеяр Всеволод, старший над карабами.

Ее выручила нехватка времени, колонна должна была уже выдвинуться на маршрут. Уверенно ответила:

– Вящий затребовал присутствие только одной из нашего отряда.

– Тогда занимай место в последнем УАЗе.

Теперь главное не попасть на глаза дядьке Глебу...

В охоте на перевертыша участвовала вместе со всеми. Москва, большая деревня... Но большая! Когда поймали беглеца, все прошло мимо нее. И потом близко подобраться к источнику всех бед в ее жизни так и не смогла. Охраняли обидчика, словно князя какого. Даже глазком увидеть не позволили. Только знала одно: убить его должна именно она,

и никто другой. Крутилась поблизости, так как все же из рода волхвов была, смогла отвести глаза охране. Глаза-то отвела... да только не тем. Свои повелись, а вот бояре из личной охраны племенного белоярового... гм, князя, наверное, на ее ведовство не купились. Ясно дали понять, что женщине на разборе вины изгоя делать нечего. Хоть и признали за свою, но постой, мол, в сторонке, когда судьбу боярина патриархи решают.

Отошла. Стала ждать. Действие все происходило в многоэтажном доме. В нем не живут, а куча учреждений обособилась. Люди просто работают в гражданских госструктурах, относящихся к разным ведомствам, а весь шестой этаж каким-то непонятным образом под прикрытием центра связи под чужаками находится. Вон их сколько собралось! Тоже ведь божичи и тоже бояре ихнего же корня и их веры.

Ну почему она не ворожея? Ведь как бы дело упростилось! Знала за собой одну особенность. Если честно, не самое лучшее из освоенных от отца и матери умений. Ей, если нужно кому глаза отвести, нельзя объекту даже в лицо смотреть. Почувствует ее присутствие. Проверено! Куда хочешь смотри, хоть в пол, хоть в потолок, в конце концов в грудь подопечному, только не в глаза, только не в лицо.

Дождалась. Когда повели эту сволочь на расправу, увязалась за конвоем. Судя по спине и манере двигаться, еще не старый, да и на затылке не лысина с сединой, а густой ежик светлых волос. Только бы не глянуть на конвоиров, себя не

выдать, а там...

Ну и куда его? Чего уселись? Чего ждут?

Стояла рядом, слившись со стеной в коридоре, слушала разговор приговоренного с... палачом, как поняла, удивляясь пустопорожним словам. Ничего, потерпит. Возьмет свое. Главное момент не упустить. Из этого громадного домины он живым точно не выйдет. Любопытство разбирало, так хотелось взглянуть на обладателя молодого хриплого голоса. Но, кажется, то же любопытство сгубило кошку, значит, пока нельзя светиться. Парни крепкие, в один миг скрутят, даже дернуться не дадут. Нервничают, может быть, ощущают ее присутствие. Успокоиться необходимо. Дышать ровно, без нервов. Вот. Уже лучше. Охранники тоже перестали в пустоту пялиться, это она по их пульсу поняла, тоже папка научил, но стоят молча и отвлекаться не собираются. Только на лица не смотреть...

Когда старший «расстрельной команды» произнес слово «пора!», пододвинулась ближе, выпростала из складок одежды боевой нож.

«Вот сейчас!»

Четверка конвоиров будто опасность почувствовала, взяла подопечного в жесткое каре, не заметив, но в то же время оттеснив ее. Стоят так плотно, что руку не просунуть, а значит, силы удара не будет. Они, кажется, жертву сами побаиваются. Повезло, что вообще получилось в лифт втиснуться, вернее ей первой пришлось заскочить в него. Стран-

ные манипуляции с лифтовой панелью и появление незнакомки в лифтовом пространстве, считай, что не впечатлили, хотя как раз с ней-то не удержалась, заглянула в глаза «временной попутчице». Необычно. Облик человека, а по сути неодушевленный предмет. Момент исчезновения «женщины» прощелкала вместе с остальными, может потому, что в мозг единственная мысль стучалась: «Сейчас! Сейчас! Сейчас!»

С едва слышным стуком платформы под ногами лифт остановился. Дверь отошла в сторону. Все как по команде, не исключая и Дану, выглянули наружу. Ничего особенного, пустой коридор, панели стен которого окрашены в желтый цвет. Неподалеку лавочка, обитая синим дерматином. Из-под потолка свет струится от плафонов. Дана, воспрянув духом, напряглась для броски, готовая на то, чтоб раздвинуть охрану и ударить перевертыша в спину, а там будь что будет. Пусть руки крутят, пинают, пусть даже убьют. Ей все равно...

«Сейчас! Сейчас!»

Услышала голос старшего команды, обращенный к ее личному врагу, это было больше похоже на прощальное напутствие:

– Твоя остановка. Выходи.

Перевертыш, не поворачивая головы, переспросил:

– Уверен?

– Выходи.

Момент истины! Пора... Человек шагнул и визуально словно стоял при всех. За секунды толчком «раздвинув» чу- жаков, нарушая всю конспирацию, рванулась она следом за ним, еще успела услышать окрик: «Куда?»

От увиденного не сразу сориентировалась в ситуации. Только что ведь находилась в кабине лифта многоэтажного строения, только что видела из него уже привычные стены коридора и спину своего врага, а тут на тебе, словно ворожея пошептала... Вместо вечерних сумерек – ясный день, вместо коридора открытый природный ландшафт, и самое главное, парня, которому мечтала отомстить за смерть любимого человека, в обозреваемом пространстве не наблюдалось. Что за ерунда? Иллюзия? Обман зрения? Глаза закрыла в надежде, что все сейчас встанет по своим местам, открыла их снова. Видение не исчезло. Где она находится? Почему видит небо, пекло слишком жаркого дня, в пыльном мареве которого неподалеку от того места, где она стоит, по дороге упорно продвигаются, судя по солнцу, на восток колонны солдат и обозы. А по обочинам вместе с ними течет людской поток. Беженцы? Похоже на то! Их многие тысячи. Откуда?

Судя по всему, покинув родной кров, бросив все имущество, люди готовы на любые муки, лишь бы спастись от чего-то очень страшного. В какой-то момент будто кто звук в динамике включил. Услышала шарканье ног, скрипы колесных пар на телегах, голоса, стоны людей, жужжание двигателей машин, даже матюги. Пестрый людской поток двигался

в одном направлении, огибая ее, застывшую, обалдевшую от невероятной картины происходящего рядом.

Если бы не изможденные, запыленные, искаженные болью и безысходностью лица, можно было бы предположить, что перенеслась на съемочную площадку фильма о войне. Старики и молодые, мужчины и женщины, дети разного возраста шли вперемежку с толпами красноармейцев, напоминавшими сейчас не воинские подразделения, а скорее всего бездумное стадо двуногих особей. Хотя нет. У многих в руках и за плечами оружие. Раненых на носилках несут. А уж если своих не бросили, значит, не опустились до состояния животных. Просто, судя по всему, ситуация для них так сложилась.

– Чего столбом встала, девка?

Пожилой солдат с треугольниками в петлицах вылинявшей гимнастерки, исходившей застарелым потом, наверное, с недельной щетиной на простом морщинистом лице, тронул ее за плечо, тем самым приводя в «рабочее» состояние. Спросила, толком не сразу поняв, что от нее хотят:

– Что?

– Очнись, говорю! Своих потеряла, высматриваешь теперь? Так это гиблое дело в такой-то неразберихе. Пошли. Того и гляди, немец догонит.

Кивнула. Пошла вместе со всеми, будто пыльным мешком прибитая. Сначала брела бездумно, потом в голову наконец-то пришла мысль о том, что с казнью изгоя не все так

просто, как она ожидала. Оказывается, все это вокруг нее и есть произошедшее наказание для человека иной эпохи. Ну, а она теперь тоже получила толику того, за что можно было наказать строптивую, пошедшую поперек законов своего народа, глупую девушку.

Бабка рассказывала Данке еще в малолетстве, что Всевышний Бог богов – Род, проявившись в своем женском воплощении – Матери миров Ладе, наделил ее сокровенной силой, искусством творить гармонию – Родоладом. Он отдал ей часть своей силы и знаний, чтобы она могла насытить весь мир своею любовью и сотворить всеобщее счастье. Вторую часть – Родосвет – он отдал своему мужскому проявлению, Отцу миров – Сварогу, чтобы он своим Огнем и Свечением сварганил Вселенную в телесном виде. С того времени Отец творит, а Мать ладует все бытие. Только ведь невозможно прочувствовать все то хорошее, что есть в этом мире, когда вокруг тебя царит спокойная размеренная жизнь. Когда ты знаешь, что утро начнется с улыбки и новый день подарит тебе только добрые встречи. Ты здорова и юна. Ты счастлива. А вечером большая семья соберется в огнище, станет за широким, богато накрытым столом рассуждать о жизни, делиться впечатлениями и новыми познаниями. И только близкий приход Сречи заставит семейство разойтись по своим «углам». Ведь это лад, это счастье... Только раньше все воспринималось как должное, другого просто не могло быть. Оказывается, могло.

В уже более-менее привычных ей звуках жаркого, солнечного дня в воздухе вдруг возник гул, неизвестно откуда исходящий. Он все нарастал и нарастал, и показалось, что все кругом, даже земля под ногами, стало вибрировать. Вдали, в ясном небе, появилась армада самолетов. Они летели строем, на разной высоте, медленно, уверенно. Им явно не было кого бояться. Они даже не маневрировали, не меняли строй, словно не замечая того, что там творится внизу. Самолеты летели к цели. Четко видны желтые концы крыльев и черные кресты на фюзеляжах.

Усталый люд, как по команде, застопорил продвижение, задрав голову, заворуженно наблюдал неприглядную картину немоги родного государства в своем же небе. Тишину среди людей нарушал лишь детский плач да стоны раненых. Прежний дядька в гимнастерке, стоявший рядом, со вздохом боли в голосе произнес:

– Киев полетели бомбить.

Кто-то из мужчин в толпе выкрикнул чуть ли не фальцетом:

– Где же наши хваленые соколы Сталина? Где?

Ответом ему было совсем не то, на что можно было рассчитывать. От армады больших черных «птиц» вдруг откололись мелкие «ястребы». Опустившись пониже, пронесли над вставшим людским потоком, поливая его огнем и свинцом.

Ду-ду-ду! Ду-ду-ду-ду!

И видно было, как пули из пулеметов вдальбливали смерть в тела людей и живую плоть самой Земли, словно забивали гвозди в крышку гроба. Через крики и ор можно было разобрать чьи-то команды:

– С дороги! Ложи-ись!

– В лес давай!

И народ будто проснулся, порскнул кто куда смог, кто куда успел. И она, Дана, бежала вместе со всеми. Кричала, падала, поднималась и снова бежала, а потом, упав, свернулась калачиком, стараясь всем телом стать меньше в размерах, стараясь вжаться в землю, слиться с ней. Губы беспрестанно шептали одно и то же:

– Перуне, Отче наш!..

Словно услышав ее молитву, в небе появились самолеты со звездами на крыльях. Их было так мало, что сравнивать с машиной противной стороны даже не стоило. Пять ястребков ринулись атаковать строй бомбардировщиков, выпуская по нему струи пулеметного огня, и лишь один, вертясь и маневрируя, в смертельной карусели сцепился с истребителями, до этого момента дербанившими колонну беженцев... Сама эта атака очень походила на обиженный лепет получившего по шее домашнего мальчика-подростка, но не сломавшегося под гнетом обстоятельств и продолжавшего отмахиваться от привычных к драке дворовых хулиганов. Что могли сделать шесть маленьких, тупоносых самолетиков строю сотен ошестинившихся огнем пушек и пулеметов профессионалов вой-

ны?.. Ничего. Разве что умереть с честью...

С тем, что сейчас произошло у нее перед глазами, Дана столкнулась первый раз в жизни. Лицо войны мало того, что было отвратительным, оно было ужасным. Полотно самой дороги, в колдобинах и ямах, усеяно трупами простых, гражданских людей. По обочинам валялись десятки растерзанных тел...

Дальше была переправа. Перед ней огромные массы людей, машин, повозок скопились в узком лабиринте. Каждая фашистская бомба находит цель. Но и здесь нет паники, люди, кажется, свыклись с неизбежным. Пусть будет как будет. После бомбежки бойцы и командиры убирают тела погибших, разбитые машины и повозки, снова наводят мост, пускают паром. Беженцы, и она вместе со всеми, терпеливо ждут своей очереди...

Часть 1

При пиковом интересе¹

*...Может, прямо лучшие не идти,
Отсидеться где-то в стороне,
Но другого нет у нас пути,
Без защитников не жить стране!*

*Наши предки долгие века
Лили кровь за эти рубежи,
Не иссякнет Родина, пока
Будут в бой мужчины уходить.
Олег Газманов. Два орла (из к/ф «Офицеры»)*

«Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление.

В 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на Советский Союз, атаковали наши границы во

¹ *Пики* – одна из четырех карточных мастей, благодаря черному цвету своих значков являющаяся у гадателей предзнаменованием всех бед и несчастий. Тот, кому при гадании «выпадают» пики, остается «при пиковом интересе», то есть ни с чем, в печальном положении. Пиковый – неприятный, затруднительный, являющийся следствием неудачи, поражения. В пиковом положении очутиться, в пиковое положение попасть – значит испытывать серьезные затруднения, неприятности.

многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причём убито и ранено более двухсот человек. Налёты вражеских самолётов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключён договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то, что за всё время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне, как народному комиссару иностранных дел, заявление от имени своего правительства о том, что Германское правительство решило выступить с войной против Советского Союза в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы...»

Так впервые по радио прозвучало выступление Вячеслава

Молотова о войне.

22 июня 1941 года гитлеровская Германия напала на Советский Союз. Начался новый этап Второй мировой войны. Сразу и весьма существенно изменилось соотношение сил на политической карте мира, но именно с этого времени все силы вермахта были брошены на советскую державу.

Лидер консервативной партии Уинстон Черчилль знал, что Советская страна летом 1941 года не только сняла бремя немецкого давления на Англию, не только спасала жизнь сотням англичан, но и вообще меняла ход войны. Уже вечером 22 июня Великобритания, а за ней и США заявили о полной поддержке борьбы советских народов с фашизмом.

Забегая немного вперед, можно сообщить, что в июле в Москве будет подписано англо-советское соглашение, оформившее союз двух держав в войне против фашистской Германии и положившее начало формированию антигитлеровской коалиции.

С самого первого дня войны реакционные круги Англии смотрели на сотрудничество с СССР как на вынужденное и временное. «...перспектива стать союзниками большевиков – нелепость... существуют большие сомнения и относительно их военной ценности» – так по этому поводу высказался лорд Исмей, начальник штаба при премьер-министре Англии.

В своем скупом замечании относительно союза, Черчилль не верит в то, что Советское государство сможет выстоять

перед натиском бронетанковых армий Гитлера, только простому солдату РККА на веру английского политика было сугубо облокотиться. Шли первые часы войны, начинались ее первые дни...

* * *

Все у него как не у людей. Все через пень-колоду! Это же надо случиться такому: выпустившись из пехотного училища, попасть в конвойный полк. Почти год прошел, а все привыкнуть не может. Вот и сегодня именно его с самого утра отловил ротный командир...

– Придется тебе, Василий, съездить на границу. Возьми двух бойцов. Оружие. Заберешь у пограничников пойманного шпиона, доставишь во Львов.

– Олег Федорович, мы-то тут при чем? Есть же соответствующие...

– Отставить! Приказ на усиление застав поступил, а личного состава кот наплакал... Короче, действуй.

Считай, пропал выходной день, единственный в череде служебного времени. В закрытую зону добрались под вечер, а на заставу так и вообще затемно. Начальник заставы, приняв приезжих, не на шутку обрадовался, по лицу отчетливо видно было.

– Пойми, лейтенант! Ночью этого субчика взяли, можно сказать, на участке КСП. Если б наряд не задержался на том

отрезке дистанции, так, может, пришлось утром по следу с собакой бежать. Чисто сработали, видно с той стороны давно за графиком прохода наблюдали.

– А чего ж тогда сорвалось у них?

– Малгобеков, боец молодой, да шустрый. По своей то-ропливости в темноте оступился, ну и сверзся с тропы. Склон покатый, но пока катился, своей бестолковой стриженной головой о ствол дерева навернулся. Пока спускались, пока в чувство привели, политику партии объяснили, от графика малость отстали. Начальник наряда из старослужащих заметил непорядок со стороны... Ну, это не важно. Нарушитель сам прямо в руки угодил. Скрутили. Обыскали. О задержании в отряд доложили. Оказывается, уже несколько дней по всей границе такое творится... У меня приказ: никого с границы не снимать, а за нарушителем, мол, прибудет соответствующая команда.

– Вот я и прибыл.

– Сейчас вас покормят, обустроят, а утром забирай задержанного и увози...

Наступавший рассвет нового дня и волнение дня предыдущего заставили Апраксина проснуться ни свет ни заря. Одевшись, вышел из помещения на воздух. Предчувствие беды глодало душу. Никогда с ним такого не было. Осмотрелся. На западе начало синеть небо, слышно, как в близкой от расположения заставы реке плескалась рыба. На самой заставе жизнь шла своим привычным чередом, зорко всматри-

вался в противоположный берег часовой на вышке, бесшумно по тропе подошел пограничный наряд, встреченный прямо у ворот заместителем начальника заставы. Прислушавшись, услышал доклад:

– Товарищ лейтенант! Пограничный дозор в составе трех человек, выполняя приказ по...

– Замечания?

– На сопредельной стороне слышен гул работающих двигателей, отмечено мерцание света фар.

– Ясно. Сержант Коробко, наряду действовать по установленному распорядку.

– Есть!

Апраксин покачал головой. Ну и служба у погранцов! Не хотелось бы оказаться на их месте. Не понаслышке знал о постоянных провокациях на границе, а те не могли себе позволить достойно ответить «соседям». Н-да! Хотел вернуться назад, прилечь в одежде на кровать, да только до слуха дотянулся гул моторов, теперь уже сверху, с неба со стороны запада. Что за?..

А через некоторое время над головами пограничников, поднятых по тревоге, начали проплывать самолеты с уже заметными черными крестами на крыльях.

Война?

Почувствовал, как кто-то встал за спиной. Оглянулся. Его бойцы при полной экипировке с оружием стояли, беспокойно вглядывались в небо.

– Война, товарищ лейтенант? – спросил Гавриков.

Что тут скажешь, когда все небо в «крестах»?

И будто в подтверждение догадки, вдруг ожил весь западный берег, над головами прошелестели первые снаряды, раздались оглушительные разрывы этих снарядов и мин. Вся видимая глазу приграничная территория покрылась стеной сполохов, запылала казарма, склад, хозяйственные постройки. Горело все, что не должно было гореть...

Все трое оказались в отрытом неподалеку от горевшей казармы окопе, прижимаясь всем телом к земляной стенке. Вокруг все рвалось, дымило и стреляло в ответ на нападение извне.

– Лейтенант! Ты чего здесь? – сквозь невообразимый шум услышал голос Зверева, заместителя начальника заставы. – Забирай своих и в тыл двигай!

– Нам шпиона забрать...

– Нет шпиона. Сгорел! Прямое попадание.

– Так, может...

– Уходи! Нечего вам здесь делать, без вас справимся. Скоро усиление подойдет.

От границы добирались на перекладных, шли и ехали на чем придется. То, что враг оказался сильнее, чем его представляли, для Апраксина и встреченных по пути некоторых командиров явилось неожиданностью. Все даваемые указания сверху – огня по немецким самолетам не открывать, семьи из приграничных районов не эвакуировать – сеяли

неуверенность и подавляли всю инициативу у низших звеньев руководящего состава Красной Армии...

В боевые действия полк вступил, считай, уже с пяти часов утра, сразу с момента налета бомбардировщиков противника на город. Военная часть была особой, конвойных войск НКВД. Поэтому майору Дмитриеву пришлось усиливать караулы в тюрьмах Львова и выставлять новый усиленный караул в тюрьме № 4, до этого охраняемой надзорсоставом самой тюрьмы, а уже к восьми часам, по распоряжению командующего шестой армии, полк принял под охрану и оборону пять важных городских объектов: электростанцию, радиостанцию, газовый завод, главпочтамт и нефтеперегонный завод. Только этим дело не закончилось. На полк возложили патрулирование всего города, куда выделялось каждую ночь по сто человек. Думать о том, что происходит, провокация это или война, времени не оставалось. В силу сложившейся обстановки, по заданию коменданта города, Дмитриев неоднократно высылал от отделения до роты, для выполнения оперативных задач. Его подчиненным пришлось усмирять арестованных в первом отделении милиции по улице Яхимовича, предотвращать ограбления магазинов в районе Клепаровской, обыскивать помещения на территории пивоваренного завода, откуда была обстреляна грузовая автомашина полка. Оцепление и обыск домов в разных районах города, из окон чердаков которых обстреливались проходящие части Красной Армии, подразделения и автомашины, стало

привычным делом. Чувствовалось, что действительно именно война уже подбирается к окраинам Львова, и огромное, ни с чем несравнимое горе надвигалось на город. Но это ощущение было не у всех. Город затихал в состоянии тревоги и неопределенности, чтобы в ночные часы просыпаться выстрелами и взрывами обозначать свою неоднородность в отношении к власти, пришедшей к ним с востока. Склонность к предательству проявлялась у галичан во все времена существования этой народности. Они всегда ненавидели славян, евреев и тех же поляков. В Жовквивском и Янивском предместьях велась интенсивная перестрелка между военнослужащими Красной Армии и местными оуновцами, а также заброшенными за линию фронта диверсантами. Эти локальные бои повлекли в первые дни войны серьезную панику среди сотрудников НКВД и партаппарата, которые уже двадцать третьего июня начали покидать город. Глядя на все эти безобразия, Дмитриев, не став советоваться ни с кем из начальства, своей властью решил проблему семей своих подчиненных. В приказном порядке заставил жен и детей командиров с минимумом вещей посадить на грузовики и отбыть в направлении Киева. Знал, когда нет груза ответственности за домочадцев, мужчина воюет более умело и расторопно. Странно наблюдать, как женщины запирают квартиры и дают указания дворникам следить за порядком.

«Скоро вернемся...»

Может быть, но именно он верил в это с трудом. По стра-

не коваными сапогами прогремел 1941 год – война. Именно война, а не конфликт или провокация. Она внезапно черной тучей надвинулась на отчизну. Немцы подмяли под себя всю Европу, а воевать они умели. Однако полк, освободившись от «груза», действительно воспрянул духом.

Между тем враг тоже не зевал. Активизировали свои действия боевые группы ОУН, на улицах началась стрельба. Была повреждена воздушная линия на Тернополь. Ремонтники с приданным взводом лейтенанта Апраксина выехали устранять повреждения, но два пулемета, установленных в костеле, не давали этого сделать. Только при помощи танка, который направил в распоряжение Дмитриева начальник пограничных войск, удалось подавить огневую точку и восстановить связь. Бои становились все более жестокими. Оуновцы обстреляли территорию управления НКВД, стреляли по отдельным военным, по частям, размещавшимся на улицах. В некоторых районах Львова еще до вторжения немцев завязались уличные бои. Уже на четвертый день сильные бои с участием большого количества танков с обеих сторон развернулись между Львовом и Луцком. Противник почти круглосуточно бомбил город, число жертв среди мирного населения росло с каждым днем. Среди военнослужащих были погибшие и раненые от выстрелов из-за угла местных националистических групп и просочившихся в город немецких диверсантов. Высокий Замок, городские газораспределительные станции, Лычаковский парк, костелы в центре Львова и

трамвайное депо стали опорными пунктами бандитов, именно оттуда, а также с крыш и окон домов велся огонь по частям восьмого механизированного корпуса, который форсированным маршем передислоцировался в район боевых действий.

По «подозрительным» окнам и чердакам войска отвечали беспорядочной стрельбой из винтовок, автоматов, пулеметов и танков. Бои с повстанцами не прекращались круглосуточно, их вели подразделения Красной Армии, милицейские патрули и бойцы полка Дмитриева. Стремясь уберечь солдат от неожиданных обстрелов, военная комендатура Львова издала приказ всем обитателям центральной части города держать закрытыми окна, которые выходят на главные улицы и площади. Также запрещалось появляться возле окон. По городу разъезжали грузовые автомобили, заполненные солдатами полка, державшими винтовки нацеленными на окна и чердаки. Начались облавы в домах в центре города, при этом расстреливали на месте всех подозрительных. Между тем по улицам Львова проходили на восток все новые и новые колонны советских войск, уже выдержавших тяжелые бои, отразившиеся и на их поведении, настроении и внешнем виде.

Снова Апраксин со своими бойцами попали под раздачу. Интенсивный пулеметный огонь из-за стен монастыря отцов-василиан заставил залечь. Высунувшийся было из укрытия сержант Белый получил пулю в голову. Первая потеря в подразделении молодого лейтенанта. Как же так?

Людьми рисковать не стал. Знаками приказал Лукину, Гаврикову и Данилову отползти под укрытие ветхого строения, остальным оставаться на месте, имитируя ленивую перестрелку с закрепившимися бандитами.

— Я двигаюсь первым. Вам троим держаться у меня за спиной, контролировать ситуацию по сторонам и прикрывать, если придется. Понятно?

— Ясно, товарищ лейтенант.

— Тогда вперед.

Чтоб за стены попасть, пришлось Гаврикову пожертвовать противотанковой гранатой, а монахам лишиться окованной железом старой двери. Потому как сразу после взрыва метнулись внутрь, двор смогли пересечь без потерь. Националуги тоже воевать пока точно не умели, все свои силы направили на залегших красноармейцев. В тесных коридорах и каменных мешках старого здания Апраксину пришлось пострелять. Когда наверх взобрались, бандитов и след простыл. Вызвал взвод, поставил на уши насельников обители, в монастыре провел обыск, но боевиков не обнаружили. Только и положительного во всей этой кутерьме было, что за сержанта худо-бедно отомстили: когда штурмовали монастырь, смогли четверых оуновцев уничтожить. Только до расположения добрались, и на тебе, новый приказ. Полк переходит в подчинение начальника УНКВД по Львовской области капитана Дятлова. Необходимо снять из тюрем надзирательский состав, а также войсковую охрану, и в три часа ночи со всем

обозом сосредоточиться у здания облисполкома. Командиры и бойцы в недоумении. Что? Город оставлять придется?

Уходили тревожно, будто ведьма нашептала налет самолетов на город и сильную стрельбу. Кажется, даже стены по ним стреляют. Стреляют из пулеметов, винтовок, револьверов, из окон, чердаков, закоулков и главным образом церквей и костелов. Местный контрреволюционный элемент разошелся не на шутку, догадываясь, что времени на полноценный ответ у конвойщиков нет. Очень повезло с тем, что люди бывалые, в панику не ударились, но потери понесли. При отступлении узнали информацию, что кроме самого Львова восстание националистов вспыхнуло почти во всех районах Дрогобычской и Львовской областей. Нападения оуновцев из Винниковского леса особенно донимали войска, так как осуществлялись на важных рокадных дорогах Львов – Золочев и Львов – Самбор, которые являются соответственно южной и северной границами лесного массива. Вермахт еще только на подступах был, а уже почти весь район контролировался оуновцами. Сотни молодых людей, которые присоединились к националистическим отрядам, добровольно помогали отделам вермахта и полиции в борьбе с разрозненными группами красноармейцев. Националистам удалось получить ценную оперативную информацию, которую немедленно передали наступающим немцам.

Стойкость 98-го пограничного отряда смогла дать немного времени армейцам, но сунувшись и потеряв более бата-

льона солдат, противник обошел пограничников по сторонам, предоставив им возможность воевать в полном окружении. В районе Львова, где сражался четвертый мехкорпус, основная тяжесть арьергардных боев выпала на восьмую танковую дивизию. Частям ее, несшим потери и наносившим ущерб германцам, то и дело приходилось драться во вражеском кольце. Но вырвавшись, они снова преграждали путь фашистским войскам. Много часов в отрыве от основных сил вели бои батальоны восьмого мотострелкового полка, натываясь на мощный огневой заслон. Собранные в единое подразделение остатки рот пошли на прорыв. Без крика, без выстрелов двинулись бойцы, сбили вражеские цепи. Неся на руках раненых, герои пробились к своим.

В связи с общим отходом войск фронта, по приказанию штаба шестой армии, весь наличный состав полка, а если конкретно, то оставшийся один батальон, в течение дня двадцать девятого июня и до двух часов ночи тридцатого обязан был прикрывать отход частей РККА, заняв оборону у кирпичного завода, и после отхода всех частей отойти по маршруту Сихув – Бубрка – Рогатин – Козова – Тарнололь. Должен... Только как это можно сделать на практике, если даже станковых пулеметов по штату нет? Нет пушек и бронебойных ружей. Нет... Начальство усилило полк тремя танками и подтвердило свой же приказ – держаться на позициях...

Ротный обозначил рубеж для взвода Апраксина: примыкающую к главной магистрали дорогу. Мимо них и лично-

го состава взвода, почти толпой стоявшего на обочине, не останавливаясь проезжали машины, телеги с гражданским и военным грузом, шел людской поток беженцев, в основном не относивших себя к исконно местным, смешавшихся с отступавшими потрепанными, измотанными недавними боями военными колоннами. Ротный, не отрывая глаз от всего этого безобразия, пояснил:

– По эту сторону дороги зона твоей ответственности, по другую – Бойко со своим взводом обороняться будет. Место удобное. Считай, открытое пространство перед фронтом подразделения. Вас вон, еще лесной массив прикроет. Щели рой. Гм! Пока время позволяет, бойцов не жалеи, пусть окопы полного профиля копают и стены крепят, земля здесь мягкая.

– Ясно!

– Ясно тебе. А вот до меня не доходит, как танки останавливать будем, если придется?

– Так ведь гранаты есть.

– А твои бойцы их когда последний раз метали?

– При мне ни разу.

– Вот то-то и оно. Занятие проведешь. Вас ведь в пехотном училище этому учили?

– Так ведь когда?

– Жить хочешь? – посмотрел в глаза Апраксину, надеясь разглядеть в них хоть толику решимости. – Найдешь время. Я с третьим взводом тебя и Бойко с тыла подопру, чтоб хоть

драпать не сразу стали, а немцев боем связали. Не бойсь, лейтенант! Может, командование сил и средств подбросит, повеселей воевать будет.

– Так точно, товарищ капитан.

Не успели толком оборудовать позиции, как ход события изменил немецкий летчик, скорей всего возвращавшийся после бомбежки города и давший крюк с целью разведки территории, на которую нацелен удар пехотных частей. Начало войны, народ не слишком пуган, все-таки по дороге в основном отступление происходит. Самолет стал кружить над колонной, его маневры выглядели угрожающе. Умная голова нашлась, опасаясь обстрела, дала отмашку.

– Укрыться!

Руководители в колонне остановили автомобили, лошадей и пеший люд, приказали прятаться в подлеске, за обочинами, в поле и под теми же автомобилями. Покружив над дорогой, самолет удалился. Очевидно, смертоносный груз и горючее были уже израсходованы. Некоторые индивиды предположили, что летчик – скрытый интернационалист, а потому пожалел беглецов.

Самолет улетел, и на короткое время по всей дороге стало как-то очень тихо. Апраксин услышал, как Лепешкин сказал Серенко:

– ...немцы нация культурная, ежели им не гадить, то и они тебе...

Окликнул:

– Лепешкин! Окоп готов?

– Уже обустройстваюсь, товарищ лейтенант.

– Проверю...

Где-то ближе к четырем часам вечера лейтенант заметил, что дорога стала более свободной, почти опустевшей. Прямо какое-то затишье.

Что, неужели все вышли?... Да нет! Не может быть, чтоб уже... Ну вон же!

Наяривая лошадей, выжимая из них весь оставшийся запас сил и прочности, по дороге к позициям неслась вереница повозок, сверху укрытых брезентовыми пологам. Лейтенант еще издали по пестроте одежды на людях понял, что табор перебивается с места на место, может, уходит подальше от войны, стремясь остаться на советской стороне. Но почему такая спешка? Грохот от колес и поклажи, тревожный гомон и детский плач долетали до них на большом расстоянии. Где-то за спиной, со стороны основной магистрали, там, где прикрывал тылы роты основной состав полка, слышались артиллерийская канонада и ружейно-пулеметная перестрелка. Как все не вовремя!

Завидев красноармейцев, погонщик с первой же телеги стал кричать:

– Немцы! Немцы!

– Занять места в окопах! – отдал приказ личному составу. – Приготовиться к бою!

Что происходит в тылу, дело десятое, его позиции имен-

но здесь, и защищать их придется согласно распоряжению старшего начальника. Апраксин, поднеся бинокль к глазам, всмотрелся в хвост тележного поезда, успевшего выскочить с перелеска на дистанцию засеянного пшеницей поля. Вот он, противник, с которым еще не встречался воочию в смертельной схватке. Из леса выкатились два мотоцикла, выкрашенных в серый цвет, с прикрепленными к ним боковыми люльками. В жаркую погоду солдаты вермахта в мышиного цвета гимнастерках, экипированы касками с очками. Встав на месте, оба пулеметчика в колясках приложились к прицелам ручных пулеметов и открыли огонь в направлении уходившего прочь цыганского табора.

– Товарищ лейтенант!..

Оглянувшись на голос. Сержант Данилов взглядом задавал вопрос. Что делать? Стрелять или...

Стрелять в ответ пока нельзя, немцы вряд ли могли рассмотреть их позиции, а огонь по цыганам открыли, потому как не слишком спешили догнать «перекати-поле», играя с людьми, как кошка с мышкой. Азарт на лицах врагов. Отсюда в бинокль хорошо видно, что лыбятся в предчувствии охотничьего гона.

Спрыгнул в окоп, напрягая голос, чтоб услышали все, распорядился:

– Огонь открывать только по моей команде. Подпустим немцев на близкое расстояние.

Тем временем телеги цыган почти проскочили мимо от-

рытых и замаскированных окопов взвода, оставив после себя пыльный шлейф жаркого дня. Фашистские мотоциклисты, будто дождавшись выезда танков на обозримое взводным пространство, сорвались с места и, тарахтя моторами, покатали вперед.

Чуть привстав над бруствером, лейтенант, глядя в окуляры бинокля, рассматривал не их, а кромку леса за спиной немецкого передового дозора. Губы непроизвольно шевелились, произнося цифровой счет сил противника:

– Один... два... три... Нет, это броневедомитель... Еще один...

Распорядился:

– Передать по ходу сообщения! Приготовиться к отражению атаки врага. По мотоциклам...

Мотоциклисты, считай, вплотную к позициям подружили, сейчас их заметят.

– Огонь!

Бойцы, томимые ожиданием приказа, одновременно в восемнадцать стволов произвели винтовочный залп. Заработал «дегтярь», ручной пулемет, в руках Гаврикова.

– Прекратить стрельбу! Сержант, быстро одно отделение к мотоциклам, по возможности укатить их за позиции.

– Есть!

Звук выстрела и поднятый прилетевшим снарядом сноп земли тут же заставили изменить планы. Немцы не дураки.

Превозмогая страх, Апраксин отлепился от земляной сте-

ны, способной защитить от непрямого попадания.

– Отставить! Всем укрыться на дне окопа! Наблюдателям не зевать.

Утюжили снарядами их добрых минут десять, потом...

– Т-товарищ лейтенант! Т-танки на нас двинулись, – проорал Сечкин, один из выставленных наблюдателей.

Апаксин выглянул из окопа.

– Приготовить гранаты. Действовать, как учил. Гавриков!

– Здесь!

– Пехоту отсечешь.

– Знаю.

Да-а! Бойко в лучшем положении. Его взвод на той стороне дороги, только подальше метров на триста будет. Расположился уступом ближе к лесу. Его пока не трогали, а он «молчал». Тоже верно сделал. Ну!.. Ого! Вот и кавалерия! Не бросил майор своих, прислал-таки подкрепление.

Из лесного массива, свернув с дороги, прямо на поле разворачивались для ведения стрельбы три быстроходных бэт-эшки. Бойцы их заметили тоже. Кто-то радостно воскликнул:

– Живем, братцы! Наши!

Перед взорами обеих сторон развернулась дуэль «железных кулаков», тяжелая и быстротечная. Апаксин первый раз в жизни видел, как горит железо. Все три танка пылали факелами за дорогой, неподалеку от их окопов, успев подбить лишь одного «немца», заставив его также полыхать ог-

нем. Второй фашистский танк был лишен хода, по причине поврежденного катка и гусеницы на нем, но стрелять был в состоянии.

В процессе боя бронетранспортеры, выгрузив подразделения наружу, развернулись строем, пулеметами поддерживая собственную пехоту, неводом охватывающую пшеничное поле, стреляющую во все, что движется. А ведь заметно, что сейчас немчура допрет до выживших каким-то чудом танкистов, со стороны неприятеля прикрытых дымной завесой трех «костров». Им бы помочь! Только... мозолит глаз постоянно стреляющий последний оставшийся целым немецкий танк. И ведь вот он... рядом совсем, только голову не поднять. Немецкий танкист-пулеметчик беспрерывно долбит очередями по позициям конвойщиков.

– Ур-ра-а! – стройно, но жидковато пронеслось несколько сзади, с противоположной стороны дороги.

Бойко?!

Лейтенант, пригибаясь, виляя ящеркой, пошел по ходу сообщения. Голова гудела, как после сильного перепоя. Во всяком случае, и другие симптомы также не слишком отличались. После того, как пару раз приложило близким разрывом снаряда, соображалка работала туго, жутко и пыльно сушил слипшийся рот. Только обстановка не та, чтоб на себе внимание заострять, он не сам по себе, с ним его люди. Люди... Вот они... Лепешкин, Серенко... Оба, прикрытые тонким слоем грунта и пыли, лежат под ногами, невидящими

взглядами уставившись в пустоту. Сколько же он бойцов потерял?.. Нет, бой не закончен, отвлекаться нельзя.

Скорее почувствовал, чем услышал близость железного монстра рядом с его позицией. Высунулся.

Банг! Шух!.. Банг!

Танковая пушка лупила в сторону поля, туда, где захлебнулось русское «ура». Когда только «немец» успел через окоп перебраться?

Танк, подставив половину кормы в распоряжение лейтенанта, перемолов траками насыпь окопа, казалось, огромной машиной перебравшись через ров, встал. Вот и можно наконец-то воспользоваться гранатой, которую, считай, весь бой проносил в руке, не выпустив ее, даже когда присыпало земель. Ага! РПГ-40, фугасная, противотанковая. Примерился. Отвел правую руку в сторону, так, чтоб свободно выбросить килограмм с гаком «живого» тротила на десяток метров. Бросок.

Граната сама после броска автоматически встанет в боевое положение, а при соприкосновении с машиной сдетонирует и взорвется. Апраксин, присев на дно окопа, прижался к его стенке.

Взрыв. Тряхнуло, сдвинув на лейтенанта земляное крошево и пылевую пелену. Обрадоваться не успел, как еще раз тряхнуло не по-детски, громким взрывом заставив вжаться в дно, превратиться в подобие эмбриона. Спасительная темнота наконец-то дала возможность расслабиться, уйти от про-

блем.

...Маршируя по плацу, подразделение напоролось на зама начальника училища, пристально наблюдавшего за передвижениями курсантов. Старшина остановил строй и после команды «смирно», как положено, старательно доложил старшему начальнику:

– Товарищ полковник, третья учебная рота следует на занятия!

– Не следует, а яйца по земле перекатывает, – был ответ...

Импульс от выговора недовольного начальника заставил вздрогнуть и... с трудом, но открыть глаза.

Что с ним? Все тело будто через жернова пропустили. Голова трещит неимоверно, а еще ноги. Постоянно ноющая боль. Где он?

Глаза ловили сплошной потолок из низко надвинувшихся ветвей деревьев, покрытых листвой, а до слуха доходило частое постукивание и скрип, вроде бы как тележных колес. Апраксин, схватившись за деревянные боковины той конструкции, на которую его положили и куда-то везли, попытался приподняться. Получилось только дернуться вверх и снова отвалиться на спину.

– Ай! – вырвался из горла крик боли.

Тут же, через новый поток этой самой боли, услышал:

– Тпр-ру-у! Сто-ой!

Лицо сержанта Данилова наклонилось над ним. Подчиненный, с любопытством визуально обследовав состояние взводного, уставился в глаза. Рот, растягиваясь в вымученной, ненатуральной улыбке, выдал вопрос:

– Товарищ лейтенант, оклемались?

– Что со мной случилось, сержант? – спросил, морщась, даже говорить было сложно, скорее прохрипел.

– Так это, на восток пробираемся.

– А взвод где?

После ненадолго повисшей тишины услышал тихий ответ:

– Нет взвода... Из всех только нас трое и осталось. Вы, я да Гавриков...

– Ум-м-м! – застонал, только уже не от боли, а от безысходности.

Данилов, будто совсем добить захотел, dokonчил невеселое повествование, окончательно лишив взводного иллюзии на хоть какое-то положительное восприятие действительности.

– Взвод Бойко тоже полег. Может, и вырвался кто, только разве теперь узнаешь? Взводный их в атаку повел. Так знатно поднялись! В штыки, на «ура»! Думал, сомнут немца. Только их из пулеметов, что на консервных банках стояли, как есть покосили.

Апраксин услышал, как кто-то у него в ногах всхлипнул, но рассмотреть – кто – толком не мог. Спросил:

– Плачет?

Данилов кивнул.

– То Тишилаба плачет. Весь их табор сгинул. Они до позиций ротного стремились пробиться, а там уже галичане хозяйничали. Подобрались лесом, гранатами третий взвод забросали, а опосля – кто жив остался, кого постреляли, кого зарезали. Только нам в спину ударить хотели, а тут цыгане... Тишлабу с дитем Михаил привел.

– Кто-о?

– Беженец к нам прибился. Кстати, вы ему тоже жизнью обязаны. Когда боеприпас у танка сдетонировал, товарищ лейтенант, вас и засыпало. Гражданский за карабином в окоп прыгнул, стон и расслышал. Откопал. Вам оторвавшимся катком по ногам удар пришелся.

– И где этот гражданский?

– Они с Гавриковым тропу разведать пошли. Националистов по лесам много бродит, не хотелось бы нарваться на их засаду. О! Кажись, возвращаются.

Действительно, по тропе с поросшего лесом косогора спускался красноармеец Гавриков, ничуть не согнувшись под тяжестью «дегтяря» на плече. Молодой, но весьма крепкий парнище, широколицый, толстогубый, щекастый, курносый сибиряк, в рваном обмундировании. Сержант, не повышая голоса, задал вопрос:

– Второй где?

– Ща подойдет. О! В чувство пришли, товарищ лейтенант? А то уж мы думали...

Сержант оборвал словоизлияния:

– Дорога как?

– Свободна. Федорыч, ты б видел, как Михайло по лесу крадется. Эт-то что-то! У нас так не каждый охотник может!

– Меня обсуждаешь, Витек?

Словно из-под земли из-за кустов появился молодой парень в испачканной рубаше, в штанах, пошитых из грубой синей ткани и по бокам прошитых желтой нитью, в туфлях на тонкой подошве.

Когда неизвестный ему человек встал рядом с повозкой и своим взором окинул его, раненого и увечного, Апраксин даже удивился показавшейся вдруг доброте и свету в его глазах. Удивительно! Обычно так смотрят на людей служители культа. Может, он из этих? Ну, там... обычный поп, что ли? Молод только очень. В руках парень держал короткий карабин польского производства, штык-нож от которого он заткнул со стороны спины за ремень на поясе. Если б это был боец их взвода, Данилов даже в такой ситуации запросто взгрел бы за внешний вид. Пижон городской, понимаешь ли! Но... как говорится. А еще, сержанта просто на подсознании поражала внутренняя сила встреченного на войне паренька. Вроде ничего особенного в словах и голосе, но только взглядом поведет и мнение выскажет, а хотелось принять сказанное к исполнению.

– Петр Федорович, метров через триста с тропы в сторо-

ну свернем. Чуть проедем, и привал объявляй. До ночи отсидимся.

– Чего так?

– Местные жители балуют. Немцы вперед ушли, а эти сволочи отловом красноармейцев и беженцев занялись, на тропах «рогатки» выставили. Сам видел, потому и Витьку назад отослал. Уж очень шумно ходит, как топтыгин в малиннике.

– Напраслину возводишь, Миша! – обиделся тот.

– Цыть! – Данилова другое беспокоило. – Ночью-то как пойдем?

Парень подмигнул.

– Ночью спать нужно. Перед самым рассветом двинемся.

Действительно, гражданский нашел место, забились, что называется, в самый медвежий угол. Пока Данилов сам раскладывал нехитрые пожитки и остатки еды, найденные в цыганской повозке еще первого дня, на тонкие ломтики резал сало и лук, пока Гавриков обустроивался в «секрете» по ходу колесных приметин в траве, а цыганка, оставив сверток с ребенком, скрылась по своим надобностям в кустах почти непролазной поросли, парень встал у телеги с раненым. Наконец-то представилась возможность спокойно поговорить. Хотя сам Апраксин не торопился начинать разговор, отчасти и потому, что молодая цыганка перед тем, как уйти, что-то невообразимое с ним сотворила. Почти утихла боль, а ей на смену пришла апатия. Скорей всего, это состояние с ним подметил прибившийся к отряду парень, поэтому, постояв у

телеги, отошел прочь, думая о чем-то своем.

За локоть тронули. Слегка прикоснувшись, парень даже не сразу заметил, что рядом стоит цыганка, на автомате спросил:

- Со ту камэс, Тшилаба?²
- Ты по-нашему говоришь, гаджо?³
- Слегка.
- Брешешь ведь?
- Слегка.
- Ту кацыр сан?⁴
- Издалека.
- Дай мне свою руку.
- Зачем? Свою судьбу я и так знаю.
- Дай!

Протянул ладонь цыганке. В глазах ни грамма сомнения и недоверия к молодой гадалке, не тот случай. Пусть смотрит, если желание есть. Сама Тшилаба, изучив линии на его руке, лишь рот хотела открыть, когда осадил:

- Не надо. Ничего не говори.
- Не веришь?
- Почему же? В жизни происходит много невероятных чудес. Ты даже не представляешь, сколько.
- Представляю, чужак. Ты даже не представляешь, на-

² Чего ты хочешь?

³ *Гаджо* – не-цыган.

⁴ Ты откуда?

сколько. Попросить хочу.

– О чем?

– Ребенка моего не бросай. – Мотнула головой в сторону повозки, на которой помимо лейтенанта находился сверток с мелкой, почти всю дорогу спавшей девочкой. Повела подбородком в сторону сержанта, закончившего с приготовлением пайки и в свою очередь прислушивавшегося к их разговору. – Данилову ее отдай, он пристроит в хорошие руки. Пусть хоть одна душа из табора живой будет.

– А ты?

– Я?.. Я скоро уйду... к остальным. Мами⁵ Зара сей ночью приходила, сказала – пора мне.

– Так не слушай ее. Ко мне ближе держись, выберемся.

– Ты выберешься. – Снова мотнула головой в сторону Данилова. – Они выберутся, если тебя держаться будут. Я – нет.

– Глупо.

– Да... Мами Зара сильная шувани⁶ была.

– Ладно. Твое дело. С лейтенантом что?

– Боль я ему сняла, но она никуда не исчезла. У него колени и кости ног раздроблены. Чужак, после того... ты документы его прибери... с Даниловым я поговорю.

– Выходит, и ты шувани?

– Я – Тшилаба, ищущая знания.

⁵ Мами – бабушка.

⁶ Шувани – колдунья.

После того как поели, бабенка не успокоилась. Каретников не стал смотреть, как она окучивает Данилова. Взяв карабин, ушел сменить в «секрете» Гаврикова. Не просто улегся в освоенном красноармейцем месте, пробежался к тропе, а там и по ней прогулялся как раз в сторону, куда решил увести неожиданно повиснувших на его плечах бедолаг.

Вот уж действительно наказали его патриархи... Когда приговор объявили, да и после, перед самой «отправкой», только одна мысль в голове и витала. Типа, что бы ни случилось, пора прекращать существование во второй ипостаси. Свою миссию он худо-бедно исполнил, смысла дальше небо копить точно нет, без него с остальным сама реальность справится. А поди ж ты, как на войнушку угодил, сразу будто в башке выключатель перещелкнули. Сила привычки сработала. Не просто выжить, а еще и врага победить. Ну и кто он после этого? Вот то-то и оно...

Лес затих. Не слышать ни шорохов, ни иных посторонних звуков. Птицы без боязни ведут привычный «разговор», а значит, поблизости чужаков нет. Он не в счет, Сириец вышколил, с лесом сроднил, для пернатых он все едино что добрый сосед.

Вернулся на место, устроился наблюдать, но больше «язык» леса слушал. Были бы гранаты, мог растяжки на подступах поставить, только их нет. Патронов и то мало, даже на пулемет полдиска боезаряда осталось, а приспичит, так хоть прикладом отбивайся. Чуть сумерки тронули чашу под

сению ветвей, Данилов пришел на смену.

– Как тут?

– Все спокойно. Петр Федорович, тебя твой боец сменит, после снова я сменяю его, а там, если все удачно сложится, поутру в сторону фронта двинем.

– Ясно.

– Тогда бди. Если заметишь чего, тревоги не поднимай, а сразу в лагерь уходи, там разберемся.

– Понял.

Лейтенант мучился, скрипел зубами от боли. Скорее всего, Гавриков «перевел» его из лежачего положения в наполовину сидячее. Вот еще маета предстоит. По-хорошему его бы к хирургам... самодельные лубки не спасают.

Увидев Каретникова, Апраксин поманил рукой. Михаил, шагая, между тем вопросительно повел подбородком в сторону цыганки, расположившейся под телегой и баюкавшей ребенка. Тшилаба, поняв жест, ответила:

– Не могу я его постоянно в состоянии овоща держать, у самой силы не те.

Кивнул, соглашаясь. Встал у распряженной телеги.

– Терпи, лейтенант. Когда в путь тронемся, цыганка боль снимет.

Апраксин не принял объяснений, несмотря на боль и слабость, вышло ретивое.

– Ты сам вообще кто будешь?

– Лейтенант Каретников, Михаил. Военная разведка.

– Разведка?.. Что ж вы так наразведывали, что драпать приходится?

Ничего. Оно и полезно для раненого, чем скулить, так пусть лучше возмущается. Каретников хоть и понимал, что все, что происходит, не изменишь, а этому молодому парню, ставшему калекой, не объяснишь, но что-то сказать надо. Что? Начало войны задало тональность целой цепи дальнейших событий. Известно, что в приграничных районах погибла почти вся кадровая армия первого эшелона. Потом Франц Гальдер напишет, что за две недели боев Красная Армия была полностью уничтожена. Но кроме потерь убитыми, РККА понесла просто колоссальные потери пленными. Счет шел на сотни тысяч. А именно для них все только начинается. Нет, сказать ему нечего.

– Отдыхай, лейтенант, завтра в дорогу.

Темень, а там и темнота, долго ждать себя не заставила, словно плотным покрывалом накрыла лес. Михаил, понимая, что завтрашний день будет нелегким, улегся на отдых. Спал не спал – понять трудно. Слышал, как Гавриков ушел на смену, как Данилов, придя, тоже улегся спать.

Вдруг в одночасье будто сон кто нагнал, вырубился. Только как через вату голос услышал. Далекий такой, на грани сна и яви.

«Минька! Минька, просыпайся, гаденыш! До тебя хрен докричишься. Глаза разуй!»

– Дед! Ты?

«А кто ж еще? Жинка твоя до тебя докричаться так и не смогла. Проснись. Беда в двери стучится!»

Проснулся. Голова тяжелая, такая, что не поднять. Сон в обратную сторону бросает, а у самого аж слезы из глаз от такого бессилия. Переборол наваждение, не сразу рассмотрел происходящее под боком. Увидел. Лошади, прядая ушами и подхрапывая, пытаются прижаться к стене кустов. Перед телегой встал женский силуэт. Тшилаба? Да нет! Вон же она – спит, к тележному колесу привалилась. Ребенок на коленях распеленался и орет. Как-то не замечал раньше, чтоб мелкая так орала. Мать тоже хороша, несмотря на крики дочери, без задних ног спит. Ё-о-о! А чужинка-то красивая!

С того места, где лежал, даже при призрачном свете луны хорошо разглядел, как молодая незнакомка в длинном белом платье, с распущенными русыми волосами по пояс, наклонилась над Апраксиным и поцеловала его в лоб, рукой так по щеке погладила, как пожалела.

Аут! Каретников в осадок выпал, в полнейшем ступоре наблюдал за ее дальнейшими действиями. А та шагнула к цыганке. Отбросив прядь волос, тоже прильнула к ее лбу поцелуем. Встряхнулся. Почувствовал неправильность момента, когда рука красотки потянулась к пеленкам, понял, что смутило. Шагов ее не слышал, а должен был, тут тихо, только храп Данилова достает до слуха. С него окончательно наваждение спало, вскочил на ноги, в пару прыжков рядом с барышней оказался, чтоб помешать к ребенку прикоснуться.

Попытался за плечо схватить. Куда там! Она прямо на глазах растворилась в воздухе, как и не было ее вовсе. Головой потряс.

– Ну т-ты, дед!..

Растолкал цыганку, Данилова, обоих в чувство привел. Обоим в ухо прошипел:

– Подъем! Подъем, кому говорю! Данилов, к бою готовься.

– А?..

– Тихо!

Крадучись, словно тень, скользнул в сторону «секрета». Отчетливо расслышал шепот в языковой западенской манере, слишком разнившейся с украинским языком, но понять можно.

– Москаля зныщили?

– Жывый. Прыдушили тильки, та по голови вдарили. Потим з усима разом повисым.

– Добре! Чого ждемо?

– Кикоть казав, трэба оподаткуваты та захопыть усих разом. Як свитло будэ...

Слушать дальше было некогда. Оставив карабин там, где выжидал подходящий момент для нападения, ящеркой юркнул между порослью. Обошел говорливых стороной. Два силуэта со спины. Оба вниманием обращены в сторону их лагеря. Два быстрых шага, с близкого расстояния бросок штыка в спину одной из «ростовых мишеней». Короткий спурт

и... самодельная удавка уже наброшена на шею не успевшему толком удивиться человеку. Упор коленом в позвоночник, рывок концов крест-накрест в стороны. Хрип и стон прозвучали почти в унисон. Так же рядом легли в траву оба мертвых тела. Обыскать нет времени, лишь штык извлек из тела. Работать!

В ложбинке «секрета» застал неприглядную картину. Не то чтоб полностью рассмотреть все можно, но даже в темноте по определенным движениям и тихой матерщине понял, что человек, сидя над связанным пленником, развлекаясь, измывается над ним при помощи штыка, при этом посмеиваясь при очередном стоне, подошвой сапога надавливает на лицо. Что сказать? Ублюдок.

Выпрямившись и бесшумно подойдя вплотную к охраннику, от души сыграл его головой в футбол.

– Н-на!

Неизвестно, как выдержал череп, а вот шейный позвонок хрустнул громко.

Порезал путы на руках и ногах Гаврикова.

– Как же ты их прощелкал, боец?

– Честное комсомольское, не спал! – начал оправдываться Гавриков. – Подкрались незаметно...

– Спокойно! Двигаем в лагерь. Карамультик свой не забудь.

– Что?

– Пулемет бери и без приказа стрелять не вздумай.

– Есть!

– Нишкни! Да не топай ты так.

...В лагерь проникли тихо. Каретников едва различал посторонние звуки где-то на периферии восприятия. Эти звуки точно не принадлежали лесу, и, если б он спал или только отходил после сна, вполне мог не обратить на них особого внимания. Кто-то знающий и умелый, словно на номера, выставлял загонщиков на охоте. Бандитам сейчас тоже несладко. Может, и хорошо эту часть леса знают, так ведь ночь – она для всех одинакова.

По голосу и дыханию ощутил беспокойство Данилова и его радость от их возвращения. Спросил шепотом:

– Что?

– Берем лейтенанта и женщину, отходим по той же тропе, что сюда пришли.

– А лошади, телега?

– Бросаем.

– Как же...

– Данилов, на тебе баба... Гавриков...

На ощупь просунув руки под мышками, приподнял находившегося в полном сознании Апраксина. У основания черепа вдавил указательные пальцы в нужных местах. Когда тело лейтенанта, расслабленное и безучастное ко всему, снова оказалось на сене лежбища, отдал распоряжение тревожно переминающемуся рядом бойцу.

– Дай сюда пулемет. Командира на плечо и от меня ни на

шаг не отставать. Сержант, замыкаешь движение.

Как ни старался, все равно понимал, что двигаясь, шумят, спотыкаются, срывая дыхание, обнаруживают след. Те, кто их выслеживал и собирался врасплох застать, именно по шуму определили пробуждение лагеря. Скорее всего, их командир выстрелом подал сигнал на ночной бой.

Началось! Каретников прибавил скорость. Таиться бессмысленно. Не забывал контролировать пыхтение Гаврикова позади себя и звуки впереди и по сторонам. Тишину вокруг будто прорвало. Наверное, так вело бы себя сорвавшееся с места стадо бизонов, вытаптывая и ломая все на своем пути. Такое ощущение, что стреляют отовсюду, а лесное эхо, подхватывая стрелковую канонаду, разносит ее, где-то гася звук, а где-то повышая его и распыляя по зеленым коридорам и ярам.

– Бего-ом!

Понеслись.

Показалось? Нет? По правую руку от прохожей стежки, по которой лишь недавно возвращались к лагерю, призрачно-темная прядь тяжелой нижней ветви на дереве вроде как колыхнулась. Подумать не успел, а тело сработало за него, подалось в сторону. Вспышка.

Бух!

Развернув раструб «дегтяря» в обозначившееся место, дал очередь на три патрона, сбивая листву:

Да-да-да!

– Ой!

Обернулся, но не останавливаясь и кося взглядом в темноту. После «иллюминации» в глазах плавали предательские мурашки, замыливая восприятие самой темноты.

– Что?

– Показалось, что камень прилетел...

– Ранен?

– Нет.

– Вперед!

При выходе на основную тропу снова напоролись на жидкий заслон. Похоже, их тут совсем не ждали, а опомнились после того, как двое беглецов проскочили удобный для выстрела отрезок свободного пространства.

Бух! Бух!

Данилов, споткнувшись на пологом подъеме, практически упал на цыганку, бежавшую перед ним. Давно проснувшееся от невероятного шума дите заходило в крике у матери на руках.

– Тшилаба! Поднимайся!

В ответ молчок. Женщина лежала в неудобной позе, не подавая признаков жизни. Каретников как чувствовал, вернулся назад. Не экономя патронов, вколотил очередь в место, откуда стрелял враг. Позвал:

– Данилов! Живой?

– Да.

– Подъем! Что с женщиной?

- Погибла.
- Ребенок?
- Живой. Орет.
- Бери его. Уходим.

Топали, считай, без передышки. Впереди Каретников, в замыкании Данилов с ребенком на руках. Гавриков на плече нес лейтенанта, пыхтел, но скорее всего не от тяжести груза, а из-за того, что сам лось под два метра, силы немерено, только к длительным переходам непривычен.

Стрельба помаленьку отдалялась от них, стала редкой и ленивой. Ночью в лесу ориентироваться трудно, а если еще блукать со стрельбой, то и своих подстрелить проще простого. Каретников только по одному ему понятным ориентирам тащил их в восточном направлении, иногда перескакивая с тропы на просеку, с просеки на новую тропу. Удалось оторваться от преследователей. Сумерки утра в лесу позволили сделать привал. Михаил только сейчас смог выкроить время и поинтересоваться состоянием лейтенанта. Гавриков, сначала скинув на землю тело, загнанно дышал, потом, выкатив глаза на лоб, заполошно хватал ртом воздух, не в силах вымолвить, чего хотел. Ясно! Каретников не удивился, Апраксин был мертв. Еще когда боец на бегу про летящий камень жаловался, объявил, что болезненно им приложили, догадывался, что это пуля в тело молодого командира попала.

- Как же это? – непроизвольно сорвалось с губ сержанта.
- А ты что, Петр Федорович, думал, он бессмертный?

– Но все же...

– Хотя...

Пришедшая в голову мысль была достойна внимания. Почему нет? Кто он на этой войне? Человек без прошлого, без имени и... возможно без будущего. Тот лабиринт, по которому он дошел до нынешнего тупика, имеет, оказывается, боковой ход. Если воспользоваться им, нырнуть в неизвестное отклонение в сторону, то можно попробовать очередной раз сыграть с судьбой в «подкидного». Вот только с попутчиками как быть? С ребенком? Ведь сам их вывел. Мало того, он не в чужом стане, а среди своих...

Отложил к ноге ручной пулемет, через голову перебросил ремень карабина, кладя его рядом, нагнулся над телом лейтенанта, извлек из нагрудного кармана погибшего все, какие были, бумаги. При таком освещении, как сейчас, фиг чего прочитывать можно, но командирское удостоверение, вот оно, на месте. Осталось пару моментов решить.

– Отдохнули?

– Отдышались.

– Тогда человека по-людски захоронить нужно. Гавриков... – указал рукой, – вон там, штыком рой яму. Такую, чтоб тело уложить и землей прикрыть можно было.

...Все трое растянулись на траве. Отмахали на своих двоих километров двадцать. Туфли у Михаила держались на последнем издыхании, не для таких походов предназначались хоть и были изготовлены на фабрике «Скороход», на-

дежные, но дубовые, потому и ноги гудеть стали. Присел, с опушки леса окидывая взглядом далекий населенный пункт. Куда это он их вывел? Невольно посмотрел на лежащий рядом с Даниловым сидор, переделанный сержантом в своеобразную сумку для переноски дитяти. На удивление ребенок вел себя тихо, только глазами лупал и кряхтел. Заметив интерес, Данилов посетовал:

– Скоро орать начнет, есть запросит.

Каретников кивнул, только поинтересовался:

– А чего, когда двигались, не орала?

– Угрелась. А еще своей ходьбой мы ее вроде как баюкали.

Будто подслушав, что речь о ней, девочка захныкала, в конце концов разразилась ревом. Михаил поморщился. Вот так! И что теперь делать?

– Коза нужна, – глубокомысленно изрек Гавриков, как ни в чем не бывало подсунув ладонь на изгибе локтя под щеку.

– Почему не корова?

– Не. От коровьего молока поносить будет и животом маяться.

– Знаток.

– У нас в деревне...

– Заткнись. Здесь ни козы, ни коровы нет. Хоть приблизительно, где мы сейчас?

Сержант встрепенулся.

– Почему приблизительно? Вон же Золочев.

– Откуда знаешь?

– Приходилось с лейтенантом мимо проезжать. Дорога прямо по населенному пункту проходит.

– Уже лучше. Леса дальше будут?

– А куда ж они денутся?

– Тогда подъем. Золочев стороной обойдем, дальше видно будет...

К хутору вышли к обеду, когда уже невыносимо было слышать рев голодного горластого дитяти. Хутор прилепился к лесу, имел большой дом и кучу хозяйственных построек. Первым их унюхал дворовый кобель, лаем оповестивший хозяев о приходе незваных гостей.

Хозяин, мужик в летах, с многочисленными морщинами на простом костистом лице, худой как жердь, с вислыми седыми усами, в картузе на голове, одетый в домотканые штаны, рубаху с вышивкой по вороту и пиджак, без большой охоты предложил сесть за стол, поставленный на улице прямо под фруктовыми деревьями.

Чиниться не стали, есть хотелось, а голод, как известно, не тетка, а злой дядька. Выставленная на стол четверть с прозрачной жидкостью в стекле у сержанта и Гаврикова подняла настроение одним своим видом. Каретников пожал плечами, он им по большому счету пока что не начальник, а вот на порезанное ломтями сало, соленья и грибы, на чугунок с парящей картошкой и ломти хлеба на тарелке облизнулся.

– Хозяюшка, у вас козьего молока случайно нет? – спросил у дородной тетки.

Насколько хutorянин был худ, настолько его жена была округла. Посмотришь, прямо большая кадушка с виду. Она что, из него все соки пьет? Пообещала:

– Пригoщайтесь. Сейчас молоко принесу.

Хозяин, не жадничая, по граненым стаканам разлил самогон, не обойдя и «тару» Каретникова.

– Будьмо! – поднял свой стакан.

Ну, коль предлагают... Михаил незаметно слил жидкость под стол, демонстративно крякнув:

– Хороша, з-зараза!

Захрустел соленым огурцом, пропихнув между делом в рот ломтик сала с хлебом. Потянулся за картошкой, наблюдая за галичанином и своими попутчиками. Хозяин, кстати, что-то не торопился пить, а вот бойцы как раз что-то быстро соловыми становятся. Кузьмич! Ты еще не родился, но где бы ты ни был, в каком времени ни находился, все равно спасибо за науку. Верить этому старому хитровану последнее дело.

Бум! – Глухо упала голова на столешницу.

Ш-шух! – Тело сползло под стол.

– Притомились бойцы, – кривя губы в улыбке, изрек хutorянин.

Бум! Это уже Каретников сымитировал сон, из-под приспущенного века кося глаз на хозяина. Что дальше?

– А шляк бы трафыв цих москаляк! Иванэ! Стэфан! Дэ вы там е? Йдить скориш сюды. Цых варьятив нэстэ до клуни

к другим. Живиш! Скоро пан Возный приїде з войми. Ха-ха! Такой трафунук. Сѣдни вже трѣти спиймалысь! Дѣ моя газдыня?

— Так за молоком пишла!

— Якѣ молоко?..

Дальше Каретников, которого благополучно взяли под мышки и потащили куда-то прочь от стола, понял, что если не слишком поторопится, то ребенка запросто могут взять за ножки и садануть головкой об угол дома. Ну, подожди, сморчок старый! Сейчас он разберется, куда именно стаскивают остальных бедолаг, и вернется.

Первым мужик с квадратной фигурой тащил Гаврикова. Не повезло ему, в бойце чистого веса больше центнера будет. Потому так пыхтит и ругается. Его «носильщик», наверное, родственник хозяина, такой же хитрожопый, взял не Данилова, а что полегче. Хотя они с сержантом оба не пушинки. Освоился, можно сказать, ветошью повис на сгибе локтя и кистей рук, взятых в замок. Из вредности подогнул ступни, стараясь носками туфель цепляться за почву. Когда понял, что вот-вот прибудут к месту назначения, наконец-то сорвал с пояса галичанина давно мулявший перед самым носом армейский НР. Нож острый, сотворен оружейниками по типу финки. Извернувшись, всадил клинок в грудь «товарищу». Почувствовал, как острый металл между ребер прошел.

«С почином!»

— Ак-к-к!

«Именно так!»

Высвободившись, со стойки новобранца в тире, метнул добытый таким простым образом клинок в широкую спину «квадратному» работнику газды⁷. Метров пять, не больше. Не закрыться, не увернуться, а потому что не видит, что за спиной у него творится. Мастерство не пропьешь! Подергался слегка и затих, уронив Гаврикова на землю. Ну, пусть пока оба полежат, один другому не помешает. Ошлепал «своего» селюка, с удивлением обнаружил у него в кармане брюк потертый наган. Проверил. В барабане патроны есть. Ладушки.

Хозяин, когда его увидел, за столом привстал, рот открывает наподобие рыбы, на сушу выброшенной, чуть ли не в восторг пришел... Наверное, не ожидал такой картины. По собственному двору быстро шагает этакое гражданское, небритое мурло в цветастой грязной рубашке, которое давно в погребе отсыпаться должно... а тут идет, улыбается, мол, я не я и хата не моя. Хозяйка спиной к Каретникову стояла, но по одухотворенному лицу мужа поняла, что позади какая-то пакость происходит. Обернулась. Испугавшись, прикрыла рот ладонью.

– Ой, спасибо, хозяин, за хлеб-соль! Покушали, чуть не обляпались. Теперь бы расплатиться.

– М-мы... м-му!..

– Да ты не переживай так!

Каретников иногда сам себе удивлялся, насколько изме-

⁷ Газда (диал. зап. – укр.) – хозяин хутора или сельского надела.

нился, вновь став молодым. Ведь раньше, если нужда в боевой обстановке припрет, как говорится, без лишних разговоров и увещеваний ножом чик по горлу или пулю в лоб, и все. Все! А сейчас его, видите ли, молодость распирает. Хочется в легкие побольше воздуха набрать, выйти в такое место, где эхо погромче и... выплеснуть из себя... «О-го-го-го!»

– Я тут для девочки молочка от козы принесла. Вот в горшочке на столе стоит, – объявила добрая женщина.

Поблагодарил:

– Спасибо, хозяйюшка.

Привычно вскинул руку. Выстрелил. Пуля попала газдыне точно в лоб. «Кадушка», скорее всего, и не почувствовала, как умерла. Зато хуторянин, увидав смерть жены, за нож на столе схватился. Еще выстрел. Результат прежний. Данилов продолжал похрапывать у стола, ему сейчас лучше всех на этой войне.

Прежде чем выпускать на свет божий известным образом попавших в ловушку бойцов Красной Армии, Каретников в темпе обследовал дом. Пусто, но надо отдать должное, хуторяне жили богато. Пробежался по двору, заглянул всюду, где не заперто. Скотина в хлевах отсутствовала, скорее всего, на пастбище, а вот свиньи на месте. По загону бегают, мясные прослойки на жирок нагоняют. Из двуногих снова никого не нашел. Топором сбил навесной замок с дверей сарая, со скрипом петель открыл створы ворот. Мама дорогая! Да здесь прямо оборудованный склад напололам с гаражом.

Под крышей стояла легковая машина, лоснясь черным лакированным боком, в довольно приличном состоянии, марки М-1. Внимательно и осторожно все осмотрел. Обнаружил довольно много различных продуктов и другого имущества, явно армейского. У самого входа у стены сложено оружие. Наше. Наверное, у бедолаг, любителей дармовой выпивки, изъятые. Среди продуктов и имущества оказались два ящика животного жира с фабричным клеймом, много мешков с мукой, более половины мешка папирос «Беломорканал». Ящики с тушенкой в металлических банках, громоздились друг на друге на верстаке, тут же, непонятно почему ящик с патронами стоит. Скупердяй! Все, что плохо лежит, в дом ташил. Ну и стоило оно того?

В дальнем углу, прямо на земляном полу, вязанки с одеждой и нательным бельем, связки ремней, в коробке фурнитура, в холщовых мешках обувь. Рядом огромная бутыл с наклеенной на стекло бумажной биркой «Спирт». Это он удачно зашел! Выходит, этот добрый хуторянин разбоем еще до войны промышлял. Не мог человек за столь короткий срок столько всего нахапать.

Недолго думая, сташил с себя все до нитки, надел все чистое. В коробке с фурнитурой наковырял четыре «рубиновых» кубаря, закрепив их в петлицах. Привычно намотав на ноги портянки, подобрал и надел «хромачи». Подпоясался. Стрижка соответствует. Порядок, только фуражки не хватает, ничего, в пилотке походит. Так даже сподручней.

Н-да! Любителей халявного самогона оказалось аж шесть душ. Глянув на них, сердешных, понял одно. Смело можно сказать, что раньше ночи они не оклемаются, а значит, и время тратить на это глупостью будет. Пусть спят, еще неизвестно, чего этот сельский «Менделеев» в пойло намешал.

В сарай вернулся с «блином» ручного пулемета в одной руке и куском хлеба с салом в другой, в душе коря себя за то, что близко боится подойти к орущему ребенку. Просто прострация какая-то! Многое может. Многое! Но пасует перед, казалось, обычной житейской ерундой.

«Зря "кадушку" завалил. Думал, Данилов справится с ситуёвиной, а оно вон как вышло», – умело набивая патронами диск, думал Михаил.

Предстоявшая разборка с неизвестным ему паном Возным и его подручными особого беспокойства не вызывала. По изучению в академии материалов развединформации первых недель войны понятна была основная обстановка на этой территории края. Боевые части немцев ушли вперед, прихватив в запале и свой второй эшелон. Третий эшелон, тыловые части, как и тыловики, отстали, а в создавшемся вакууме шуруют местные националисты и бандиты всех мастей. Скорей всего, пресловутый Возный из этой когорты. Дорога на хутор одна. Бояться им некого. Вряд ли отряд местного «сопротивления» по численности больше десятка рыл будет. Что сложного, подъехать, забрать «алкоголиков» и уехать? Тут бы и работники куркуля справились.

Выйдя во двор, осмотрелся. Если ворота распахнуть, глаза не мозолить, самотеком запустить их внутрь хутора, то можно попробовать поработать с чердака дома?

Привел «дегтярь» в состояние боевого применения. Проходя мимо псины, прикованной цепью, выводившей руладу негромкого подвывания, повел стволом.

– На место пшел!

Загнал животное в конуру, закрыл сидушкой табурета отверстие, подпер. Напутственно изъяснился с четвероногим сторожем:

– Посиди пока так, потом на самопас отпущу, успеешь еще свободы нахлебаться.

По лестнице забрался на горище, обонянием сразу почувствовав запах копченостей с легкой, почти неуловимой примесью ружейного масла. Если окорока развешены были на балках, то маслом перло из разного вида зеленых ящиков.

Потом. Все потом проверит.

Ничего не получится. Крыша так устроена. Если вид на дорогу открыт и функционален, то на внутреннюю, дворовую площадку его не было вовсе. Собрался было спускаться, приняхавшись к одуряюще приятному запаху копченого окорока, да тут взгляд снова зацепился за рядком уложенные ящики. Отбросил крышку на длинном узком пенале. Застыл в трансе... Вот жук! Похоже, хозяин еще при Польше чем-то вроде контрабанды промышлял. Мафия, блин! В ящике лежал почищенный, готовый к применению пулемет MG.34,

легендарное оружие. Более поздними образцами похожего изделия Каретникову приходилось пользоваться раньше, но так, чтоб «седлать» найденный мастодонт, такого не бывало.

«Етическая сила! Но красавец! Ага... Пока его десяток километров на себе не попрешь. Потом понимаешь, что за все надо платить»

Какими только эпитетами ни награждали эту машинку для убийств солдаты воюющих с Германией стран. Русские – «производителем вдов», американские и английские солдаты на Западном фронте – «циркуляркой войны». Прозвали так за характерный звук при стрельбе очередями, похожий на звук циркулярной пилы, разрезающей бревно. Немецкие солдаты MG.34 поэтично называли «Страдивари войны».

Выпрямляясь, небольно приложился головой о черепицу. Почему «нет»? Когда может быть «да»! Ньютон доморощенный! Отошел. Наметил примерное место. Прикладом «дегтяря» без особых проблем проделал дыру. Высунувшись наружу, визуализировал «мертвую зону». Порядок. Перенес MG, поставил его на сошки. Теперь можно было встречать гостей.

Как ни отговаривал себя, все же пришлось снова заходить в комнату, в которой оставил ребенка. От орущей маленькой фурии, так и находившейся в вещмешке, шел специфический духан, распространявшийся, казалось, по всему пространству.

«Фу! Ну и амбре! Засралась, наверное, по самую шею. Как

же тебя кормить-то?»

Свернул лоскут полотна, погрузил в кружку с молоком, дождался, пока он пропитается, второй его конец сунул ребенку в рот. Чуть наклоняя кружку, почувствовал, когда голодная девчонка стала насасывать постоянно намокавшую материю.

– Ну, питайся...

Две телеги, запряженные лошадьми, ни шатко ни валко, никуда не торопясь, появились на проселочной дороге ближе к вечеру. Всего-то и дел, что пятеро мужичков в них ехало, из которых четверо винтовками вооружены. Ночевать на хуторе, что ли, собрались? Будет вам ночевка... вечная. Каретников даже разочаровался, он-то думал... Чего огород городить, пулеметом размахивать? Так управится.

В одном из ящиков, еще в первую ходку на горище, обнаружил десяток ТТ, ну и сменил, недолго думая, один наган на два более привычных под руку ствола. Сейчас стоял, поджидая подъезжавших нациков прямо у ворот, укрывшись за одной из деревянных створок. Тело расслаблено, затворы взведены, указательные пальцы наложены на спусковые крючки обоих стволов. Вдох, вы-дых! Вдох...

Звук колесных пар донес до слуха близость транспортного средства.

– Тпр-ру! Кляти...

Шагнув, появился перед взорами приезжих, не слишком ожидавших встретить свободно прогуливающегося по хуто-

ру москаля в форменной одежде. Культурно обозначился:
– Привет, селяне!

Горбоносая рожа на передке телеги в ответ подала голос:
– А газда дэ?

У гражданских владельцев гладкоствольного оружия в будущем появится пара упражнений, рассчитанных на скорость и меткость, а еще выработку необходимой стрелку реакции. Это стрельба по тарелочкам и «бегущий кабан». Когда начал отстрел двуногого зверья, получилось как в тире.

– А-а а! – подняли ор кто еще не умер.

Пистолеты в руках вторили людскому страху и нежеланию умирать:

Тыжж! Тыжж! Тыжж!

Все. Кажется, хорош! Прошелся контролем по лежащим на земле телам. Настежь распахнул ворота, завел лошадей с телегами на подворье, туда же постаскивал тела новопреставленных. По причине долгой холостяцкой жизни, привычный к некоторому порядку, уложил их рядком. Ф-фух! Ничего сложного. Огладив зачесавшуюся вдруг щеку, хмыкнул. Точно. Где-то видел у хозяина в доме...

Бритье не по обыкновению заняло времени больше, чем всегда. Справившись, уселся за все еще накрытый стол. Теперь уже из своего нагрудного кармана достал «бумаги», взятые у Апраксина. Так, что тут у него?..

– Хозяин! – слышалось от ворот. – Эй, есть кто жи...

Голос сник, как-то сразу заткнулся. Каретников осклабил-ся. Это новые гости, нацелившиеся на хутор, покойников разглядели. Можно поспорить, очередные окруженцы под-рулили. Откликнулся:

– Есть живые. Подходи сюда!

Не сразу, но перед очами сидевшего за столом Михаила, сжимавшего рукояти пистолетов под столешницей, возникли трое военных. Еще на подступах отчетливо рассмотрел этих организмов в потрепанной, грязной армейской хэб-эшке древнего образца, но вполне здорового вида. Наметанный глаз не пропустил манеру перемещаться по исходному пространству, со страховкой секторов. Кроме этого, еще пара особенностей тревожно оставила в душе зарубки. Первая казалась не такой и важной, но ведь была. Все трое успели где-то загореть до состояния черноты, будто специально под южным солнцем пару недель на пляже подставлялись. Кожа чуть ли не шоколадом лоснится! Ну, а вторая, точное попадание в лузу – вооружение. Только у одного винтовка в руках, у двух других немецкие автоматы и... превосходно видно, что пользоваться ими они привычны. Лейтенант и двое бойцов. Взгляды подозрительные, но уж слишком голодные при виде съестного богатства, маячившего в трех метрах от

них.

Двойственное впечатление. С одной стороны, «Бранденбург-800» в полный рост нарисовался. Даже на вид бычки сноровкой и силой не обиженные. Другая сторона прямо вопит о нестыковке. Зачем командам разведки по собственным тылам гулять, когда партизаны еще даже организовать не успели, а на линии фронта и за ней именно сейчас самый лакомый кусок пирога гансов их специализации дожидается? Нет. Здесь что-то другое. Если все сложится, то присмотреться к ребятам придется...

– Чего застыли, славяне? Вижу, что жрать охота, поэтому угощайтесь, потом говорить станем. Только чур к самогону не прикасаться, отравлен.

Заставлять не пришлось. От картошки до сала, за обе щеки наминали все, что под руку попадало, но при этом не рискнув отложить в сторону оружие.

«Ну, ты смотри, даже намек на бардак нет! Не детки великовозрастные, мужчины!»

– Наелись? Теперь рассказывайте, как докатились до жизни такой?

Лейтенант набычился, видно голод утолил, мозги в правильном направлении работать стали.

– А вы сами, собственно, кто?

– Резонный вопрос. Представляюсь. Лейтенант частей НКВД Апраксин.

При упоминании аббревиатуры все, включая лейтенан-

та, вытянулись по стойке смирно. Однако уважают ведомство-то! Лейтенант доложил, несколько меняя форму доклада:

– Военнослужащие семнадцатого саперного батальона. По приказу командира, отделением были высланы на подрыв моста через реку Золочевку. Велено было задержаться и пропустить максимально возможное количество отходящих частей.

– Взорвали? – без всякой задней мысли поинтересовался Каретников.

Лейтенант замялся, солдаты виновато потупились.

– Что?

– Там такое...

– Ну-ну? – подбодрил голосом с нотками неподдельного интереса.

– Заряды мы поставили, провода пробросили, подключились. На левом берегу реки прибывший стрелковый батальон должен был занять организованную оборону. Занял... Только у пехотной части бдительность подвела, а может, руководство неправильно сработало. Я так понял, что около роты немцев, переодевшись в наше обмундирование, переправились по мосту совместно с нашими войсками и открыли сильный огонь из автоматов прямо по нашим переправлявшимся подразделениям. Вы бы видели, какая неразбериха поднялась! Нашу проводку порезали, а к закладке пробиться не позволили. Когда наши опомнились, отпор дали, было

уже поздно. Танки противника вышли к переправе и овладели ею. Мост оказался невзорванным, и противник воспользовался им для быстрой переправы танков на левый берег. Бои шли до наступления темноты. Ночью, кто смог, отошли.

– Н-да! Ну что ж, и так бывает. А когда все это было?

– Два дня назад.

Так это так выходит, что он не слишком и задержался в этих местах. Если темп передвижения ускорить, глядишь, и к своим пробиться получится. Не сразу понял, что лейтенант задал вопрос.

– Что?

– Откуда столько трупов во дворе? И кто все эти люди?

Усмехнулся.

– Да вы присядьте. В ногах правды нет. Хутор на отшибе стоит, и это для нас хорошо. – Наконец-то засунул стволы в кобуры, подвешенные на ремень, что не укрылось от внимания всех троих, объяснил ситуацию: – Вот этот, что у меня в ногах сопит, мой сержант. Хутор – ловушка националистов для отступающих бойцов. Голодные бедолаги подходили к хутору, радушный хозяин их привечал стаканом самогона, и после того, как они засыпали, подсобные работники их скирдовали в погреб. Дальше на эту перевалочную базу подъезжал пан Возный...

– Кто?

– Подозреваю, что местный руководитель националистического подполья. Так вот, что дальше должны делать с при-

дурками, до выпивки падкими... у меня одни предположения. Разбираться не стал, приговор привел в исполнение согласно законам военного времени.

Один из бойцов поежился.

– Так это вы один их?..

Кивнул.

– Один. Если у подчиненных ума нет, приходится самому отдуваться. Видно, плохой начальник.

– Извините. Можно? – как будто из ниоткуда послышался молодой женский голос.

Вся тройка новых персонажей в пару секунд ошетибилась стволами.

Что за... Он ведь проверил все закутки в этом хозяйстве, а через высокий забор не всякий перелезть может. Из-за густых кустов смородины, в уголке двора с садочком, где под деревьями поставлен стол, по пояс материализовалось явление... гм... ясноглазого, растрепанного чучела, явно женского пола, и явно в армейской гимнастерке с треугольниками в полевых петлицах.

– Не понял!

– Старший сержант медицинской службы Егорова...

А глаза лучатся счастьем. Подслушивала, значит.

– ...разрешите присутствовать.

Твою дивизию! Кивнул.

– Присутствуйте. Ну и как вам удалось остаться незамеченной? Вы ешьте и рассказывайте.

Не торопясь и стараясь не напихиваться, объяснила прописную истину, которая в двух словах заключалась:

– ...все выпили, а я ведь не употребляю. Все заснули, а меня связали и тряпку в рот запихнули, к остальным бросили. Вы нас осмотреть пришли, ну я подумала, враг, а оказалось...

– Н-да! Старею!

– Вы-ы?

– Вы ешьте. Потом себя в порядок приведете и личное поручение выполнять будете. А вы, лейтенант, прошу показать документы, и ваших бойцов тоже. Сами понимаете...

– Понимаем.

Слишком придираяться и присматриваться не стал, отметил лишь то, что скрепки на сгибе «книжек» ржавые, с остальным в процессе разберется.

– Лейтенант Иловайский, вы и ваши люди до перехода к нашим поступаете в мое распоряжение. Выставьте наблюдателя на чердаке дома, место там оборудовано, позаботьтесь о смене, выступаем завтра с рассветом. В процессе несения службы бойцов помыть и переодеть, пополнить боекомплект. Форму и боеприпасы найдете в сарае.

Вечер подкрался незаметно. Отрадно, что ребенок больше не орал, вымытый и накормленный, перепеленутый в чистые холстины.

«Молодец, девочка!» Одобрил сделанное медсестрой. Сама вымытая, переодевшаяся в новую форму, причесанная,

сержант, вымотавшись и устав от переживаний, спала рядом с ребенком.

«Смотри-ка, из Золушки принцесса вылупилась! Была, как есть чучело, а тут красавица писаная. Этого мне только в отряде недоставало».

Бойцы спалились раньше, чем ожидал. Чисто случайно услышал такое, что и предположить бы не додумался. Пока лейтенант чем-то увлеченно занимался в сарае, решил прогуляться к погребу. Вдруг кто оклемался?

С чердака раздался едва уловимый свист.

– Чего звал?

Прижавшись к стенке, застыл притаившись. Светловолосый боец, по документам значившийся как Иван Музыка, задрал голову вверх, дождался, когда в пролом, сделанный им для стрельбы из пулемета, высунулся напарник.

– Серый! Выпусти собаку из конуры. Задрал он своим скулежом.

– Ща!

Действительно, пошел и выпустил из будки псину, из благодарности полезшего лизаться к спасителю. Тот не оттолкнул животное. Гладил по большой, лохматой голове.

– Пси-ина! Хоро-оший! Да ты на нашего Рейгана похож! Мо-ло-дец! Подожди, сейчас тебе чего-то вкусенького принесу.

Ё-о-о! Интересно девки пляшут! Ну и как это все понимать? Глюки? Или... стоит допустить, что кто-то еще ка-

ким-то чудом влетел из будущего в подобную жопу. Так-так-так!.. Разберемся.

Незаметно пересек двор и, шмыгнув в сарай, прикрыл за собой дверь. Лейтенант занимался делом, комплектовал банками и боеприпасом вещмешки по количеству бодрствующего и спящего личного состава будущего отряда. Каретников, встав рядом, наблюдал за процессом. Лейтенант отвлекся, почувствовал присутствие постороннего. Выпрямился. Спросил:

– Что-то не так?

– Все так, лейтенант. Все так...

– Тогда что?

– Да вот сомнение у меня закралось, что вы трое не совсем те, за кого выдать себя хотите.

– ...

– Мы здесь одни. Колись, лейтенант. Рассказывай все как на духу, чтоб потом непоняток не было. Сейчас прокололись твои парни, а к своим выйдем, там такие секачи в «органах», вытрясут даже то, чего нет и никогда не было. Давай, продышись и как на исповеди.

Аж зубами скрипнул. Каретников пас любое его движение. Черт его знает, может на глупость решится... Вроде бы нет, видно, что в руки себя берет.

«Мужчина! Посмотрим, что скажет».

– Все равно ведь не поверишь?

Вот оно!

– А ты начни.

Вздыхнул.

– Мы все трое из другого времени...

Смотрит в глаза, пытается определить, как абориген отнесся к сказанному.

У Каретникова лицо спокойное, выражение, как кирпич силикатный, мол, подумаешь, невидаль экая. Кивнул.

– Дальше. Что мне из тебя клещами тянуть все надо?

– Ты что? Не понял? Мы пришельцы!

– Все я понял. Рассказывай, из какого года попали, каким образом?

Вот так! Что это? Похоже, лейтенанту поплохело, на пятую точку плюхнулся, бледный весь стал, как поганка в расцвете зрелости.

– Тю! Лейтенант, ты смотри не отключись. Ну, давай, приступай к конструктивной передаче информации.

Пошло дело! Парни практически земляками оказались, залетели, что называется, из восьмьдесят седьмого года.

– ...С какого?

– Восьмьдесят седьмого.

Каретников чуть ли дыхание не задержал, чтоб не выдать своего волнения. Справился. Казалось, без особых эмоций задал вопрос:

– А кто у вас там сейчас генсеком работает?

Автоматический ответ, как само собой разумеющееся событие.

– Воротников.

Ладони в кулак сжал.

– Имя, отчество?

– Виталий Иванович.

Летёха не очень понимал, зачем аборигену такие подробности из будущего. Его косой взгляд подводил к тому, что и в его мыслях бродят сомнения насчет любопытного энкавэдэшника.

«Господи! Неужели получилось? – Михаил на какое-то время почти впал в состояние раздумья, оставив собеседника наедине со своим подозрением. – Воротников... На Кубе послом был. Креатура Андропова. В восемьдесят втором спешно отозван и с подачи Юрия Владимировича избран “первым” по Краснодарскому краю, сменив Медунова. Достойный управленец. Это при его участии в крае были исключены из рядов КПСС более пяти тысяч человек, причем полторы тысячи из них преданы суду. Бли-ин горелый! Неужели все же из-за его стараний...»

– А про Горбачева что известно?

Пожал плечами.

– Фамилию слышал, а так...

Открывшаяся дверь впустила внутрь бойца.

– Товарищи лейтенанты, у нас гости...

Лишь только солнце чуть показалось на горизонте, Каретников выстроил свое воинство во внутреннем дворе гостеприимного хутора. Прошелся перед строем, заглядывая в ли-

ца бойцов.

– Отоспались?! – то ли спросил, то ли констатировал нелицеприятный факт случившейся с ними оплошности. – Для меня по поводу вас есть лишь одно оправдание. Это то, что вы не в плен шли сдаваться, а двигались к фронту. С этой минуты вы поступили в мое полное распоряжение, и любой отданный мною приказ должен выполняться вами безоговорочно. Любое неповиновение или халатность с вашей стороны буду рассматривать как саботаж и предательство. Со своей стороны обязуюсь вывести отряд к своим. При следовании к фронту моим заместителем является лейтенант Иловайский. Передвигаться будем по территории, захваченной противником, а значит, скрытно, но при этом там, где будет возможно, отряд будет уничтожать врага. С правого фланга четыре человека выйти из строя.

Четверка окруженцев шагнула вперед.

– Красноармеец Музыка!

– Я!

– Вот ваше подразделение. Вы им не нянька, а прежде всего командир и обучающий военному делу. Бойцам предстоит освоить пулемет MG и расчету уметь им пользоваться. При каждом привале можете их хоть через колено гнуть, но чтоб толк был.

– Ясно!

– Вавилов!

– Я!..

Худо-бедно в отряде навел порядок, слава богу, было на кого опереться, и через час, выслав Гаврикова передовым дозором, тронулись с места.

После уже утомившей всех жары к вечеру зарядил обложной дождь. Грунтовые дороги окончательно раскисли, но и по лесу не слишком находишься по такой хляби. Как ни хотелось Каретникову переждать летнюю непогоду, но время поджимало. А еще окончечность лесного массива сама дала понять, что какой-то отрезок пути им придется пройти по открытому пространству, так пусть это будет в тот момент, когда видимость ограничена стеной дождя, а тыл у немцев растянут. К тому же культурная немецкая нация еще придерживается, если «не горит», возможности отсидеться в оккупированных населенных пунктах. Отряду пришлось выбираться на шоссе, вымощенное крупным булыжником.

Повезло. Тыловая полоса у немцев еще не действовала по их законам. Проскочили. В такую погоду хозяин собаку на улицу не выгонит. Вымотались, будто километров пятьдесят отмахали. Карты не было, поэтому ориентировался только по направлению. До кромки очередного леса осталось совсем немного пройти, когда в шуме дождя явно слышались звуки двигавшейся техники. Машины и мотоциклы.

— Бегом!

Понеслись почти гурьбой, совсем непохожей на передвижение воинского подразделения. Если успеют, этот отрезок

пути запомнится ему на всю жизнь.

– Всем вправо! Ложись! Приготовиться к бою! Страдивари, ко мне! Спица, со своими орлами, быстро оттянулся назад по ходу движения и занял позицию. Огонь откроешь только после нашего выстрела!

– Понял!

– Если промолчим, пропускай колонну!

– Понял! – еще раз повторил боец.

– Приготовиться!

Дорога вилась по склону высокого холма вдоль глубокой с крутыми скатами лощины. Легковушка черного цвета, за ней, тархтя на всю округу, следовало сопровождение на мотоциклах с колясками. Не больше отделения, но вооружение серьезное, в каждой люльке мужик в каске, с пулеметом в руках.

Каретников отвернул голову от проезжей части, внимательно глянул на Качанова, лежавшего рядом, прикинувшего к прицелу винтовки. Жаль, у пацана оптики нет.

– Водилу завалить сможешь?

– Завалю, – не отрываясь от цели, ответил срочник.

– Страдивари, поближе подпусти. Дай возможность напарнику потом с байкерами разобраться.

– Ясно.

Шофер с разгона повел легковое детище немецкого автопрома на подъем. Тяжелая машина натужно гудела, вихляя из стороны в сторону и далеко разбрызгивая грязь. На пово-

роте, почти на самой вершине холма, мотор глухо чихнул и заглох. Машина двинулась назад.

– Давай!

Выстрел. Машина сорвалась с дороги и, набирая скорость, заскользила по крутому склону, скатилась и замерла лишь после того, как под задний бампер попал первым следовавший за ней мотоцикл. Эх! Сейчас бы...

Оправдывая многие свои названия, Maschinengewehr 34 в умелых руках Вавилова застрочил, как швейная машинка «Зингер», увеличивая поголовье немецких вдов в Фатерлянде. А куда фрицам с дороги убратся, если так плотно пулеметчик их опекает? Да еще грязи по самое не балуйся!

– Огонь!

Получайте, гансы! Вас сюда не звали. Здесь вам не Европа, французами не пахнет! Чего с нас взять? Дикари-с!

Проорал:

– Отставить стрельбу! К машинам! Быстро-быстро!

Пассажир легковушки лежал у открытой двери, судя по всему, схватив чемодан с документами, попытался выпрыгнуть, а попав под раздачу, застыл там, где смерть застала. Мотоциклы в хлам, гансы на небесах, даже правки не потребовалось.

– Ну, кажись, с почином нас...

Пулеметчики с трудом выкарабкались на дорогу. Вавилов бросил ладонь к пилотке, доложил:

– Товарищ лейтенант, ваш приказ выполнен!

– Ай, молодца десантура! Так держать! Пополнишь запас патронов, и догоняйте на марше. Лейтенант Иловайский, портфельчик приberi, выстраивай личный состав в прежнем порядке следования.

– Есть...

Н-да! С этими тремя парнями ему подфартило. Сейчас двигаясь в замыкании, пока что контролируя прибытие не догнавших отряд пулеметчиков, размышлял над их судьбой, незримой нитью связанной с его лабиринтом.

Иловайский, он же, Сергей Голубев, старший лейтенант. «Там» был обычным взводным «Ванькой» в десантном разведбате. Женат, жену и сына имеет, и это его слабое место. Никак не может понять, что все в прошлом. Думает, что если сюда попал, то и отсюда выбраться сумеет. Наивный чукотский мальчик! На Каретникова постоянно оценивающе смотрит, потому как внешность командира, его молодость напрягает и вводит в смущение. Ничего, притрутся друг к другу.

Музыка Иван, как говорится – в девичестве Сергей Качанов. Рядовой, военная специальность до переноса – снайпер. Характер спокойный, рассудительный, но вовсе не флегма какая. По рассказу Голубева, из них троих, казалось, легче всего перенес «попадалово» в эту действительность. Лейтенант считает, что это оттого, что в прежней жизни никого не осталось. Мать с отцом еще в глубоком детстве в пожаре сгорели, а дед, который, в общем-то, и воспитал Качанова,

перед самым окончанием школы преставился. И хоть родни в поселке, в котором жил, было полно, но это все для пацана не то.

Вавилов Олег, тоже рядовой, Генка Спицын. Склад ума технический. Кстати, и в армию из института загремел. Родители подсуетились, спрятали сыночка-проказника от какой-то там нехорошей ситуации с участием милиции, а он вместо службы на Дальнем Востоке со всей командой в Афганистан слился. Не посмотрели, видать, что из благополучной семьи, что незаконченное высшее, что спортсмен-дельтапланерист. Звери! Так полтора года в рядах непобедимой и легендарной и отпахал. Осенью домой бы уволился. Еще в «учебке», перед отправкой «за речку» сдружился с Сергеем. Может, потому как противоположности притягиваются. Генка – полная противоположность Качану. Веселый, шептун, на руку скор. Иной раз может сотворить чего, а потом думать начать... На гражданке «родоков» полный комплект, с бабками, дедками, тетками, дядьками, даже племянниками обзавестись успел...

– Сто-ой! Привал.

А чего не передохнуть, если отрядная «обуза» уже давно орет, как заведенный будильник. Снова, небось, по шею засралась и жрать хочет. Данилов ее под плащ-палаткой за спиной несет. Они с докторицей оба за это сокровище ответственны. Кстати, и с документами пора ознакомиться, вдруг там интересного чего нароет.

Расположился под натянутым над головой плащом. Согласно обстановке, нанесенной на найденной карте, враг попытается отсечь наши войска от линии укрепленных районов. По стрелам и обозначениям боевых частей должен быть усилен нажим со стороны ударной группировки фашистов, наступавшей вдоль шоссе Ровно – Шепетовка. Предполагалось вынудить войска наших 5-й и 6-й армий двигаться в расходящихся направлениях и тем самым увеличить разрыв между их флангами. По замыслам штабистов, на стыке останется группа неизвестного Каретникову генерала Лукина, которую войска вермахта, якобы обтекая с обоих флангов и при полном окружении, должны были добить. Посетовал про себя на то, как у немцев разведка работает.

– Что скажешь? – спросил своего заместителя.

Десантник сказал то, к чему был склонен и он.

– Я, конечно, не великий стратег, но принеси мы сейчас карту в штаб фронта, положение не сильно бы исправили. Смотри. – Пальцем повел по изображению местности. – Прорыв вражеских войск сначала к Острогу, а затем к Ровно грозит нашим войскам тяжелыми последствиями. Вот направление удара танкового клина, который нацелен на вот этот... Такого обозначения не помню.

– Так обозначена армейская группа какого-то Лукина, – пояснил Михаил.

Зам, приняв пояснение, кивнул, продолжив размышлять вслух:

– Клин подперт дивизиями шестой немецкой армии. Острые клина фашистских войск сковано атаками наших мехкорпусов с флангов. Как-то странно наши построили оборону. Если части Лукина сомнут, дальше до самого Киева у нас ничего нет. При некотором раскладе, враг может выйти в глубокий тыл главным силам нашего фронта. Ну, а что нас касается, мое мнение такое, нам здесь пройти сложно будет.

– Что предлагаешь?

– Попробовать пробиться в расположение вот этого мехкорпуса.

* * *

Война застала табор к юго-западу от Львова. Раньше прежде было, могли кочевать по всей Польше, Румынии, Венгрии и дальше на запад, если к тому душа лежала. А душа у цыгана вольная как ветер! Не сидится на одном месте. Да так уж получилось, что когда границу сместили и Советы, прирезав добрый кусок территории, выставили границу, табор промышлял в Бессарабии. Вот и застряли по эту сторону «нитки». Геза вспылил тогда на родовую ведунью, чуть ли не с плетью накинулся. Почему, мол, не смогла предостеречь? Теперь с закрытой территории с лошадьми, детьми, повозками вырваться ой как не просто будет. Ляля даже после того, как стегнули от души, не слишком обиделась. Чего с муж-

чины возьмешь? Мужчина мыслит по-иному, воспринимает не всегда так, как надо, делает часто по-своему, в угоду мужскому эго. Пояснила, все идет как надо. И табору помаленьку откочевывать на восток просто необходимо. Почему? Озарение у нее! Да-да! Обычно баро прислушивался к советам старой шувани, да только незадача в их отношениях случилась, будто кто специально ром золотом поманил, предоставив им неограниченный фарт. Где украдут, где погадают, а где и обмен в свою пользу проведут. Ляля чуть ли не на колени перед баро вставала.

– Э-э! Чем хочешь заклинаю тебя, уводи табор!

– Фарт! Сливки соберем, откочуем.

– Чтоб тебе повылазило, старый черт! Или не слышишь, чем воздух напитан?

Не послушал.

...Лошадей гнали, как никогда, да разве от судьбы убежишь? Их с самолета расстреливали, по полю, как зайцев гоняли, а солдаты чужой армии поизмывались, ограбили не хуже, чем разбойники на большой дороге. Но этим не кончилось. На полевой дороге попали в расставленную ловушку. Немаки с местными заставили повернуть и под стволами препроводили в большое село, а там вытаскивали из кибиток и, как скотину в хлев, загоняли в католический храм.

Вот оно – предначертанное! Когда увидела глаза главного чужаков, одетого во все черное, с меткой черепа с костями на картузе, поняла, что завтрашнее утро будет для всех их

последним. Никого не пожалеют.

В большом красивом помещении костела народу нагребли разного, яблоку не упасть. Мужчины, женщины, дети. Кто ругается, кто плачет, а кто, участь свою чувствуя, молится. Ляля у стены уселась, в раздумье наблюдала за всем происходящим, перебирала в памяти возможные варианты выбраться из цепких лап смерти. Сама бы ушла. Только зачем ей такая жизнь, если весь род землею укроется? Закрыла глаза. Что делать, судьбу принимать? Или... Можно попробовать. Получится, вытащит остальных, а нет... так вместе со всеми...

Отрешилась от всего. Поднялась на ноги. Открыла глаза. Шагнула. Легко-то как! Давно в теле такой легкости не испытывала, словно помолодела. В теле? Обернулась. У стены, закрыв глаза и, казалось, не дыша, сидела она сама. Усмехнулась. Ну что ж, самое легкое, что умела, и, не пользуясь, давно подзабыла, она сделала, осталось правильно распорядиться этим. Оставив свое бренное тело, пошла в сторону больших дверей.

На улице вечерние сумерки встретили цыганку. Отметила про себя, что лошади исчезли, а площадь перед костелом так и заставлена их повозками. Кому они теперь нужны? В охране стояли и местные, и солдаты, видеть ее они не могли. Разве можно увидеть фантом? Ей пора, времени совсем мало.

Пересекла площадь, ощущая в астрале близость к селу места силы, но там вряд ли кого нужного ей найдешь, да и само

место нейтрально. Оно не хорошее и не плохое. Может выручить, а может и погубить. Прошла по мосту, ускоряя передвижение. Как-то все непривычно и страшно! Неведомая сила все больше и больше наваливалась на нее, нагоняя страх, заставляя повернуть назад. Этого делать нельзя... Становится действительно страшно, тем более что с последними лучами заходящего солнца у самой кромки леса заметила двух, кажется, местных, но уж очень непонятных для нее людей, которые с интересом наблюдали за ее передвижением. Такого просто не могло быть, но оно было! Зашептала то, что первым пришло в голову:

– Силен мой дух, силен мой разум, Господь Всемиловитый, помоги, от всякой магии защити!

При упоминании имени Господа заметила, как скривились лица у непонятной пары, значит, по ее душу пришли. Ожидают!

Просто так от них не уйти. Нужно отметку места силы запомнить, чтоб самой не потеряться. Представила у себя в руке нож, будто даже гладкую рукоять в ладони ощутила. Сосредоточившись, клинком чиркнула воздух перед собой. Прямо в пространстве появилась прореха, словно в материи разрез. Так, да? Нырнула в нее... Чуть ли назад не шарахнулась. Куда око ни кинь, всюду ряды высоких коробок с окнами. Дома? Стояла у кромки дороги, заполненной приткнувшимися к обеим сторонам обочин рядами невиданных доселе машин разного цвета и размеров. На латинице прочита-

ла некоторые названия: Chevrolet, Citroen, Ford, Kia... Люди вокруг странные, улыбаются, с собаками гуляют, кто спешит, кто прогуливается, детей много... будто и войны поблизости нет. Странно здесь все. Куда попала?

Шагнув на проезжую часть, протиснулась между машинами и уже краем глаза углядела навязчивую парочку знакомцев. Быстро же они за ней... Одеты совсем по-иному, и на лицах очки темные. Спешат, наискосок бульвара расстояние сокращают.

Побежала, понимая, что спастись можно, только если опередит их. Забежав в подъезд, снова чиркнула воздух перед собой, а в прорехе холод и темнота. Сейчас...

Темнота никак не хотела впустить ее к себе. Когда через стеклянную дверь заметила тех двоих, напрягшись, спиной провалилась в темную черноту непонятного пространства, тут же превратившись в маленькую искорку, лишившись астрального тела. Будь что будет! Потянулась по пустоте, полетела по слепку маркера места силы, едва ощутимого и такого далекого... Как вырвалась в свою реальность, сама не поняла, только знала, что появился тот, кто ей нужен, тот кто мог помочь. Он рядом, он здесь, вот на этой лесной поляне, будто на ладони, представшей перед ней.

Люди спали крепким сном, а вот сознание человека, заинтересовавшего ее, бодрствовало. Попробовала проникнуть в него, заставить действовать по своей подсказке и тут же получила отпор. Невероятно! Сознание простого смертного

выбросило ее прочь. Как быть? И нужен ли ей такой? Слепок ауры пугал. Перед ней предстал хладнокровный убийца. Нет, не маньяк, не человек, испытывавший от своего деяния плотское удовлетворение. Его сущность убийцы возведена в профессию, сродни ее сущности колдуньи. Они оба явно не подарки для человечества, но такие, какие есть, а значит, годны для этого мира. Как же с ним быть?..

...На эту поляну они вышли уже в сумерках. Дождь кончился, но люди вымотались капитально. Каретников хотел это место стороной обойти, уж слишком оно походило на геопатогенную зону, да и сам лес ему не нравился, на заброшенный городской парк похож, со множеством найденных тропинок, только ведь люди чуть ли от усталости не валятся. Ну, ничего! Стерпится! Сегодня отоспятся, а завтра поднимет их ни свет ни заря, бог даст, к своим пробьются. Зато в примыкавшем к поляне распадке криница имеется. Распорядился:

– Лейтенант, места определи, два поста охраны выставь. Бойцам поесть и спать.

С первой же темнотой лагерь будто вымер. Каретников прикрыл глаза, но заснуть так и не смог. Теперь, когда появилась возможность в тишине осмыслить сделанные шаги по новому лабиринту, мысль снова соскочила на земляков и их появление в этом времени. Выходит, не только волхвы Бусова колена способны со временем шутки шутить. Есть!

Есть люди, обладающие таким умением, и у других народов. Это ж надо было умудриться попасть такому самородку под раздачу! Как там старлей рассказывал?... Выехали взводом на зачистку кишлака в горном Бадахшане, ну и не слишком уважительно отнеслись к старому деду, хозяину примыкавшей к скале хибары. Когда малость поприжали, старый перец и «поплыл», жестом указал схрон за саманной перегородкой хлипкого строения. Стенку проломили, а за ней нора, прямо в скалу уходит. Молодые!.. Показалось, фарт пошел, мол, это они удачно зашли и кое-кого за бороду ухватили. Сунулись втроем в «пещеру Аладдина» и напрямик в сорок первый год загремели. Как? Сами толком не поняли. Добрый дедушка их до дембеля на Родину спровадил, живыми и здоровыми... Ну, а для Каретникова ясно прорисовался вывод из афганской одиссеи попаданцев. Если возможен вход, то однозначно можно найти и выход назад. Только вопрос – нужно ли ему все это.

При таких мыслях какой сон? Поворочавшись, поднялся. Пошел проверить несение службы часовыми. Удивился. Как сурки оба спали. Растормошить так и не сумел. Ты их хоть ногами пинай – словно тряпичные куклы лежат, только что сопят.

Вот оно! Ведь не хотел же...

Цепляясь где ногой, где рукой за корневища, спустился к кринице, умыл лицо. На самого слабость валится, но перебороть ее может. Вот почему даже птицы тут не гнездятся. Дед

говорил, по ночам в таких местах по-настоящему страшно. Мол, можно услышать странные, будто с того света, звуки, да и вообще, увидеть нечто загадочное.

Хотел было подняться, лагерь-то кому-то охранять нужно, да только до ушей долетел шелест слов, будто бы ручей с ним разговор затеял.

«Помоги!»

Может, все же воспаленное воображение с ним шутки шутит? Нет.

«Убийца. Ты ближе всех к нам. Помоги!»

Почему убийца? Что за...

Глядя в темную «чашу» криницы, будто в глаза собеседнику, спросил:

– Кто о помощи просит?

«Чайалэ».

– Цыгане?

«Да».

Твою ж дивизию! Снова цыгане нарисовались. Им что, здесь медом намазано? С раздражением в голосе, непонятно к кому обращаясь, задал вопрос:

– Что нужно?

«Черный человек задержал табор. Считает, что мы животные, не люди. Утром убивать поведут. Убийца, помоги!»

Что он должен осознать под понятием «черный человек». Негр, что ли? Откуда здесь негры?

– Почему ты называешь меня убийцей?

«Слепок твоей ауры соответствует такому понятию... Нет, скорее тебя нужно назвать палачом. Да! Так вернее будет. Помоги!»

– Много вас?

«Весь наш род».

– Табор прихватили, что ли?

«Да».

– Один справлюсь?

«Не знаю»

– Мои все спят, не добудиться.

«Место такое. Сами виноваты, что здесь остановились. Местные его стороной обходят. Вынеси человека с поляны, он проснется, только больше одного забрать не получится».

– Как вас найти?

«Смотри».

Прямо над криницей, из ниоткуда возникла искорка, повисла в метре от его лица. Протянул руку, она отплыла от него.

«Иди за мной».

Поднялся наверх, по пути пришел к мысли, что ему потребуется пулеметчик. Гавриков или Вавилов? Скорее Спицу брать придется, с его MG-34, самое то будет.

Взвалив десантника на плечо, вынес с поляны, как бревно сбросил у тропы, тем самым разбудив молодца.

– Жди здесь, – распорядился без лишних объяснений.

Снова сходил в лагерь, принес оружие обоих...

В ночное время контуры населенного пункта выказывали его размер. Для восприятия Каретникова он тянет на поселок городского типа, только с поправкой на местное время. Смыкания окраины с лесом не было, потому как сразу перед опушкой находилось поле, перебравшись через которое уперлись в речушку, вот как раз на крутых берегах ее в призрачном свете луны и проявились отчетливо первые постройки. Как и большинство украинских городков, этот тоже весь утопал в зелени, только по темноте она глянулась темной массой и сейчас скрывала разрушения жилых кварталов от бомбардировок и прошедших не так давно боев.

Искорка, на которую всю дорогу ориентировался Михаил, потянулась вправо, заскользила вдоль берега речки. Пришлось и им последовать тем же путем. То, что шли по натопанной тропе, хоронясь за стеной камыша, позволило заблаговременно заметить костер и три тени, сидя расположившиеся при его круге. Почему они находились здесь, стало понятно сразу. Мост. Тройка бравых вояк сторожила мост, а заодно под треск дерева в огне костра вела неспешный разговор.

Подходы к сторожам открыты, незаметно не подойдешь. Скорее всего, камыши еще до начала войны подрезали, тем самым оголив пространство для нормальной видимости. Хотя... Каретников прикинул вариант. Вся тройка сидела лицом к горевшему огню, а значит, глаз замылен и в темноте видеть они ничего толком не могут. Обстановку восприни-

мают на слух. Это не профессионалы.

Положил на траву у ног уже привычный карабин, туда же сбросил с головы пилотку и сбрую с двумя ТТ в кобурах. Пятерней мазнул по лицу влажной грязью, подхваченной ладонью у самого берега. Выпрямившись, обернулся за спину, где напарник, поставив на приклад свою тяжелую ношу, не проронив лишнего слова, тоже наблюдал за сторожами, отдал приказ:

– Спица, будь здесь, пока рукой не махну, жди. Да, и одолжи мне свой нож.

– Сами справитесь, товарищ лейтенант?..

Заботливый! Вдох-выдох, вдох-выдох... Кузьмич в привычку вдолбил, оказывается, это существенно повышает чувствительность и остроту зрения. А в темноте важное значение имеет внимание диверсанта, нельзя отвлекаться никакими посторонними мыслями, действиями, внимание исключительно на объект.

– Все. Пошел.

Генка, на время оставив свой пулемет, приник к прицелу карабина, с интересом наблюдая за происходящим. Очень удивился, когда командир без всякого шума будто растворился в темноте. В обычной обстановке шум даже тихих шагов люди различают метров за тридцать, а тут... раз, и человек в полном смысле исчез. Это ж где так учат?..

По тому, что вверх от костра вдруг сыпанул рой искорок, понял, что дров подкинули.

...Не торопится командир. Да и где он? Может, с подветренной стороны зайти решил? Правильно. Станный он человек. По виду моложе всех в отряде выглядит, а на поверку, как старый, умудренный жизнью, в нем не раз битый волчара проглядывает, вроде того мудака, который их троих из Афгана сюда законопатил...

Напряженное зрение различило лишь мелькнувшую на фоне отсвета костра тень у самых контуров фигур сторожей. Организм почувствовал прилив крови и желание поучаствовать в самой процедуре снятия караульных. Сна ни в одном глазу, усталости – ноль, кипучая жажда деятельности на пике подъема.

Наконец-то! Заметил, как на сторону отвалилось пятно одной из сидевших теней. Такое же пятно резко пошло вверх, наверное, человек попытался вскочить на ноги, да не смог, тоже свалился. А дальше... дальше почти не слышимый уху шум борьбы у костра. Спица сорвался с места. Несмотря на приказ, решил помочь товарищу.

Подобравшись на достаточное для ножевого броска расстояние, принял удобное положение. По разговору понял, что перед ним местный контингент. Ночь еще не слишком поздняя, поэтому заняты разговором, к шорохам и звукам почти не прислушиваются, а внимание уделяют больше в сторону поселковых построек. Примерился, пошел на контакт. Первый клинок, слышно острием прорвал материю, глухо вошел в широкую спину ближнего к нему сторожа.

Бросок второго ножа не заставил себя ждать. Его заполучил в грудь шустрый малый, попытавшийся вскочить на ноги. Не дожидаясь, пока к третьему члену сторожевой группы придет осознание случившегося, стартанул к костру, прыжком преодолел малиновое пламя и всем весом обрушился на противника. Ладонью накрыл раскрывшийся для крика рот, второй рукой, как клещами, сдавил шею. Душил трепыхавшегося, сучившего ногами человека, пока тот не затих окончательно. Отвалился в сторону, увидел и услышал, как подбежавший напарник осматривает «поле битвы».

– Чего раньше времени сдернулся?

– Помочь хотел.

– Помог. Оставь карабин, дуй за шмотками.

– Понял.

Ночной поселок словно вымер. Даже собаки не лаяли. Только перебравшись через мост, Каретников снова заметил искорку-проводную, будто ожидавшую их у темных зарослей кустов. Выложенная булыжником мостовая донесла до слуха равномерные шаги кованых сапог. Так мог двигаться только наряженный на ночь патруль, и маршрут его явно проложен к мосту. Еще одно препятствие на пути, которое придется убирать по-тихому. Пройдут рядом с ними, к бабке не ходи! Зашептал почти в ухо:

– Спица. По звукам – три человека. Хотел помочь? Товарищей берем в ножи. Один мне живым нужен. Сначала действую я, ты вступаешь, если увидишь, что помощь потребу-

ется.

Слившись с местностью, затих, одновременно ощущая сопение десантника и приближение наряда. Нападать лучше всего сзади, пропустив мерно вышагивающих хлопцев на пару шагов перед собой.

Шаг! Шаг! Патруль поравнялся с местом засады. Шаг! Три солдата с касками на голове и винтовками за плечами. Немцы. Шаг! Бросок заблаговременно приготовленного камешка вперед и в сторону, в проулок по ходу движения патруля.

Звук падающего камня заставил размеренный шаг сбиться, переключить внимание в схеме контроля. Но... война еще только начиналась, а пребывание в «сонной» Польше расслабило немцев, поэтому их хваленая дисциплина взяла верх, чуть припозднившись.

– Halt!

Возглас, как призыв к действию. Шагнул на мостовую. До спины заднего из патрулей не больше пары метров. Прямой хват ножа в руке. С силой вогнал его в почку, чуть провернув клинок. Нашуметь не боялся, при умелом ударе противник мгновенно теряет сознание, поскольку происходит мощный выброс крови внутри тела. Он может скоро скопытиться, так и не придя в себя... Время! Как робот, не останавливаясь, вырвал клинок из плоти, сместился в сторону. Еще шаг. Поменял хват на обратный. Тут же произвел рубящий с зацепом удар по горлу спереди немного выше кадыка, для чего даже отгибать солдату голову назад не пришлось, сам шею удив-

ленным жирафом вытягивал. Сонной артерии кирдык, ну и он кровью обляпался... Время!левой рукой отбил в сторону ствол винтовки, готовой в любой момент выстрелить в упор, а чтоб этого не произошло, припечатал оставшегося в живых немца кулаком с зажатым в нем ножом прямо по переносице. Только бы не перестарался! Шум падающего тела за спиной, покотившаяся по булыжнику каска и звяканье оружейного металла – все слилось в один сплошной звук... Время!..

– Ну, вы дали стране угля! – восторженно зашептал Генка. – Товарищ лейтенант, я даже мысленно за вами не успевал.

– Не отвлекайся. Трупы в кусты, живого оттащи подальше, нам с ним поговорить еще нужно. Я пока дух переведу.

– Ага!

Лежа на спине, оклемавшийся немец при свете луны, казалось, водил по сторонам белками глаз, рассматривая склонившихся над ним двух обидчиков, прийти в себя уже успел.

– Nachname? – задал вопрос один из напавших на патруль бандитов, слегка уколов в шею ножом.

Больно! Зачем он так? И ведь действительно, на этой земле живут дикари. Он все скажет.

– Oh! Obergefreiter Kurt Kurtz!

– Brauchen nicht so laut zu sprechen⁸.

Понятливый немец попался, рассказал все, что спрашивали. Все равно сволочь. Каретников без особых терзаний

⁸ – Не нужно так громко говорить.

зарезал немца, на этот счет поллюции молодого организма прошли еще в прошлой жизни, тем более было за что.

Попутно с тем, что хотел узнать, где содержатся цыгане, как охраняются и численный состав местного гарнизона, если таковой имеется, выяснил ряд подробностей, которые к делу относились косвенно, но значение все же имели.

Сразу, как только войска перешли границу и углубились на чужую территорию, немцы взялись за евреев, коммунистов и цыган. Специальные Айнзацгруппы прочесывали города и села, рыскали по дорогам в поисках таборов, уничтожая все, которые только могли найти. Айнзацкоманда унтерштурмфюрера Херрманна за два последних дня могла похвастаться приличным уловом, смогли отловить целый табор цыган да два десятка евреев. Приданный команде отряд из батальона «Нахтигаль» нахватал асоциального контингента польской национальности, а местные жители сдали коммунистов и прятавшихся окруженцев. Всех свозили в городской костел и до поры до времени держали взаперти. Начальник распорядился поутру провести акцию физической очистки. Численность команды – двадцать активных штыков да еще отряд нациков – три десятка рыл наберется. Нехило! Да?

Вкратце напарнику перевел услышанное.

– Как они хотят поступить?.. – поинтересовался Спицын.

– Просто. К лесу выведут здоровых мужиков, те выкопают яму. Потом к ней подгонят всех остальных, расстреляют,

предварительно раздев догола. Как только мужики засыпят трупы, застрелят и их.

– Жуть!

– А ты думал, в сказку попал. Нам к костелу идти нужно. Смотрю, провожатый уже заждался.

– Какой провожатый?

– Пошли. Потом объясню.

Какого-либо плана пока не было и в помине. Шел осмотреться, хотя и понимал, что вывести тихо за городскую черту уймищу народа практически нереально, как нереально двоим уничтожить почти полроты вооруженных людей. Они же не Бэтмэны?..

Назар Матвиюк к своим сорока годам подошел с багажом стойкой ненависти к полякам и большевикам. Цыгане ему были безразличны, как безразличны мухи на улице в теплый день. Ну, ездят себе по дорогам, подворовывают, так ты не зевай! А вот с москалями и пшеками разговор короткий – пуля в лоб. Лучше, конечно, до гиляки довести, чтоб на веревке потрепыхались. Хотя с цыганами тоже неплохо могло получиться. Вон, хоть как в прошлый раз! Бедные-бедные, а три кругляша царской чеканки у старой лярвы он все же нашел и даже утаить от остальных оглоедов смог.

Сотня Игоря, в которой служил Назар, наткнулась в Паридубском лесу на лагерь цыган, бежавших от войны. Доблестные бойцы «Нахтигаль» их ограбили и зверски убили.

Резали пилами, душили удавками, рубили на куски топорами. Всего уничтожили полторы сотни цыган, включая детей.

Отогнав от себя воспоминания, левой рукой придерживая винтовку за ремень, правой перекрестился, потом вдруг осознав, что может и не помочь, в сердцах плюнул на мостовую перед самыми ступенями католического храма. В тот же момент, словно кара Божья, что-то тяжелое прилетело по голове, выключив все мысли из сознания караулившего двери галичанина.

– Оттаскивай! – шепот Каретникова мог услышать только напарник, все пространство у костела они добросовестно зачистили. – Какой по счету?

– Пятый.

– Медленно.

– Так что, за ними по всей деревне бегать?

– Прав. Согласен. Наши бандиты по хатам разбрелись, их не выковыряешь, а вот школу навестим. Немцы в ней что-то вроде казармы устроили.

На храмовой площади кучно стояли шарабаны и повозки цыганского табора без лошадей. Животину местные, скорее всего, по хозяйствам растащить успели. Обойдя «спонтанный парк», словно тени, проскользнули к одноэтажному зданию, похожему на длинный барак, огороженный низким забором.

Подкравшись к выставленному у входа часовому, мерно

прохаживающемуся перед окнами фасада, Спицын некоторое время шел за его спиной след в след, примериваясь, как бы сподручней нейтрализовать немца. Когда тот обернулся, можно сказать, по-братски прижал его к груди, коротко, при согнутом локте, насадил солдата на нож, как мантру шепча в ухо обмякшему человеку:

– Тихо-тихо-тихо!

Стараясь не нашуметь, уложил покойника на землю. С непривычки, вот прямо так умерщвлять живую плоть, всем телом передернулся от отвращения. Это не из автомата пулять... Попал не попал. Ничего не попишешь, надо!

На освещенном пяточке появился Каретников. Повел головой в сторону двери.

– Входим. Работаю только я, ты с пулеметом меня страхуешь.

Сразу за дверью, в освещенном широком предбаннике, положив голову на стол, спал дежурный. Сморило бедолагу! Сунув нож в ножны, Михаил, обойдя стол, наклонившись над спящим, шустро ухватив, свернул ему шею. Уложив голову мертвеца на прежнее место, жестом указал порядок действий. Спицын кивнул.

Пустой, почти темный коридор. Всего четыре двери на все здание. Поманил к ближайшей. Один раз в Афганистане Генке пришлось увидеть картину, как из палаток выносили наших солдат, вырезанных «духами» ночью. Долго потом блевал, а принимать пищу начал только дня через два после того

случая. Сейчас стоял у дверей, гася в себе рвотные позывы при дежурном освещении. То, что происходило, обычному армейскому командиру даже в голову прийти не могло, но они оба прошли через Афганистан, и уж Каретников точно не кексовал, когда резал спящих. Здесь главное уметь правильно это сделать, не допустить возни, так, чтоб остальные не проснулись. Колющий удар ножом в шею, горло – чуть ниже кадыка, либо сбоку, выше ключицы, в сердце – под левую лопатку, в почки, в печень – под правое подреберье или селезенку – под левое подреберье. Во всех этих случаях наступает мгновенная смерть.

– Все!

Ощущение, как на бойне. От него кровью сейчас за версту несет, а еще состояние сродни угару. Все-таки не просто почти два десятка душ в одночасье на небеса отправить.

– Уходим?

– Нет. Где-то начальство дрыхнуть должно.

В одном помещении навалились на свалку парт и столов. Еще одно – пустовало. А вот крайнее у торцевого окна было заперто.

– Здесь он, голуба! – Ощупывая дверь легким поглаживанием ладони, Каретников приник ухом к дверному полотну. – Здесь.

– Ну, и как?.. – шепотом спросил Геннадий.

– А нам шуметь теперь не возбраняется. По сигналу вышибай дверь ногой.

– Понял.

Встал у противоположной стены, взяв нож за клинок. Продышался, будто готовился нырнуть в ледяную воду.

– Давай!

От удара десантника дверь чуть ли не с петель слетела. Каретников, оттолкнувшись, влетел внутрь. Не зря опасался, пойдя на кувырок, на выходе из него направленно метнул нож по контурам фигуры, готовой выстрелить.

– А-к-к!

Эсэсовец. Как он опасность почувствовать смог? Теперь уже не спросишь. Сунув парабеллум в руку напарника, сообщил, больше не таясь голосом:

– Держи трофей. Теперь уходим.

Большие двери с мягким, тяжелым «вздохом» открылись, в ранних сумерках явив внутри себя подобие зева, сотканного из сплошной темноты, внутри которой ощущалось присутствие большого количества людей. Шепот, скрипы, шорохи и плач, звуком гульнув по стенам ограниченного пространства, в людском волнении плеснулся к высокому потолку. Вошедшие световым лучом фонаря прошлись по округе церковного придела, заставив тех, кто хоронился в темноте, шелохнувшись, не ожидая от пришлых ничего хорошего, податься назад.

Голос, вплетавший в себя повелительные нотки, ночное и храмовое эхо, долетел до ушей каждого из собранных под

эту крышу.

– Тихо, граждане! Мы свои, советские! Те, кто вас охранял, уничтожены, но неподалеку от костела находится отряд украинских карателей. Поэтому предлагаю без излишней суеты покинуть помещение и, не поднимая шума, уйти прочь из населенного пункта.

Из темноты кто-то выкрикнул:

– Вы нас отпускаете?

– Я же предупредил, тихо! Мы вас освобождаем, но за дверью свобода в ваших руках. Дальнейшую безопасность обеспечить не можем. Все! Выходим и разбегаемся кто куда. Советую идти через мост, там охраны нет.

Народ притих. Показалось, что даже дышать перестали. Не верят? Или настолько отупели в застенке?

Второй «освободитель», шагнув под свет фонаря, мелькнул красноармейской формой, в свою очередь поторопил людей:

– Выходим, товарищи! До рассвета времени совсем мало осталось!

Темной массой толпа вспучилась, качнувшись, хлынула прямо на свет фонаря.

– Генка! В сторону, снесут на фиг!

Схватив подчиненного за руку, Каретников оттащил его к стенке. Люди повалили наружу, совсем не заботясь о тишине. Свобода! Такое можно было предполагать изначально. Диалектика, характерная для любого типа людей.

Когда основная масса беглецов схлынула, Каретников окликнул задержавшихся, в надежде, что тот, кому положено, отзовется:

– Кто помощи просил?

И ведь действительно, откликнулся! Старческий, повороньи каркающий голос, с ощутимой усталостью, кажется, от самой жизни, изрек из темного угла:

– Я!

Свет фонаря, скользяще мазнув по стене, предметам культа и лавкам для молений, выхватил из темноты небольшую гурьбу людей, без спешки двигавшихся по направлению выхода.

– Те авэн бахталé! Кто ты? – поприветствовал, спросил, стараясь выделить просителя.

– Май лашí э рýт, гаджо! – именно старая карга, которую под руки вели два крепких парня, прокаркала пожелание, чтоб эта ночь прошла по-доброму. – Меня Ляля кличут. А на тебя, палач, я насмотреться успела, пока сюда вела...

– Шувани? Х-ха! Настоящая.

– ...молод, красив, удачлив, словно наследный баро богатого табора.

– Хватит. Пора уходить.

Шум, поднятый первой волной сбежавших людей, не мог остаться незамеченным. Подчеркнуть его старались вдруг проснувшиеся дворовые собаки. Оказывается, они в селе так были.

– Быстрее! – подогнал Каретников, шуганул жадных. – Да, бросьте вы свои кибитки! Без лошадей все равно их не упрете. К мосту!

Где-то на периферии послышались первые выстрелы. Потом еще и еще. Началось!

– Бегом! Бегом!

Оглянулся. Цыгане компактно бежали за ним. И кажется, бежал не только табор. Через мост пронеслись, топая, кашляя и отплевываясь, дыша стадом изможденных после дальнего перехода баранов.

– К лесу!

Пока по полю бежали, темнота последовательно перешла из сумерек в хмурое утро. У опушки остановились, по-другому никак. Многие, особенно те, у кого ноша была, бросая узлы с пожитками, детвору, падали в стерню, не могли отдышаться. Табор одним словом. Старые, молодые, бабки с дедками, молодухи, кудрявые парни, цветасто разряженные тетки, дети. Все в себя приходили. Это пока они на свою судьбину жаловаться не в состоянии, времени думать нет, а вот потом...

«Носильщики», таранившие всю дорогу старую бабку на себе, наконец-то добравшись до остального коллектива, с облегчением сгрузили бабу Лялю прямо на полевую стежку. Она пеликаньей походкой тут же направилась к наблюдавшему за далеким поселком Каретникову. Туда же сунулся и дед в ярком одеянии с черной шляпой на седой лохматой голове.

Михаил отвлекся. Н-да! Нелегкая выдалась ночка и для них со Спицыным, и для беглецов, да и для проживающих в самом поселке. Нацикам и самим сейчас не до погони. Они-то в большинстве своем живы. Но это пока! За «вычищенную» под корень команду СД их по головке не погладят, немцы порядок любят, а значит, крайние найдутся...

* * *

С тех пор, как с цыганами расстались, несколько дней прошло. За это время он успел собрать под свою руку полторы сотни бойцов, пробивавшихся к своим. Отряд сколачивал жестко, без поползновений в анархию, выстраивал нужную ему боевую структуру, пополняя боеприпасы и продовольствие за счет немецких снабженцев. Хоть и торопился, но охоту на фашистские подразделения вел не спонтанно, а планомерно.

Может, права баба Ляля относительно его сути, но он такой, какой есть. Будет возможность исправиться, станет другим. Но возможности такой пока нет. Да и нужно ли ему это? Отдыхая на привале, невесело усмехнулся, вспомнив их разговор, произошедший перед тем, как расстаться с цыганами.

Не обращая внимания на мельтешение многочисленной родни у родника, сидя под деревом прямо на траве, смоля трубку, старуха уставилась на Каретникова, расположившегося рядом, отдохавшего после трудов праведных. Солнеч-

ное утро окрасило красками все, до чего смогло дотянуться под густыми кронами «сказочного» леса. Как бы продолжая накануне прерванный разговор, шувани прокуренным голо- сом прокаркала:

– Да ты не беспокойся, ребенка мы заберем, развяжем тебе руки. Все-таки в ее жилах течет наша кровь.

Отвлекся. Как же, не переживай! Старая умна, слов нет, но ведь цыгане на захваченной территории и кто знает, что с ними завтра приключится? Для старой ведьмы и ее табора все трудности только начинаются. Вместе с немецкими передовыми частями тот же Шухевич привел во Львов батальон «Нахтигаль». Во дворе Святоюрского собора митрополит Андрей Шептицкий уже провел богослужение в честь «непобедимой немецкой армии и ее главного вождя Адольфа Гитлера». С благословения главы украинской греко-католической церкви уже началось массовое уничтожение мирных жителей Украины бандеровцами, нахтигалевцами, уповцами, не за горами то время, когда к казням подключатся во- яки дивизии СС «Галичина». Каретников с отрядом уйдет, как ушла Красная Армия, а населению куда деться? Н-да! Но это не его проблема, он песчинка в бурном море разра- зившейся войны, которую с миллионами других бросает из стороны в сторону, и... он сам по себе.

– О чем задумался?

– Да так. Вспомнил, как ты меня в убийцы «покрасила».

– Э-э! Не в обиду тебе, но ты им и являешься. Других

провести можешь, меня не обманешь. Душа у тебя выгорела, вместо нее одна сплошная бесчувственная головешка...

— Но вам-то помог?

— Помог. Сама удивляюсь. Но ты на нас, как на тех, кого уж давно в живых нет, смотришь. Взгляд колючий, холодный. Если посчитаешь, что кто-то тебе мешает, убьешь, а переступив, пойдешь дальше своей дорогой. Для тебя, кажется, и своих-то нет. Что люди, что тени! Шлейф смертей за собой тянешь. Почему?..

* * *

Осуществляя намеченный план, гитлеровское командование одновременно с нанесением главного удара по кратчайшим направлениям на Москву, осуществляло попытку быстрого захвата южной части европейской территории СССР. Важные экономические районы Украины, Донецкого бассейна и Кавказа нужны были военной машине как воздух. Именно из них фашистская Германия намеревалась черпать продовольствие, железную руду, марганец и нефть, необходимые ей для ведения большой войны.

Уничтожив силы Красной Армии в Галиции и в западной части Украины, командующий войсками группы армий «Юг», фельдмаршал Рундштедт бросил вперед свои танковые и моторизованные соединения, нанося главный удар левым крылом на Киев. Задача — как можно скорей овладеть

переправами через реку Днепр в районе Киева и ниже его по течению с целью обеспечения дальнейшего наступления восточнее реки Днепр – не казалась слишком сложной. Непосредственно перед Киевским особым военным округом на фронте от Влодавы до Черновцов развернулись немецкие 6-я, 17-я армии, 1-я танковая группа и 8-й венгерский корпус, суммарно состоявшие из тридцати шести дивизий, в том числе двадцати шести пехотных, шести танковых и четырех моторизованных.

Шестой армии генерал-полковника Рейхенау во взаимодействии с частью сил 1-й танковой группы необходимо было прорвать оборону противника в районе южнее и севернее Луцка и, прикрывая северный фланг группы армий «Юг» от воздействия противника из припятских болот, возможно более крупными силами и возможно быстрее следовать за танковой группой на Житомир. Армии необходимо было сбить заслоны, укрепрайоны и, форсировав реку Днепр, повернуть крупные силы на юго-восток, чтобы во взаимодействии с 1-й танковой группой воспрепятствовать отходу противника, действующего на Правобережной Украине, за Днепр, а затем разбить его.

Местность в центральной и южной части полосы боевых действий допускала использование подвижных средств, в то время как северная ее часть, Полесье, была благоприятна для построения обороны противником, но не исключала и возможность ведения наступательных боевых дей-

ствий на отдельных направлениях, способствуя осуществлению скрытного манёвра войсками обеих сторон.

Главной автодорожной магистралью, тянувшейся от границы до Днепра, было Брестское шоссе, проходившее от Киева через Житомир, Новоград-Волынский, Ровно, Луцк, Ковель, Брест, с ответвлениями от Ровно на Дубно, Львов и от Луцка на Владимир-Волынский, Устилуг и на Львов. Эта автомагистраль являлась жизненно важной артерией. Имелись также четыре автодорожные рокады: Овруч – Житомир – Бердичев; Коростень – Новоград-Волынский – Шепетовка; Дубровица – Рафаловка – Клевань – Ровно – Дубно – Кременец; Чернигов – Киев.

Предназначенный для наступления на ковельском направлении 17-й армейский корпус 6-й армии не смог успешно выполнить свою задачу, что послужило причиной замедленных темпов наступления и отставания 17-го армейского корпуса от главных сил 6-й армии. Это отставание, а также пересеченная местность затруднили действия танков и авиации противника в северной части полосы 5-й армии, создали ее войскам благоприятные условия для осуществления широкого маневра силами и средствами и нанесения фланговых ударов по главной группировке фашистских войск, действовавших на киевском направлении.

Пятидесятикилометровый разрыв между частями 17-го армейского корпуса и главными силами 6-й армии и отсутствие локтевой связи с южным флангом 4-й армии группы

армий «Центр» обрекали 17-й армейский корпус на изолированные действия, и в силу этого он не смог служить связующим звеном между группами армий «Юг» и «Центр». Такое положение привело к утрате оперативного взаимодействия между войсками в ходе ведения всей операции, что дало возможность советскому командованию предпринять активные действия против северного фланга ударной группировки противника и сорвало замыслы немецко-фашистского командования захватить Киев с ходу. Немецкая военная машина застопорила свой ход...

* * *

Разведчики тихо вернулись, то, что смогли рассмотреть, внушало оптимизм на конечный результат их двухнедельной эпопеи хождения по чужим тылам. Даже Михаилу хотелось побыстрее оказаться у своих, но, несмотря на желание и близость цели, буром переть не хотелось, подвел для себя итог поиска, перед прорывом выстроил личный состав, окинул командирским взглядом людей. Видно, что доверяют, мало того, все хорошо понимают, что впереди их ожидают не те перестрелки, которые были накануне из засад. Время имелось, поэтому подошёл к каждому бойцу, посмотрел в глаза, подбодрил, пожелав удачи. Ничего, немного участия в судьбе доверившихся людей – дело нужное. Не все здесь безбашенные вроде Гаврикова и десантников, не богатыри – обыч-

ные люди. Видел, как у некоторых живот крутило от страха, может, кто-то и вообще обмочился. Фигня! Война все же, не позорно, главное, чтобы в самый ответственный момент не подкачали. Если тихо пройти не получится, то придется повоевать. Для многих из стоящих перед ним это самый настоящий первый бой будет. Он их понимает, сам хорошо помнит свой страх перед первым боем! В районе солнечного сплетения болит так, будто тебя ударили в пах. Ноющая и тупая боль, кажется, въелась в твоё сознание навсегда, а сделать ты с этим ничего не можешь, «под ложечкой» так саднит, что кажется, терпеть мочи нет... Выдержат! Уже выдержали, не сломались! Теперь подбодрить. Не повышая голос, объяснил «политику партии». Перед преодолением немецких передовых позиций определил боевой порядок. Сначала идёт Иловайский со своими разведчиками – дорогу «чистит», потом за бруствером саперов вперед пропустит, а замыкает шествие уже он с основной частью отряда.

– Пойдем в полной темноте по тропе на стыке частей. Лес параллельно фронту посечен просеками, линия окопов не сплошная, отпочковавшаяся от главной магистрали, на ней армейцы все же смогли задержать рвущегося вперед противника. Тропа лесная узкая, даже телега не всегда проедет. Если кто-то шумнет, пусть даже раненый, то собственной рукой придушу засранца. Всем все ясно?..

Речь его поняли все, а многие заметили ее необычность. Комиссар так не скажет! Призовет к борьбе, товарища Ста-

лина вспомнит, а командир «голую» задачу ставит, без лишней шелухи.

Вместе со сгустившимися сумерками выдвинулись. Летняя ночь коротка. Шли очень тихо. Даже если кто-то падал, максимум что было слышно, это невнятное мычание.

Во время марша Каретников не стал «исполнять танец Бобика на колхозном дворе», не бегал между авангардом разведки и арьергардом своей небольшой тыловой службы, доверив эту участь разбитному ординарцу. Одессит Цезарь Папандопуло вполне справлялся с ролью незримого командирского ока в рядах бойцов, пытавшихся не растянуть колонну на марше. Колонна встала. Выдвинулся вперед. Это лейтенант тормознул всех.

– В передовые части, считай, уперлись.

– Ясно. Цезарь! – позвал ординарца. – Командиров ко мне...

Крайний раз объяснил порядок действий.

Самое хреновое то, что основной лесной массив за спиной оставался. Впереди хорошо простреливаемое, широкое пространство, на котором немцы успели вгрызться в землю, используя отвоеванные окопы. Даже ночью хорошо различимы обгоревшие остовы танков и по сей момент чадающие дымом и смердящие запахом горелого мяса. Чувствуется, перед приходом отряда здесь настоящая мясорубка была. Похоронные команды не отдыхают, ведут сбор своих павших.

Отряду, чтоб просочиться между фашистскими частями,

понатыканными перед широкой полосой фронта, как селетки в бочке, готовившимися с началом нового дня ринуться вперед, ломать оборону противника, пришлось тихарясь пройти около двадцати километров. Вымотались до предела. Глядя на лица теперь уже своих бойцов, Каретников понимал, как сильно они сдали. Вон, даже Данилов плетется. Нужна передышка, для них все только начинается.

— Цезарь, пробегись в голову колонны, объяви приказ, передышка тридцать минут.

Видел, как сержант упал на землю и все полчаса лежал вообще без движения. А ведь не старый еще... Что говорить о тех, кто в возрасте? К отряду прибились пяток красноармейцев, которым по виду за сороковник перевалило. Но это лирика. Выдержат! Через не могу, через не хочу! Жить хотят — выдержат! Ну... пора!

И тут слева от них начался самый настоящий бой. Одиночные выстрелы сменились пулеметными очередями и взрывами гранат. В промежутках между хлипкой канонадой разрывов до слуха дотянулось русское «ура!». Видать такие же, как они, бедолаги, только в гораздо большем количестве штыков, на прорыв пошли. И что прикажете делать? Снова в лес уходить и хорониться до поры до времени? А перед отрядом в «полосе» стыка уже и гул слышится. Это танковые двигатели голос подают. Шоссе вот оно, совсем рядом, а у его основания скопление боевой техники врага.

Г-гух! Г-гух!

Немецкие танкисты гвоздят соседний с ними участок далекого леса. Это чтоб иллюзий у окруженцев не возникало.

– Командир! Что делаем?

Это десантник рядом с ним оказался, упал под боком. Ну и что?

– А хрен его маму знает, Серега! Бой только начался. У немцев основное внимание на другой участок направлено...

– Прорываться?

– Нет. Попытаемся тихо просочиться. Разведчиков своих вперед пусти, ну а мы следом. Если шумнешь, вот тогда когти только в сторону наших рвать будем. Понял?

– Да.

– Тогда начинай.

В раздраконенный муравейник немецких позиций крались тихо. Охранение – два человека – Иловайский со своими зачистил в ножи. Сидели, глазели в сторону, громко тархтели о чём-то на своём языке, им бояться нечего, под боком танковая махина из всех стволов садит, наверное, так и не поняли, когда на небесах очутились. Вот дальше «жесть». Немчура не спит, чуть ли на бруствер не повыползала. Из блиндажей головы высунули, любуются, как «соседи» воюют. По большому счету им война хоть и не новинка, но русские, как оказалось, это статья отдельная, на европейских солдат не похожи. Варвары!

Разведчики уже почти вплотную к окопам подползли, до солдат осталось метров пять. Рывок, и ты в траншее копо-

шишься, а рядом танк выстрелом все звуки гасит. Назад хода нет! В такой ситуации побеждает тот, кто первым вражину окучит. Лейтенант первым воспользовался карманной артиллерией, закинул две гранаты в траншею и одну на брустер. После взрывов, не скрываясь, рыкнул:

– Вперед!

Пошли. Побежали, разбрасывая приготовленные «подарки», поддерживая свой проход огнем. Кто-то умудрился закинуть связку гранат под танк, в ответ позади себя дождался большой «Бух!». Только не останавливаться, задние ряды знают, что делать.

Отряд компактно проник в созданную брешь, малость расширив ее, каким-то чудом умудрился завалить пулеметное гнездо, затаившееся в блиндаже. Они стреляли, в них стреляли. Ночь. Шум несусветный. Неслись, как кони на ипподроме, не обращая внимания на то, что кто-то, бегущий рядом, упал. Только так! Фортуна, лотерея! Под звуки немецкого «ансамбля» со световым сопровождением еще издали орать стали:

– Не стреляйте! Свои! Свои!

Слава богу, опознались. Нашлась какая-то умная голова, пропустила в свои окопы. Практически толпой сунулись вниз и некоторое время могли только дышать. Все!

Когда обиженный противник малость поутих, решив, что ночь не самое лучшее время для разборок, по ходу сообщения к вновь прибывшим протиснулось начальство.

– Старший кто?

Голос требовательный, начальственный. Его право!

Когда к своим вышли, на Каретникове снаряжения было килограммов под тридцать – карабин с хорошим боем, в сидоре, считай, два БК гранат, да все немецкие, полтора БК патронов, сухпай в банках, ну и так, кое-какие мелочи для смертоубийства, на поясе два ножа, тэтэшки. Прорываться тяжело, а бросить жаба душит. Бойцы нагружены так же, за исключением тех парней, которых в своем отряде озаботил переквалифицироваться в пулеметчики. Три «швейные машинки» вынесли, если по уму их на позициях расставить, это сила! И вообще, отряд на окруженцев совсем не похож, те обычно другой вид имеют. После прорыва раненых почти нет, все одеты, обуты и затарены, как хомяки, только обессилены переходом и прорывом и воняет от них, как от козлов душных. Однако спрашивают, отвечать нужно.

– Лейтенант Апраксин, конвойный полк НКВД.

– О как! Так это все, что от полка осталось?

– Нет. Здесь сборная солянка. Полк под Львовом остался.

– Ясно. Ну что, лейтенант? Как дальше поступим?

– Что, проблемы имеются?

– Хо-хо! Проблем полон воз. Я со вчерашнего дня командир батальона, и тоже сборного. Большая часть бойцов, наверное, только недавно винтовку в руки взяла. Местные.

– Это с западных территорий, что ли?

– Нет. Из-за старой границы призваны.

– Хоть так.

– По уму, мне тебя в тыл отправить нужно, только вот какая загвоздка, батальон неполного состава, находится на танкоопасном направлении, как и говорил, в боях еще не был. Сменили ночью часть, так их не потрепали, можно сказать почти уничтожили всех. Боюсь, попрет немец, мои побегут, ну и... с боеприпасами туго, а у тебя бойцы все как на подбор. Понимаешь, к чему это я клоню?

– Понятливый. А может, мы враги?

– Не блажи. Время не то, да и выхода у меня нет, а права какие-никакие имеются. – Из планшетки достал бумагу, сунул в руку Каретникову, осветив текст фонариком. – Читай. Бумажка с печатью и подписями.

– «Во исполнение решения Совнаркома Союза ССР от 24 июня 1941 года в целях своевременного противостояния гитлеровцам и успешной ликвидации диверсантов, шпионов, забрасываемых на парашютах или вторым способом в прифронтовой тыл Юго-Западного фронта, по Житомирской области создать 35 истребительных батальонов войск НКВД численностью более семи тысяч бойцов и более 20 отрядов из студентов, преподавателей Осовиахима.

Истребительные батальоны к моменту занятия территории районов области противником передать в полное оперативное подчинение войск РККА – всего 20 истребительных батальонов численностью четыре тысячи бойцов...»

Прервал:

– Вот, читай... тебя касается.

– «Командиру второго Житомирского истреббатальона предписывается...»

– Нет, вот...

– Ага. «...имеет право в случае необходимости привлечь к выполнению боевой задачи любые подразделения Красной Армии, выходящие из окружения...»

– Понял?

Вернул приказ владельцу. Уже понял, что запрягут по полной, не отвертеться. Что ж, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

– Только и у меня условия будут.

– Давай. – Чувствовалось, обрадовался комбат.

– Моих по подразделениям не распределять, а оставить в моем подчинении. Участок нарежешь, и саперы потребуются.

– Так как же...

– Силы распылишь, а толку особого не будет. Бойцы срабатались. Каждый свой маневр усвоил.

– Все?

– У тебя батальон отдельный?

– Да.

– Тогда нас всех документально через свою «канцелярию» проводи, чтоб люди бесхозными не были.

– Сколько вас прорвалось?

– Сейчас и узнаем. – Обернулся, позвал: – Папандопуло?

– Я, тащ лейтенант!

– Командиры взводов доложились?

– Так точно.

– Ну и...

– Девяносто семь человек вышло. Легкораненых – двадцать два, тяжелые и погибшие там остались. – Махнул в сторону бруствера.

– Понятно. Беги, взводных или тех, кто за них остался, ко мне.

– Есть!

Повернулся к комбату.

– Решил?

– Да. Доукомплектую до полной роты. Прикроешь магистраль. За тобой батарея сорокопяток окопалась.

– Это, «прощай, Родина», что ли?

– Нормальные пушки. Других все равно нет. Да и саперов тоже нет. Их в этом батальоне сроду не было.

Ушлый комбат отвел участок ответственности влившейся в батальон роте непосредственно на самой дорожной магистрали. Каретников сразу понял, что здесь они могут ко-
стыми лечь, и это еще не самое плохое, что их может ожидать. Вполне возможно, снова придется в окружении побывать. Пробежался по расположению, определил места огневых точек, напряг командиров на предмет дооборудования оборонительных укрытий, а сам до рассвета успел смотреть к артиллеристам. Линий связи и в помине не было. После

всех умозаключений от увиденного окончательно убедился, что вся оборона, и не только на участке батальона, но и соседних частей, – это всего лишь очередной рубеж заслона, для кратковременного удержания противника, возможности выиграть время, чтоб перегруппировать основные силы армейских корпусов. Короче, они смертники! За себя как-то не переживал, давно с мыслью сроднился, что под этим небом он не вечен, вот только людей, с кем хлеб в походе делил, жалко было. Война, будь она неладна!

Рассвело. День обещал быть ясным. Скорей всего, для очистки совести, прихватив с собой Серегу Голубева, по местным реалиям лейтенанта Иловайского, прошелся по окопам. Утомленный народ, привычный к ухваткам командира, работу по благоустройству закончил и сейчас, урвав толику времени, отсыпался прямо «на рабочем месте». Пусть отдыхают, кто знает что будет.

Теперь можно более детально в бинокль осмотреть позиции врага. Серьезно ребята настроены. Скорей всего, после завтрака за них и примутся. Передал бинокль заместителю, а когда тот закончил осмотр, спросил:

– Что скажешь?

– Без спецбоеприпасов танки можем и не удержать, – ответил лейтенант прямолинейно.

Хмыкнул.

– А удержать нужно. Сколько наш Страдивари снайперов подобрал?

– Снайперов, это громко сказано. Отобрал десяток хорошо стреляющих бойцов. Только при переходе трое на нейтралке остались.

– Великолепная семерка, значит. Распорядись, пусть оборудуют лежки по обеим сторонам дороги, между окопами и артиллерией. Их задача – отстрел живой силы еще на дальнем от наших позиций расстоянии. Я пока на правый фланг схожу.

Данилова, которого определил замкомвзводом к младшему лейтенанту Кожухарю, заметил сразу, как только завернул за изгиб траншеи. Всем хорош сержант, да только не пехотинец. Поэтому присмотреть за личным составом мог, справиться с ним тоже без проблем выходило, а вот воевать, в землю по гланды закопаться, этому, как и многим, учиться придется, если, конечно, этот день переживут.

Петр Федорович прижимистый, в некоторых вопросах даже скуповат, когда нужно, смелость проявит и на произвол судьбы не бросит. После того, как Каретников перед строем позиционировал себя лейтенантом Апраксиным, слова поперек не сказал, своего мнения глазом не выдал. Война. Она за какой-то час человека изменить может. Решил видно, что с Каретниковым возможность выжить шансом больше, чем не пойми у кого в подчинении.

– Как тут дела, Петр Федорович? Где взводный?

Сержант вместе с двумя находившимися с ним бойцами поднялся в окопе в полный рост.

– Норма, товарищ лейтенант. Вот красноармейцев на наблюдательных постах поменял. Младший лейтенант отдыхает в землянке.

– Умаялся, значит?

– Так точно! Час назад только и отбился. Разбудить?

– Не надо. Идем, по позициям взвода проводишь.

– Есть!

А ничего так зарылись! Впереди пересеченка, справа яр, только пехота пролезет, по левую руку есть небольшой отрезок, где танки проехать смогут. В утреннем, свежем воздухе издали разобрал голос своего ординарца. Папандопуло кого-то сопровождал по ходам сообщения, по обыкновению разглагольствовал на любую затронутую собеседником тему. Начальственным голосом кого-то спросил:

– Шо, ротный туточки?

Недовольный голос ответил просто:

– Нет.

– От же ж, понабирают не пойми кого в армию, потом удивляются, почему немцы уже у старой границы стоят! Сюда, товарищи командиры, ща найдем.

Раньше времени светиться с Даниловым не стали, подождали, когда Цезарь выйдет сам, приведя за собой комбата и незнакомого Каретникову лейтенанта-пограничника в выгоревшей гимнастерке, порванной в некоторых местах.

Добродушное лицо капитана Васильева будто лучилось оптимизмом. Как увидел, так с места в карьер и затараторил:

– Вот, командир роты, принимай пополнение. Пограничники. Двадцать человек. Они, как и вы, на участке батальона вышли, только столько шума не наделали, под ваш шумок проскользнули. Знакомьтесь.

Поднес ладонь к виску под срез пилотки, представился:

– Командир роты, лейтенант Апраксин.

В ответ услышал.

– Заместитель начальника восемнадцатой заставы, лейтенант Зверев, Леонид.

Услышал, как за спиной Данилов прерывисто задышал. Что это с Федоровичем? Рука сержанта сзади сжала предплечье. Между тем Васильев оповестил:

– Пограничники в твою роту волеются. Сам с ними определись. Бойцы боевые. Мне доложили, нейтралку чисто прошли. Ты их на самом танкоопасном направлении используй.

– Слушаюсь, товарищ капитан.

Как по заказу, со стороны неприятельских позиций расположение роты подверглось артиллерийской обработке, заставив даже в траншее пригнуться пониже.

– В укрытия!

Бросил взгляд на часы. Шесть часов утра. Что-то рановато начали. Комья земли, поднятой разрывами снарядов, обильно обсыпали одежду, приходилось дышать летней сухой пылью и гарью жженой взрывчатки.

– Папандопуло, уводи товарищей командиров на мой НП, я минут через пятнадцать сам там буду.

Оба привалились друг к другу, в самом низу вжались в стенку траншеи. Почувствовав, что основной огонь перенесли на другой участок, напрягая горло, спросил сержанта:

– Чего сказать хотел, Петр Федорович?

– Это... Так что разрешите доложить, товарищ лейтенант... Заместителя начальника восемнадцатой заставы мы с Гавриковым знаем лично. Гм!.. Мы на заставу с лейтенантом Апраксиным, то есть с вами, за перебежчиком ездили. Это не Зверев.

– Точно?

– Точнее не бывает. Не он!

Н-да! Теряет хватку. Ведь когда увидел, чуйка просигналила, да видать слабо. Количество пограничников смутило... ведь именно двадцать. По воспоминаниям немногих оставшихся в живых очевидцев, погранцов колбасили не приведи господи, как сильно. После такого редко кто заставу покинул, почитай, все там костями легли. А здесь, о-го-го, сколько их удочки смотали! От всей роты потом прет, а от летежи на фоне пота чуть слышно земляникой пахнет. Ну и Данилов с пришлым организмом сразу определился.

Так что? Товарищ капитан, говоришь на танкоопасном направлении товарищей поставить? Ну-ну! Их поставишь, эти двадцать гавриков всю оборону изнутри напрочь снесут. Во-время!

– Федорович, пока пушки по другим площадям долбят, забирай Гаврикова и мухой лети к Иловайскому. Все ему

объяснишь. Скажешь, погранцов я по три человека на огневые точки у магистрали разводить буду, а вы следом тихо их зачищаете. Понял? Я торопиться не буду.

– Все понял. Исполню...

НП. Вот и пограничники его ожидают. Как на подбор, крепыши... Артиллерийский обстрел позиций враг прекратил, да и комбат из расположения роты ретировался.

Зверев, говоришь? Ну-ну! Сейчас посмотрим, какой ты Зверев.

– Лейтенант, твоих орлов по тройкам разбей, сейчас раскидаем их по огненным точкам у самого шоссе, как раз танки по нему попрутся.

– А не фронтом пойдут?

– Фронтом, это когда по первому разу по чавке получат и обломаются. Вот тогда по фронту и развернутся. Давай, назначай кого с кем, а мы с тобой на НП останемся.

Посмотрел на часы. Всего-то сорок минут с начала всей катавасии минуло. Время тянется неимоверно медленно. Когда чего-то ожидаешь, всегда так.

– Мы готовы.

– Вот и ладушки. Цезарь!

– Я! Тащ лейтенант!

– Проводи бойцов на позиции. Каждая тройка на основной выступ, на усиление выдвигается.

– Есть!

Оставшись вдвоем со «Зверевым», предложил пройти на «рабочее место». Полуземлянку ротного, НП, соорудили действительно умельцы, перекрыли ее в три наката, и такая она не одна, поэтому и смогли удержать позиции. Шоссе проходит чуть ниже в стороне. Как на ладони видны результаты предыдущих атак. Помимо пары сожженных «тридцатьчетверок» и бэтешек, поле усеяно трупами наших и немецких солдат, десятков танков противника, среди которого эффективно смотрятся тяжелые четверки, уже давно переставшие дыметься. Видно, наши действительно насмерть стояли.

Чего немцы ждут? И ведь действительно ждут! По времени должны уже ломиться почему зря. Вдоволь насмотревшись в бинокль на выдвинувшийся для предстоящей атаки танковый строй у дальней кромки леса, обратился к лейтенанту, стоявшему рядом:

– Что думаешь, почему не наступают?
– Думаю, сейчас начнут. – Жестом указал в сторону шоссе. – Смотри, там не пехота ли движется?

Чтоб глянуть в указанную сторону, нужно слегка подвинуться и как минимум отвернуться на полкорпуса.

«Парень, это ты что, решил на дешевую разводку меня подсадить? Ну-ну! Торопишься видно».

Повелся якобы, сделал пару шагов в сторону и повернулся в нужном направлении. В тот же момент пограничник, отступив, вроде бы дав место, сгибом локтя обхватывает шею Каретникова и пытается придушить. Зачем? Дурак, мог бы

просто ножом в печень ударить, и вся недолга. Предсказуемо, но надежно! Правая рука взлетает вверх, ловя основанием ладони подбородок противника, левая виснет на удушающей конечности. Нажал нужную точку на предплечье «погранца», стараниями Кузьмича вбитую в подсознание. Резко присел, развернувшись на сто восемьдесят градусов, тут же поднялся. О выставленное колено от всей души приложил морду навязанному начальством помощнику. Аут! Товарищ в отключке, утыкается лицом в земляной пол. Это ненадолго. На всякий случай придавил шею, чтоб не орал и не вздумал взбрыкнуть, обе конечности завел за спину и стянул его же брючным ремнем. Вот теперь порядок!

– Т-тащ лейтенант, а шо это вы за кипеж устроили?

Ага! Папандопуло объявился, значит. Поднялся на ноги, чуть не хохотнул от выражения на лице своего ординарца. Умора! Не часто Цезарь такую ужимку корчит.

– Да вот, диверсанта стреножил. Задушить меня хотел. – Спросил: – Ты погранцов по местам развел?

– Ага.

Взгляд безотрывно следил за приходящим в себя вражеской.

– Развел, куда сказал?

– Ага. Тудой! – махнул рукой в сторону магистрали.

– Что ж, будем ожидать результатов.

Одернул подчиненного:

– Папандопуло!

– А?

– Взводных ко мне, срочно!

– Слухаюсь!

Первым на НП появился Воронов. Его взвод ближе всех.

– Разрешите?

– Проходи, танкист. Как настроение у бойцов?

– Нормальное. Переполошились только, когда Иловый-ский с разведчиками пограничников кончали. А так все нормально, к бою готовы.

– Добро. Ты пока обожди.

Помимо взводных землянку заполнили и другие люди. На глаза попались два новых персонажа: седой майор с рубиновыми шпалами в петлицах и младший лейтенант, по возрасту совсем не мальчик. Никем в возникшей кутерьме толком не замеченные, они все же протиснулись вперед.

– Вот ты какой, лейтенант Апраксин! – пожимая и трясая руку Каретникову, говорил старший. – Не скрою, удивлен. Молод!

– Прошу прощения, товарищ майор...

– Батальонный комиссар Репин Иван Силантьевич. Вот пришли к тебе, так сказать, на усиление... – чуть развернувшись в сторону своего спутника.

«Младший» сам шагнул к Михаилу, представился:

– Оперуполномоченный особого отдела, младший лейтенант госбезопасности Кастрюк Вениамин Сергеевич. – Повел подбородком в сторону связанного и сидевшего прямо

на полу у стены «погранца». – Что у вас происходит?

Каретников, ничуть не смущаясь, при его-то напускной молодости, с некоторым нахрапом и безбашенностью объяснил ситуацию:

– Да вот, некоторым образом вынуждены вашими обязанностями заниматься. Командир батальона нам с барского плеча подарок сделал, два десятка пограничников в помощь прислал. Только на поверку все диверсантами оказались. Пришлось экстренно поправлять ситуацию.

Глазами нашел Голубева, вопросительным кивком головы уточнил выполнение отданного приказа. Десантник так же молчком кивнул. Узнал:

– Всех?

Не слишком обращая внимание на посторонних, уже в голос оправдался, прежде всего перед своим командиром:

– Пришлось. Чтоб потерь среди личного состава не было. На месте бойцам ведь объяснить некогда было.

– Ясно.

Особист, как борзая, взявшая след, не пропустил ни слова.

– О чем вы?

Каретников предложил выйти «на воздух». Без обиняков в быстром темпе рассказал все, что знал, сделав предположение:

– Подозреваю, «погранцы» после того, как вырежут личный состав взвода у магистрали, должны сигнал какой-то по-

дать. Сам видишь, утро в самом разгаре, а наступления нет.

– Дай пару бойцов, я сам сейчас с диверсантом поговорю.

– Без проблем. Допрос провести можешь в хозяйской траншее у старшины. Распоряжусь, чтоб вам не мешали.

Комиссар, дядька контактный, когда ротный взводным накачку дал и распустил, объяснил Каретникову, что они с особистом только что прибыли из штаба нашей группировки. Оказывается, линия укреплений должна продержаться еще хотя бы до вечера. Поблизости от их позиций частями шестого стрелкового и пятого кавалерийского корпусов создается укрепрайон. Хотя они и выводятся из боя, но пока не могут использоваться. Шестой корпус только что пробился из окружения, потерял в боях много людей и значительную часть артиллерии. Сейчас остро нуждается в доукомплектовании. К тому же он только начал подходить к Житомиру. Чтобы сосредоточить его и бросить в бой, понадобится время. А 5-й кавкорпус по распоряжению Ставки может использоваться только с разрешения Москвы. Вспомнил о восьми противотанковых артиллерийских полках, которые забрала Ставка. Как бы они сейчасгодились! Но война, всем трудно.

– ...А нам сейчас самое главное не пропустить танки. Сможем?

– Мы будем стараться.

– Ты уж постарайся, Апраксин.

Отстранив в сторону с прохода Папандопуло, гревшего

уши при начальстве, в землянку протиснулся озабоченный особист, с красной тряпкой в руках. Прямо с порога сообщил:

– Вот, вокруг тела под гимнастеркой прятал. Эти гниды должны были красный флаг над позицией поднять, тогда немцы в атаку полезут.

Каретников сразу мысль уловил.

– Вениамин Сергеич, давай так, через полчаса над НП поднимай флаг, мы к тому времени готовы будем. Ну, а я в первый взвод пойду.

Комиссар перехватил инициативу.

– Может, время потянем?

Особист покачал головой.

– Если в течение часа флаг не будет поднят, позиции накроют артиллерией, привлекут авиацию и только потом танки с пехотой попрут...

А особист-то дело знает, не тютя-матютя, бумажная душонка. Опять-таки из рассказов очевидцев, книг, других закрытых источников, обычно особистов, прежде всего, интересовало, не имели ли окруженцы хотя бы кратковременного контакта с немцами, во время которого их могла завербовать вражеская агентура. В строгих анкетах соответствующие вопросы детализировались. Типа при каких обстоятельствах вышли из окружения? В одиночку? Вдвоем? С разрозненной группой или со своим подразделением? Между тем вышедших из окружения следовало не столько допрашивать, сколь-

ко опрашивать. Живые свидетели по свежей памяти могли бы рассказать, кто из их однополчан пал в бою, кто ранен или эвакуирован в госпиталь, умер от голода либо болезни... Будь такая работа проделана и ее результаты где-нибудь зафиксированы, удручающая статистика пропавших без вести и неизвестных в братских могилах выглядела бы совершенно иначе.

Просматривая архивы, Каретников пришел к выводу, что в начале войны патологическая подозрительность Сталина наложила отпечаток и на стиль работы спецслужб Красной Армии. Вместо того чтобы действовать избирательно, военные следователи в каждом вырвавшемся из окружения воине видели потенциального шпиона. Будто все помыслы бойцов только и были направлены на то, чтобы незаметно от однополчан заскочить за куст или бугор и там дать подписку ожидающему именно его представителю абвера. Ладно, посмотрим, как дело дальше пойдет, сейчас главное до вечера дожить...

По ходу сообщения выбрался в расположение основного подразделения. Именно в него собирал тех, кто самый способный, шустрый и умеет думать. Можно сказать – самородки. Заметив прибывшего командира, Воронов поспешил на встречу.

– Товарищ лейтенант...

– Отставить! Что нового в обстановке, танкист?

– Сами гляньте, – пригласил жестом приподняться над

бруствером. – Видите? Думаю, что скоро на нас попрут. В самом низу «свиньей» встали. Десять танков. Вон те две громады – это Т-4. Я уже раз видел, как такие с маху смешали с землей позиции пехоты, раздавили батарею трехдюймовок... За танками четыре бронетранспортера. Мотоциклисты. Все на виду. Они даже не прячут своих намерений.

– А чего им прятать?

Каретников, не отвлекаясь, наблюдал за происходящим в стане противника. Когда ночью переходили к своим, не слишком замечал, а вот теперь... Со стороны нейтралки легкий ветерок доносил запах мертвечины. Оглянулся на свой НП. Флаг особист еще «не засветил», значит, время терпит.

– Все сделали, как я приказал?

– Все. Но боязно как-то.

– А по-другому не удержим позицию. Сколько у тебя во взводе противотанковых ружей?

– Одно.

– Патронов к нему?

– Два десятка.

– Вот и думай!

– Так точно.

По траншее пара красноармейцев протаскивали ящики, звеня в них бутылками. Оглянулся.

– Что там у вас?

Доложили:

– Лейтенант Иловайский велел... Из Староконстантинова

полупорка бутылки с горючей смесью привезла, вот комбат и распорядился.

– Прямо к позициям подвезли?

– Нет. У артиллеристов встали.

– Придурки. Демаскируют.

– Послать... – попытался сказать сержант.

Над НП взвился красный флаг. Начинается!

– Поздно. Все по местам! Приготовиться к отражению атаки! До каждого доведи, в мозг вбей, действовать только после того, как я первым брошу гранату.

– Ясно!

Снял пилотку, напялил на голову зеленую пограничную фуражку. Расстегнул клапаны на обеих кобурах. Противотанковую гранату затолкал за ремень на спине. Ф-фух! Поехали! Запрыгнул на бруствер и легким шагом направился напрямик к шоссе, наблюдая, как в их сторону стартовала немецкая танковая колонна. Впереди мотоциклисты в парах с пулеметчиками в люльках.

Стоял, ожидая, с одной мыслью, выгорит ли его афера?

Первый же «байкер» чуть дал газу, преодолел разделяющий их отрезок дороги, вырвавшись вперед, и лихо подрулил к нему. Каретников, улыбаясь, дал отмашку на дальнейшие действия передового дозора немцев:

– Grüße, genossen! Sie fahren weiter unsere Abteilung reinigte die Straße auf drei Kilometern⁹.

⁹ – Приветствую, товарищи! Можно проезжать дальше, наше подразделение

Серьезный рыжий боров, одетый в фельдграу, подозрительным взглядом сверлил его, рассматривая с головы до ног. Руки на руле, кажется, помимо его воли, поддавали газку «железному коню». Скоро основная «конница» немцев подойдет, вон как спешат. Ну и чего тебе не так, дурилка картонная?

– Wo selbst der Leutnant Weißmüller?¹⁰

– Der Leutnant mit den größten Teil der Gruppe zerstört Befehl des Armeekorps. Ich habe Befehl, Euch zu treffen und ubytъ nach Ihrem Auftrag¹¹.

– Gut.

Немец рванул с места в карьер. Ну, скатертью тебе дорога! Подождал колонну. Пропустил танк. Второй, обдавший его выхлопом газов. Третьим шел Т-4. Действительно махина. За танком следовал мотоцикл с коляской с двумя гавриками в касках. Пора! Потянулся за спину, боек на боевой взвод, забросил гранату под днище тяжелого танка. До взрыва успел выхватить оба ТТ, из двух стволов расстрелял мотоциклистов и спрыгнул в траншею под ногами.

Г-гух!

Ух! Хорошо мозги прочистило! Нехило приложило! Показалось, отовсюду вспучился звук боя, ощущение, что всё

очистило дорогу на три километра.

¹⁰ – Где сам лейтенант Вайсмюллер?

¹¹ Лейтенант с основной частью группы уничтожает командование воинской части. У меня приказ вас встретить и убить дальше – выполнять поставленную задачу.

над головой стреляет и взрывается. Дай бог, чтоб все в дело. Откуда-то из тылов отчетливо разобрал присоединившиеся к какофонии звуков слабые залпы «сорокапятки», звонкие и в то же время не такие резкие, как выстрелы танковых пушек. Получилось? Нет? Должно получиться! Выглянул.

Подбитый немецкий танк, считай, прямо над головой, стоял с распахнутым люком, из которого выплескивалось пламя и черный маслянистый дым. Из верхнего люка кто-то выскочил, скатился по металлическому чреву, показалась голова второго танкиста и тут же исчезла. И вот из обоих верхних отверстий танка выбивалось только пламя. С грохотом сдетонировали снаряды. Каретников вжался в стену окопа, из-под козырька чудом так и не слетевшей с головы фуражки, щурясь от пыли и земляного «дождя», наблюдал сюрреалистическую картинку. Башня, как матрешка, кувыркнулась набок, а из открывшегося чрева машины с ревом ударил и тут же опал столб пламени. Танк горел, потрескивая, как поленища дров. Тот, кто успел из него выпрыгнуть, далеко не убежал, в обгоревшем комбинезоне свесился с бруствера головой вниз.

Нужно было возвращаться в реальность. Вскрабкался на бруствер, ощущая нестерпимый жар от горевшей машины, перекатом ушел в сторону, прополз за металлический остов, мешавший разглядеть, что в действительности происходит. Возле немецкого Т-3, дымившего как паровой котел, обнаружили трупы двух танкистов в черных комбинезонах. Один

с непокрытой головой, светло-рыжий, другой – в круглом металлическом шлеме с торчащими проводами. Шуганулся за танк. Из окопа на той стороне шоссе длинными очередями строчил пулемет. Наш кадр гвоздит. Ушлепок! Патроны не экономят.

На шоссе остались догорать четыре немецких танка и самоходка «Артштурм». Но в действительности ничего еще не кончилось. Остальная колонна, съехав и рыхля траками мягкую землю рядом с магистралью, попыталась развернуться в боевой порядок. Неподалеку от того места, где пришлось задержаться, разглядел в окопчике две стриженные головы без касок, без пилоток. Высунув ствол в направлении развертывания, бойцы произвели выстрел из ПТР. Пуля попала в цель. Да и как не попасть? Немец подставил бочину, а находился от «Вильгельмов Телей» не далее как в тридцати шагах. На борту, прямо под башней вдруг вырос огненный куст. В своей прошлой жизни Каретников не раз наблюдал подобное, когда «выстрел» из гранатомета раскаленной бронебойной болванкой сильно ударял в броню бэтээра. Но там было во много раз мощнее. Тысячи мелких горящих кусочков, описывая дымные дуги, разлетались прочь. Здесь проще.

Задержался – глянуть результат. После попадания из дыры появился легкий сизый дымок, а вот сам танк будто споткнулся, встал на месте. Раздался возглас. Счастливые «охотники» орали в два голоса, как резаные:

– Ур-ра! Горит, сволочь!

Пули замолотили по башне и броне укрывшего его пого-
рельца, с такой силой, что Каретников на секунду был уве-
рен, сейчас прошьют его защиту насквозь и доберутся до его
тушки.

Из крупняка огрызаются, сволочи! Ну вот как тут боем
руководить прикажете?

Снова проснулись «сорокапятки». Батарея, постреляв, за-
молчала, так же внезапно стих и бой. Не желавшие умирать
в грязи в бессмысленной жестокой драке с русскими, немцы
отступили под защиту своих пушек и минометов.

Выпрямился. После боя слегка покачивало, но знакомое
чувство переизбытка адреналина в крови побуждало к даль-
нейшим действиям, желание поспать отпустило полностью.

Из воронки неподалеку поднялся немецкий танкист с под-
нятыми руками. А что? Пленный не помешал бы! Можно из
первых уст узнать, какие силы противостоят им...

– Komm zu mir! Die Hände nicht zu senken! Schneller!¹² –
позвал лишенца.

Но в немца ударили сразу из двух пулеметов. Он мешком
свалился на дно воронки. Засранцы! Совсем распоясались,
пока партизанили! Напрягаясь, стараясь перекрычать шум,
приказал:

– Отставить стрельбу! Передать по цепи, командирам
взводов прибыть на НП.

Каретников в сердцах плюнул на землю, осознал, что в

¹² Иди ко мне! Руки не опускать! Быстрее!

танковой мясорубке пленных не бывает. Подумал об этом равнодушно, видно пошел послебоевой откат. Прошелся. Ощутимо почувствовал запах горелого мяса. У брони других танков лежали обожженные, искромсанные осколками люди, танкисты, мотоциклисты и пехотинцы, как правило, мертвые или умирающие. Некоторые были так обожжены, что комбинезоны впились в тело...

Встретивший Каретникова комиссар, наблюдавший за боем с НП, поздравил с победой. Хотел собрать коммунистов и комсомольцев, похвалить всех за храбрость. Но, когда увидел брошенный на него взгляд ротного, тут же сдал назад.

— Товарищ батальонный комиссар, вот сейчас команды взводов придут, можете сказать им пару ласковых... Все только начинается. Сами же сказали, нам до вечера здесь торчать, а сейчас только начало одиннадцатого.

— Я понимаю.

Повезло. Понятливый попался.

Крикнул на выход:

— Папандопуло!

Куда запропастился?

— Тут я!

— Цезарь, воды принеси, сполоснуться нужно. Да-а! Старшине передай, пусть по поводу котлового озаботится. Чтoб на обед горячее было, не все ж время всухомятку питаться.

— Понял.

Снаружи вопил наблюдатель, предупреждая бойцов об

опасности:

– Возду-ух! В укрытия!

Этого только не хватало! Хотя предположить мог, но уж очень быстро немцы оклемались. По зубам получили и решились взяться за них всерьез. Выглянул из землянки, пытаюсь хоть что-то разглядеть в ограниченном клочке неба. Разглядел. Тройка Ю-87 пронеслась над позициями, выставив напоказ торчащие конечности шасси, снизу похожие на лапы. Пилоты, убавив газ и выпустив аэродинамические тормоза, перевели машины в крен, в пике, выводя их на штурмовку. По всей линии окопов прошел сброс бомб, словно из швейной машинки пропахали строчки очередей снарядов и пулеметов. Называется, кто не спрятался, я не виноват. А как спрячешься, если лупят точно над тобой, при этом все взрывается и с неба воем голосами взбесившейся стаи волков?

Кто-то недовольный таким положением дел в свою очередь послал ответку.

Ду-ду-ду...

– А-а-а-а!

Сорок с лишним патронов, почти весь диск из «дегтяря», улетели в сторону «гостей». «Штука», самолет чистого неба, эффективный только там, где нет зенитного огня, а вот его-то на позициях как раз и нет.

Первый самолет, получив несколько пуль, не причинивших ему вреда, пронесся мимо. Второй и третий, отвернув, разошлись в стороны.

Музыка Иван, как говорится – в девичестве Сергей Качанов. Рядовой, военная специальность до переноса – снайпер. Характер спокойный, рассудительный, но вовсе не флегма какая. Каретников прозвал его Страдивари. Со своим отделением «закопался» в стороне от основных позиций роты. Когда началась штурмовка, осознал сразу. Место открытое, поэтому снижающиеся и увеличивающиеся в размерах точки в небе заметил как бы ни первым. Вылез из схрона, принял положение лежа на спине. Слегка нервировал вой, но не критично. Посыпавшиеся бомбы и взрывы от них погоду в настроении тоже не меняли. Когда бомбёр отвернул в сторону артиллеристов, поднял ствол, тут же сделал упреждение, выбирая ход спускового крючка.

Выстрел!

Кладать затвором, выбрасывая гильзу и загоняя новый патрон, большого смысла нет. Либо пан, либо пропал! Целился-то по кабине, расстояние более-менее привычное.

Самолет вдруг завалился на нос, потом на крыло, вошел в штопор и, попытавшись зарыться в землю, взорвался, произведя много шума и сотворив собой огромную воронку. Серега про себя ухмыльнулся. Это он в пилота все же попал. От греха подальше нырнул в схрон...

Первые результаты долбежки с воздуха Каретникова не впечатлили. Потери есть. В подразделениях были и раненые и убитые, но могло быть и хуже. Когда Людмила докладывала о состоянии дел, вот только тогда о ней и вспомнил.

– Значит так. Товарищ сержант, грузите раненых в полуторку и отправляйтесь вместе с ними в Староконстантинов. В городе находите любой госпиталь и сдаете туда людей. Сами там же и оставайтесь. Ясно?

Старший сержант медслужбы Егорова Людмила. Миниа-
турная, стройная молодая шатенка. На лицо красавица писан-
ная. Но это – по мнению Михаила. По нынешним временам
не является эталоном красоты, сейчас в моде большим успе-
хом пользуются «бабцы в теле», как тут на Украине говорят,
«визьмэш в руки, маеш вэшч!». Идиоты!.. Для Каретнико-
ва самое главное ее достоинство – специальность. Людмила
практически дипломированный медик. Перед самой войной
направили на практику перед защитой диплома. Когда гос-
питаль на марше под бомбовую раздачу попал, а потом сразу
же под танковый клин фашистской передовой части, ей чу-
дом в лес убежать удалось. Прибилась к отступавшей части,
думала, все самое плохое позади, оказалось... Жалко, если
девку убьют!

– Ясно?

– А как же?..

– Вы приказ поняли?

– Так точно!

– Выполнять!

– Есть!

Когда ушла, комиссар покачал головой.

– Круто ты с ней...

Старый маразматик! «Круто...» Он, в отличие от доброго дяди комиссара, девочке жизнь спасти хочет. Хочет убрать ее подальше от крови, грязи и боли. Что он может?.. Только это. Круто...

В землянку ввалился старлей-десантник, всем видом на черта похож. Грязный, всклокоченный, чумной. Первым делом добравшись до ведра с водой, зачерпнул воду кружкой, большими глотками напился. Громохавым голосом, сообщил:

– Взрывом накрыло! Хрен чего слышу!.. – Помотал головой. – Потери у нас!

Стараясь докричаться до оглохшего офицера, Каретников сам напрягал голос:

– Полуторку с ранеными отправить успели?

– Ага! Понял! Отправили. Толку-то? Еще десяток раненых появилось. Убитые есть. Гавриков твой погиб.

– Как?

– Очередью прошили. Тут, рядом.

Вместе с комиссаром и особистом вышли из землянки. Оклемавшиеся после налета бойцы рассказали, как все было. Богатырь Гавриков и трое бойцов его роты лежали со скрещенными на груди руками. Кровь на жаре свертывается быстро. Голенище сапога погибшего друга было разорвано пулей. Строчка шла дальше, от ноги через живот, к голове. Самолетные снаряды его пощадили, пощадили и сброшенные бомбы, а вот пулемет...

Обычная смерть на войне. Боец из «дегтяря» стрелял по

«мессершмитту» и даже мог его сбить. Только надо было укрыться, а не стрелять с открытого места. Жалко его, решил поиграть со смертью. Доигрался! Все не так...

Грустить о потере товарища не дали.

– Воздух!

Что? Снова?

– В укрытия!

Влетели под накат землянки.

– Откуда у немцев столько самолетов? Где же наши соколы? – из своего угла произнес комиссар.

Каретников скрипнул зубами, но промолчал. Где-где, в... том самом месте, на верхней полке! Довели страну до ручки, армию обезглавили, а теперь спрашивают!

Они налетали парами, тройками, девятками. Бомбардировщики Ю-88, со стеклянными мордами, плыли высоко в небе косяками без сопровождения истребителей. Часть из них, отколовшись от стаи, пробомбили позиции батальона и как ни в чем не бывало пристроились к остальным.

...Михаил с более-менее оклемавшимся десантником, оставив местных начальников на НП, пошли по траншеям. Поднимали людей, готовили их к предстоящему бою. Воронок враг «понасверлил» много. С обеих сторон траншеи словно специально кто накопал гигантских ям. Главное, в этом аду крошечном люди все же выжили, не погибла рота.

– Это не война, а черт знает что, – вслух озвучил мысли многих взводный Кожухарь, находясь под жутким впечатле-

нием от бомбежки и обстрела, когда десятки пуль долбили землю и, казалось, проткнут еще и тело.

— А ты какую войну хотел? — насмешливо спросил десантник. — Как в кино. Наши бьют, фашисты удирают. Чушь не мели! На рожон не лезь, но и от костлявой не бегай, тогда, может быть, до победы доживешь. А если нет, то хоть перед потомками не стыдно будет.

Каретников потрепал по плечу младшего.

— Не надо о собственной гибели постоянно думать. Думай, как немцев бить. О родных думай...

Десантник скривился.

— Ротный, ты прямо замполит, отец родной. Учишь, о чем можно думать, о чем нельзя. Им всем, и нам тоже, здесь и сейчас врага останавливать придется. — Глянул на притихших бойцов кожухарьского взвода, изрек: — Парни, выбросьте все из головы, ни о чем не думайте, вредно это. Наше дело такое — бей, убивай, но все с умом. До ночи сдюжим, жить, значит, долго будем.

«Юнкерсы» разбили батарею вдрызг. Четыре человека были убиты, несколько — ранены. Две пушки-сорокапятки валялись по кустам.

До полудня самолеты постоянно пикировали, выли их сирены; используя бомбовые запасы, они обстреливали позиции из пулеметов. Землю вокруг еще больше изрыли воронками, так, что немецкие танки не имели возможности быстро двигаться, автоматчики вслед за танками стреляли на

ходу, шли в полный рост. Батальон снова вступал в поединок, огневая позиция «кастрированной» батареи находилась в боевых порядках роты. Сама рота была островками обороны, вокруг собирались и оборонялись пехотинцы. Казалось, всё – кранты!

– Танки сзади!

Теперь точно всё! И тут же новый возглас заставил воспрять духом.

– Наши!

Каретников присмотрелся, от усталости и легкой контузии не в состоянии сразу определить в правдивости своего восприятия происходящего. А ведь точно. Бэтэшки, «тридцатьчетверки». Вовремя они подоспели.

Командир танкового подразделения прямо с марша пустил свои танки во встречный бой, раскинул построение «неводом».

– Ур-ра! – орала пехота, чувствуя, что близкая смерть временно откладывается.

Наши танки «перепрыгнули» окопы и сверху понеслись под уклон местности, на ходу стреляя из пушек и пулеметов, принимая удары судьбы на себя. Страшное дело – «разборки» боевых машин. Словно в топку кто дровишек подкинул. Одну бэтэшку на бок опрокинуло, у другого БТ-5 осколком передок вспорол, словно консервную банку, клепки торчат, и броня, как лист бумаги, скручена. «Тридцатьчетверки» по сравнению с ними громадины. Одну разбило прямым попа-

данием, еще одну крепко встряхнуло, баки сорвало, колеса выломало. Пятясь, в расположение батальона смогли выбраться только три машины, но танковую атаку немцам сорвали. Откатились под самый подлесок, туда, где не так давно «квартировала» артбатарея, встали. Пока затишье, Михаил сходил к новым «соседям».

Капитан в танковом шлеме и комбезе встретил его у попорченной попаданиями «тридцатьчетверки». Как младший по званию, Михаил представился первым, поблагодарил за своевременную поддержку огнем и маневром.

– Спасибо! Выручили! Думал, хана батальону.

– Все что смогли. Дальше от нас помощи, что от козла... разве что из пушек постреляем.

– Что так?

– В баках почти сухо.

– А тылы?

Махнул рукой, бросил под ноги окурок папиросы.

– Фашист обошел город с северо-запада и северо-востока, окружил дивизию. Со стороны Любара немецкая танковая дивизия полукольцом охватила 37-й корпус, заставила передовые части перейти в тыл в районе Казатина. Зыбин приказал отходить на новые рубежи. Город оставлен. Насколько знаю, дивизия должна занять оборону где-то в районе сел Ожаровка, Пышки, Мшанец, перехватить шоссе Шепетовка – Бердичев.

– А Зыбин это кто?

– Ты, лейтенант, с Луны свалился, что ли? Зыбин – это комкор.

– Ясно. От самой границы, считай, иду. И везде одно и то же. Стоять насмерть. Бои тяжелые.

– Кому сейчас легко?

– Это точно. Вон, немцам тоже несладко.

– Да. Знатно вы их под орех разделали.

– Противотанковых средств мало. Слушай, капитан, так это получается, что нам здесь костями ложиться никакого резону больше нет? Если в тылу уже противник хозяйничает.

– Выходит так. Только ведь и уйти не получится, немец на марше вас точно угробит.

– Н-да. Придется до ночи терпеть.

Немцы, судя по всему, уже тоже получили известия о том, что другие их части прорвали оборону русских, и в лоб не лезли. Зачем? Можно немного подождать и со стороны востока подойдут части вермахта и ударят в спину защитникам рубежа.

Каретников отправился к комбату, получать ЦУ. Оказалось, батальон жил сам по себе, его организм никем толком не управлялся. Комбат погиб. Погиб весь штаб и комиссар с ротным командиром. Первой ротой рулил старшина. Пора было брать бразды правления на себя, не ждать полного окружения. Михаил потихоньку стал отводить с позиций бойцов, формируя «кулак» и освобождая дорогу, как оказалось, теперь точно не нужную нашему командованию. В

лес уносили раненых. Их было много. Танки подорвали, вывели из строя оставшиеся «сорокапятки». В веренице бойцов, тащивших на самодельных носилках людей, не способных самостоятельно передвигаться, заметил знакомую фигурку. Окликнул:

– Старший сержант Егорова! Подойдите ко мне.

Подбежала.

– Слушаю, товарищ лейтенант?

– Кажется, я вас с ранеными отправил в город?

– Так точно. Раненых я на машине отправила в госпиталь...

– А сама нарушила приказ.

Придвинулась к нему, почти к груди прижалась, схватилась за гимнастерку на его предплечье, прошептала, будто тайной делилась:

– Не сердись, Василек! Не хотелось потеряться. Война, могли бы и не увидаться больше.

Твою ж ма-ать! Ну как тут можно такими командовать? Решила она! Его спросила? Он, может быть, только сам по себе. Он одинокий волк. Так проще. Убьют, некому горевать будет. Она решила! Девчонка! Ну, и что делать прикажете?.. Пусть! Сама себе дорогу избрала. Он не с ней, он всего лишь бредет по своему лабиринту.

Сделал строгое лицо, показав тем самым, что телячьи нежности не про него.

– Идите. И постарайтесь на глаза мне не показываться.

Улыбнулась в ответ. Кинула ладонь к пилотке.

— Есть!

Со стороны головы колонны, мельтеша среди деревьев и кустарника, появился десантник. Встал рядом, бросая взгляд на растянувшихся по дистанции людей. Спросил:

— Куда путь держим?

— На восток.

— Х-хы! На восток это ясно. Командир, принимай конкретное решение, ставь задачу разведке.

— Прости, Серега, голова не варит уже. Выбирай маршрут так, чтоб к Житомиру просочиться.

— Понял. Думал про это. Нам нужно севернее забирать, там хоть и болота, а все ж не танки.

— Действуй и постоянную связь держать не забывай. Да-да! Посредством посыльных.

— Есть!

Каретников многое читал, многое помнил из рассказов очевидцев об этой войне, но отступление Красной Армии сорок первого года в киевском направлении было в его памяти чистым листом. Об этом умалчивалось, и даже в архивах отсутствовали бумаги. Он смутно мог только догадываться о событиях, происходивших рядом. Смутно представлял то, что на большом пространстве украинской земли, без связи с командованием и штабами, при нехватке боеприпасов, сражаются соединения 6-й армии. Под удар главных сил танковой группы генерала Клейста попали 19-й механизирован-

ный и 7-й стрелковый корпуса. А дивизиям 7-го стрелкового корпуса, прибывавшим по железной дороге из резерва Южного фронта, пришлось прямо «с колес» вступать в бой. В таких условиях собрать силы в один кулак было невозможно, дивизии включались в действие разрозненно, по мере их подхода к месту боя. Как результат – наши войска на этом участке были отброшены противником. Они попытались закрепится на линии старых укрепрайонов, к югу от Новоград-Волынского, но противник своим стремительным наступлением, имея многократный перевес в силе и средствах, не дал нашим частям времени на организацию обороны.

На участке Новоград-Волынский – Новый Мирополь фронт был прорван, в обороне линии фронта возникла брешь, которая, словно трещина в плотине, вела к разрушению всего нового оборонительного рубежа. Передовые части 11-й танковой дивизии немцев захватили Чуднов, ворвались на улицы Бердичева. Ни в штабе 6-й армии, ни в штабе фронта об этом пока не знали...

Остаткам батальона и присоединившимся к нему другим частям и подразделениям приходилось несладко. Будучи обременены большим количеством раненых, они не могли быть маневренными. Двигались медленно, «заносся хвосты». В первые же сутки похода, не получая квалифицированной медицинской помощи и лекарств, большая часть тяжелораненых скончалась, отметив проход подразделений холмиками братских могил. Ко всему прочему людей нужно бы-

ло кормить... Каретников с большим облегчением передал управление более чем тремя сотнями бойцов в руки старшего по званию и по должности, подполковнику Таманцеву, начальнику штаба полка, так же, как и их батальон, выполнившему роль заградотряда на соседней магистрали.

* * *

По всему фронту шли бои. С беспримерным мужеством и стойкостью бойцы Красной Армии отбивали атаки врага и удерживали свои позиции на старой границе. Нередко встречалось дезертирство, особенно когда людей воевать призывали из западных областей Украины. Но еще не было той отчаянной безысходности тысяч километров постоянного отступления. Кое-кому из молодых страх был неизвестен, иногда они просто не понимали, не успевали бояться, не до этого было в горячем дыму боя, в свисте пуль и снарядов. Это была их работа, только риск здесь несоразмерно больший, чем у рабочего или хлебороба, при сложившейся обстановке было мало шансов остаться живым. Нужно успеть не просто умереть в бою, а попытаться выжить, накопить силы и ударить в нужный час. Отступали. Войска отходили с большими потерями.

На старой государственной границе остановить противника не удалось, мало того, значительную часть техники пришлось уничтожить, так как даже мелкую неисправность

нельзя было устранить из-за отсутствия ремонтных средств. В одном только 22-м мехкорпусе подорвали шестьдесят неисправных танков. За двое суток немецкие танковые соединения продвинулись на сто десять километров и одиннадцатого июля приблизились к Киевскому укрепленному району. Только здесь, на оборонительном рубеже, созданном войсками гарнизона и населением столицы Украины, враг наконец-то был остановлен.

Решающим сдерживающим фактором для немецких армий была наша 5-я армия под командованием генерал-майора Потапова Михаила Ивановича, которая в силу своей исключительной отмобилизованности творила чудеса героизма. Уничтожение этой армии стало для Гитлера идеей фикс, приведшей в итоге к ослаблению ударного кулака немчуры на московском направлении и к потере нескольких месяцев накануне зимних холодов. Потапов же в последнем своем бою был тяжело контужен и оказался брошен вместе с другими погибшими солдатами, но... обнаружен живым и попал в плен...

С началом войны в Разведывательном управлении началась лихорадочная деятельность по подбору и подготовке разведчиков для работы в тылу противника. Наверстывались беспечные упущения мирного времени за счет ночных бдений, непрерывных поисков лиц со связями в оккупированных немцами районах. Создавались школы по подготовке ко-

мандиров групп, радистов, разведчиков. Причем преподавателей от слушателей отличало лишь служебное положение, так как ни теоретической, ни тем более практической подготовки все они не имели.

Подбирали добровольцев из числа знающих радиодело моряков Совторгфлота, Главсевморпути, Гражданского воздушного флота, а также членов Осоавиахима. Ставка делалась на массовость. Обучение продолжалось в зависимости от степени военной и общеобразовательной подготовки, а также длительности предполагаемого использования будущего разведчика в тылу немцев – от нескольких дней до нескольких месяцев. Дольше всех готовили радистов.

Недостатка в желающих стать разведчиками не было. Военкоматы наводнялись рапортами с просьбами направить немедленно на самый опасный участок фронта. Выбор представлялся в большом возрастном диапазоне – от пятнадцатилетних юношей и девушек до глубоких стариков, участников еще русско-японской войны. Предложение служить в военной разведке расценивалось как проявление особого доверия командования и, как правило, безоговорочно принималось...

Переброска отдельных разведчиков и целых групп в первый месяц войны проводилась преимущественно пешим способом в разрывы между наступающими немецкими частями. Многих организаторов подпольных групп и партизанских отрядов со средствами связи и запасами боеприпасов,

оружия и продовольствия оставляли на направлениях, по которым двигались немецкие войска. Их подбирали буквально накануне захвата противниками населенного пункта из числа местных жителей, которым под наскоро составленной легендой-биографией в виде дальних родственников придавали радиста, а чаще всего радистку, снабженных паспортом и военным билетом с освобождением от военной службы, обуславливали связь, ставили задачи по разведке или диверсиям и оставляли до прихода немцев. Через несколько дней, а иногда и часов такие разведывательные и диверсионные группы и одиночки оказывались в тылу врага и приступали к работе.

Часть разведчиков, главным образом имеющих родственные связи в глубоком тылу, направлялась на самолетах и выбрасывалась в нужном пункте с парашютами. По большому счету во всем этом присутствовал элемент бардака. Потери были колоссальные. Разину в этом плане повезло больше, чем другим, его в числе тех, кто прошел боевое крещение в Испании, откомандировали на обучение в Академию имени Фрунзе, хотя учиться пришлось заочно. Уже на финской с помощью «своего куратора», сумевшего зацепиться на высоком посту РККА, он командовал группой, полностью состоящей из «своих». Молодые бояре Белоярового колена с младых ногтей готовились к воинской стезе еще в семьях, а потом пристраивались для службы на самых ответственных направлениях. Потому и удачлива была группа военной

разведки, руководимая Разиным. Перед самой войной получил капитана, свою деятельность совмещал с работой преподавателя-инструктора разведшколы, дислоцировавшейся на территории Христорождественского монастыря, рядом с городом Слободским. «Монастырская» разведшкола готовила диверсантов для выполнения особо ответственных задач за кордоном. Бои на западной границе СССР шли уже почти месяц, но ни его, ни его группу пока не трогали, и это напрягало. Десять подготовленных бойцов могли многое изменить на узком участке театра военных действий. Неужели начальство в Москве этого не понимает? Или про них забыли?..

Группу подняли по тревоге. Не выдавая оружия и боеприпасов, спешно усадив в транспортный самолет, перебросили в Москву. Это был большой «Дуглас», и в течение пары часов они летели, казалось, над сплошным, нескончаемым лесом, пересекали реки и, пролетев еще некоторое время над более густонаселенной местностью, в сумерках достигли пригородов Москвы.

Вот оно! Наконец-то их решили использовать по прямому назначению. Во всяком случае, хотелось бы верить в это.

Прямо с аэродрома капитана Разина забрал легковой автомобиль, а его людей, как ему объяснили, на автобусе увезли на подмосковную базу Центральной школы Разведывательного управления ГШ РККА.

По ночной Москве, совсем не похожей на отлично знакомый, довоенный город, машина проследовала на большой

скорости. Ему или казалось, или на самом деле, но чувство того, что война где-то рядом, присутствовало даже в воздухе.

Командиров в высоких званиях он знал лично. В кабинете находились Ильичев¹³ и Виноградов¹⁴. Оба генералы. С Виноградовым мельком встречался во время финской кампании, он тогда начальником разведывательного отдела Ленинградского округа был, ну а начальника политотдела Разведупра РККА не знать было бы грешно. Присутствующего здесь же майора Разин не знал.

– Вот и для тебя, капитан, дело нашлось. Подходи к столу... – отмахнувшись от официоза, приказал Ильичев. – Две недели назад, при попытке контрнаступления на ограниченном участке фронта, в плен попал командир пехотного подразделения капитан Ласло. Его передали в армейский отдел разведки, потом вместе с полученными сведениями, по эстафете, нам. На допросе этот капитан показал, якобы в замке города Житомир содержатся пленные генералы Красной Армии. Эта информация дошла до Ставки Верховного командования, соответственно и до самого товарища Сталина...

Разин не сдержался, обратился к генералу:

¹³ *Ильичев Иван Иванович* (1905–1983) – один из руководителей военной разведки; дипломат; бригадный комиссар; генерал-лейтенант; с 1938 г. – начальник политотдела Разведупра РККА.

¹⁴ *Виноградов Илья Васильевич* (1906–1978) – начальник разведывательного отдела Ленинградского округа (1940), начальник разведывательного отдела штаба 28-го корпуса Ленинградского округа, начальник 7-го, затем 1-го отдела РУ ГШ НКО. Начальник разведывательного отдела юго-западного направления.

– Товарищ генерал, разрешите?

– Говори.

– Считаю, что к информации, полученной от вражеского офицера, следует отнестись более критически. Ведь есть вероятность обмана в обмен на жизнь, или нашей службе хотят подсунуть заведомо ложные сведения, в попытке вытащить за линию фронта разведгруппу центрального подчинения, а через нее качать информацию. Можно ли устроить проверку? Или наша группа и должна это сделать?

– Молодец... Нет, для вашей группы задача другая. Даже при нехватке времени и критическом положении на фронтах, но информацию мы перепроверить смогли, задействовав житомирское подполье. В городе действительно собраны пленные генералы РККА, в большинстве своем комдивы Юго-Западного фронта. Кто конкретно, достоверно не установлено.

Не о таком использовании своей группы думал Разин.

– Дело скорей политическое, но находится на контроле в самом верху. Товарищ Сталин поставил задачу начальнику Разведупра, а тебе придется ее реализовать. – Генерал Ильичев был серьезен и собран, похоже, это он нес персональную ответственность за исполнением приказа. – Майор Петров изложит суть командировки за линию фронта. Докладывайте, майор.

– Есть! Прошу к карте.

На столе, на разложенном листе карты левобережья Ки-

евской области была нанесена обстановка боевых действий Юго-Западного фронта. Судя по нанесенным обозначениям, фашистские войска подошли близко к Киеву, и перспективы на отражение удара противника по самому городу были весьма не радужные.

– Вот, смотрите, – майор галопом пробежался по общей обстановке, перешел к конкретике. – Помимо в основном немецких войск на фронте присутствуют части союзников Германии, откуда соответственно к нам попал венгр, капитан Ласло. Помимо того, что товарищ генерал уже озвучил, капитан сообщил, что в подвалах Житомирского замка размещается важный немецкий административный штаб, а также хранятся ценные документы. В связи с эвакуацией и подготовкой к обороне документы просто не было возможности вывезти или уничтожить. Конечно, могла сгореть документация органов власти, управлений, заведений и организаций района и города, только по имеющимся данным этого не произошло. В руки фашистских передовых частей также попали партийные архивы центральной части области. Местные архивы не успели эвакуировать. Из-за отсутствия транспорта подвоз совершался с большими трудностями, а уж вывоз... Эвакуация раненых велась попутными грузовиками и случайными телегами. Из-за налетов авиации и диверсий в нашем тылу железнодорожное сообщение прервалось по всей дистанции...

Майор на короткое время смолк, передохнул и закончил

пояснения:

– Командование отдало приказ любой ценой уничтожить документацию. К городу примыкают лесные массивы, которые с незначительными разрывами тянутся до самого фронта. – Обвел окружностью зеленый участок на карте. – Вот леса украинского Полесья. Группу решено сбросить в этот квадрат. От города не слишком далеко, населенных пунктов поменьше, в сравнении с другими районами области. Кроме того, в состав диверсионной группы включен проводник, хорошо знающий местность и сам город. Капитан Стеценко. Он вас выведет к объекту.

Генерал Виноградов задал вопрос Разину:

– Вам ясно, что от вас требуется?

Чего ж тут не ясного? Если здраво рассудить, его группу посылают на убой. В свою очередь задал вопрос:

– А разбомбить замок нельзя? Представляете, какая там охрана?

– Представляем. – Генерал перешел на официальный тон. – Я понимаю, что у вас возникают большие сомнения, а удастся ли кому после такой операции вернуться? Сможете ли перейти линию фронта? Но другого решения поставленной перед нами задачи на данный момент просто не существует. Приходится рисковать. Не все так плохо. Группа подготовлена в боевом отношении на достаточно высоком уровне. Густые леса – прекрасное убежище для нее. А ситуация в прифронтовой и фронтовой полосе очень нестабильна. Ко

всему, с территории противника на нашу территорию пробиваются с боем много окруженных частей, просачиваются массы одиночек. Что касается бомбардировки объекта... На бомбардировку Сам приказ отдавал. Два авианалета, как вода в песок! Зенитный огонь настолько плотный, что наши бомбардировщики прорваться не могут. С десятков самолетов потеряли. Истребители словно ждут наших летчиков.

– Понятно. Как поступить с генералами?

Ответил Ильичев жестко и непреклонно:

– Обстоятельства сильнее нас. Генералы, попавшие в плен, должны быть уничтожены.

– А если их к тому времени, как я попаду в замок, куда-то переведут?

– Разрешите? – попросил слова майор. – По нашим сведениям, их там собрали для одной цели. Когда гитлеровские войска войдут в Киев, генералов хотят выставить на всеобщее обозрение и осветить парад в покоренном городе с большой помпой в источниках прессы. Так что их вряд ли куда денут.

– Ясно.

– Если ясно, то с майором Петровым обговорите детали плана операции «Прогулка». На подготовку даю сутки, – подвел итог генерал Виноградов. – Идите...

Утром, следуя на базу, попросил на короткое время остановить машину в центре города. Странно! Москва выглядела, как обычно. На улицах толпился народ, в магазинах все

еще было полно товаров. По всей видимости, недостатка в продуктах питания не ощущалось. Люди все еще покупали продукты свободно, без карточек. Молодые москвичи в летних костюмах отнюдь не выглядели бедно одетыми. На большинстве девушек были белые блузки, на юношах – белые, желтые или голубые спортивные майки или рубашки на пуговицах и с вышитыми воротниками. Люди жадно читали наклеенные на стенах плакаты, которых, надо сказать, было множество. Советский танк, давящий гигантского краба с усами Адольфа Гитлера, красноармеец, загоняющий штык в горло огромной крысы с лицом все того же Гитлера. «Раздавить фашистскую гадину!» – гласила подпись под этим плакатом. Обращение к женщинам: «Женщины, идите в колхозы, замените ушедших на фронт мужчин!» На многих домах в рамках под стеклом вывешены полосы «Правды» и «Известий» с полным текстом речи Сталина, и повсюду толпы людей перечитывали ее. Нужно было ехать...

Если не повезет, так сразу. Летняя ночь не слишком темная. Линию фронта пересекли неудачно. Кажется, лишь свои окопы перелетели – и сразу с земли светящееся море огня. Справа. Слева. Самолет ощутимо трянуло. Еще раз. Еще. Темно. В отсеке завоняло горелым.

– Ой-й!

Разин напряг голос:

– Все живы?

Ответили сразу.

— Командир, в Горыныча попали.

— Сильно?

— Кажется на последнем издохе.

— Кто рядом?

— Корень!

— Ломай ему медальон!

— Есть!

— Я тоже ранен. Командир, прикомандированный капитан, кажись, того...

— Что?

— Погиб.

Узнал голос Тихого. Вот и нет проводника, придется самим выкручиваться. Что скажешь? Подбодрил:

— Крепись, бояре!

Летчикам в кабине пилотов было не до скуки. В самолет несколько раз попали. Повреждения толком не известны, но в кабине стало ощутимо дымно.

— Командир, выше возьми.

— Машина плохо рулей слушается.

— Маневрируй!

— Н-не получается! Заклинило! Лейтенант, линию фронта перелетели. Скажи пассажирам, что до места не дотянем, машину в сторону повело. Долго не удержу. Сам с ними прыгай.

— Я...

– Это приказ.

Двигатель то выл надрываясь, то глох... чтоб на какое-то время вновь запуститься.

Появившийся в грузовом отсеке летун, оповестил:

– Падаем! Нужно прыгать!

Просеменив, настежь открыл металлическую дверь прямо в ночь.

– Пошел!

Группа выбросилась на лес...

* * *

На захваченной территории СССР еще не развернулось широкое партизанское движение, но первые группы и отряды народных мстителей стали действовать уже в конце июня – в июле 1941 года. Вместе с отступавшими частями Красной Армии они наносили удары по тылам немецких войск, пытаясь отрезать их от источников снабжения, уничтожали живую силу врага и его технику, создавали для противника невыносимые условия, которые потом сказывались на боеспособности его частей и соединений.

Один из первых приказов по проведению боевых действий против окруженцев появился в июле. В нем требовалось поддерживать в воинских частях состояние боевой готовности, запрещалось передвижение одиночных солдат, военнослужащим предписывалось всегда держать оружие на-

готовые для открытия огня. Предусматривалось также создание специальных конных патрулей для охраны дорог, проведение внезапных и повторных налетов на населенные пункты и прочесывание местности.

Сразу за фронтом двигались специальные jagdkommando, «охотничьи подразделения». По инструкции в команды «охотников» следовало отбирать опытных, бесстрашных и хорошо подготовленных солдат и унтер-офицеров, способных успешно действовать в любой обстановке. На должности командиров рекомендовалось назначать инициативных офицеров, знакомых с тактикой партизанской войны и увлекающихся спортивной охотой. Однако практика расходилась с инструкцией. В команде фон Мансфельда почти все солдаты были набраны в штрафных частях. Да и сам он... гм... обер-лейтенант люфтваффе, еще в Польше переведен в сухопутные войска за грубые нарушения уставного порядка и воинской дисциплины. Можно подумать, что морду командиру штаффеля он начистил исключительно по причине, что был пьян. Нет! По другой причине... Ладно, не в этом дело! Так вот, при отборе в «охотники» потребовался совершенно иной подход, чем при формировании боевых подразделений. Его лучшими бойцами были так называемые «отчаянные» солдаты, в их характеристиках, как правило, значилось замечание – «не поддающийся воспитанию». От этих людей не требовалась хорошая военная подготовка. В таком деле необходим был инстинкт, навыки человека, близкого к при-

роде, поэтому предпочтение отдавалось солдатам, работавшим до войны егерями и лесниками, ну и, конечно, деклассированному элементу. Куда без бандитов и убийц? Держал он их в крепкой узде, может потому, что в душе сам таким был. Численность его ягдкоманды не превышала роту, около восьмидесяти закоренелых негодяев, способных на любой отвратительный поступок, на захваченных территориях получивших возможность делать с местным населением все, что захотят. Четыре группы по двадцать бойцов. Каждая группа имела на вооружении три ручных пулемета MG-34, одну снайперскую винтовку, самозарядные винтовки G-41 и пистолеты-пулеметы MP-38 и MP-40. Радиостанция была в каждой из групп. С таким арсеналом парни резвились на полную катушку. Кто там разберет – перед тобой баба или замаскированный большевик?

Рассвет вот-вот наступит. Суматошные выдались прошедшие сутки. Только вернулись в Житомир, а из местного отделения СД уже звонят. Нюхом чувствуют, что ли? Дежурный одуревшими от недосыпа глазами вытаращился при виде начальства, протянул трубку полевого телефона.

– Господин обер-лейтенант, вас!..

Буркнул, с неохотой взял в руки ненавистный предмет армейского обихода.

– Кому там ровно не сидится?

Знакомый смех из телефона еще больше испортил и без того не слишком хорошее настроение. Весело ему! Сидит

в кабинете, тяжелее ручки в руки ничего не берет. Мясник-теоретик! Пятеро подручных всю грязную работу за него делают.

– Слушаю!

– Привет, Йоганн! Не поверишь, чувствую, как ты меня костеришь почему зря, даже по проводам от тебя ко мне гул недовольства идет. Ха-ха!

– Чего хотел, Отто? Говори быстрее, только что с выезда, устал как собака, спать хочу.

– О-о! Дружище! Тогда спешу сразу расстроить...

– Что опять?

– В районе Кхо-рофи-но, – в угоду собеседнику коверкая название деревни, хотя русский язык знал идеально, стал объяснять цель звонка, – наши доблестные зенитчики транспортник сбили. Так вот из него около десятка парашютистов успели выпрыгнуть.

– Не мои проблемы. Это, считай, на передовой...

– Вот-вот. Солдаты их от позиций отогнали, те скрылись в лесу. Наступление идет полным ходом. А ты представляешь, что может сделать десяток диверсантов у нас в тылу?

– Шайзе! И что?

– Твоим ублюдкам командование предлагает заняться их отловом, в крайнем случае уничтожением.

– Ага! А ты в это время будешь ожидать, когда мои «ублюдки» подвезут тебе материал для допроса?

– Каждому свое.

Видно, никуда не деться. Не прощаясь, бросил трубку на тангенту рычага отбоя. Иногда оберштурмфюрер СД Отто Кёлер его просто бесил. Давно знали друг друга. Когда-нибудь Мансфельд свернет ему шею, от таких, как Отто, одни только неприятности. Бросил злобный взгляд на дежурившего по подразделению рядового Фило Леманна, хитроватого пруссака, явно уже понявшего без лишних слов, что сейчас будет.

— Команде в полном составе экипироваться и через... — глянул на циферблат наручных часов, — ...двадцать минут быть готовой на машинах к выдвижению на задание. Я к себе — переодеться.

— Слушаюсь, герр обер-лейтенант.

Через двадцать минут, злые не меньше командира, «охотники» на четырех машинах покинули место расположения...

Рассвело. У этих варваров дорог почти нет, одни направления. Чуть съехал с магистрали, и даже когда сухо, можно найти колдобину, в которой застрянешь. Занесла же этих парашютистов нелегкая в болотистую местность, на машинах не проехать, только ногами... На карте сделал пометки. Последний раз объяснил командирам групп:

— Эти квадраты. Разобраться по группам, держать связь. Вперед!

Не первый раз в душе ощутил чувство, из-за которого такая работа была по нраву, будто гончих с поводков спустил. Предстояла большая охота. Ату их! Ату!..

В этом году лето жаркое, но эти болота, наверное, никогда не пересыхают. Все здесь наизнанку, на светлые леса Фатерлянда не похоже. Именно его группа «плясала» от обломков почти догоревшего самолета. Пришлось всем временно разойтись, чтоб отыскать хоть какой-то значимый след. Сам он ждал результаты на месте.

Его доблестные ублюдки гуляли не меньше часа, потом собрались, вновь объединившись в подразделение.

– Докладывай.

Фельдфебель Эб Биккель, в прошлом лесник, его правая рука в группе, доложил подытоженный результат поиска:

– Парашютистов здорово разметало. На деревьях насчитали восемь куполов парашютов. В группу, в которой имеются раненые, собрались все. Чего-либо выжидать не стали, пошли в юго-западном направлении.

– Все?

– По следу можно сказать, что против нас выступает слаженное подразделение, имеющее навык хождения по лесу. Только один след выбивается из общего рисунка поведения.

– Летчик?

– Я и ребята думаем, что так.

– Отставание?

– Часов пять назад приземлились, пока собрались, определились, сунулись в сторону деревни, бой с нашими солдатами не приняли, ушли назад. По ночному лесу пошли с ранеными в выбранном направлении. Думаю, часа на полтора,

максимум два, отстаем. Но нагнать вполне реально.

– Хорошо! Шютце Ян.

– Здесь!

– Связь с группами...

* * *

Множество речушек с их поймами, рукавами аппендиксов создавало в этих местах болотину. Пройти можно, но вымотаешься, словно три смены в горячем цеху отпахал. А еще постоянное чувство безнадеги, сырости и... поджидающей тихой, коварной ловушки, из которой не всякий сможет выйти. Если бы не война, можно найти среди этого лесного царства своеобразную красоту, очарование тишины и покоя. Болотный край будто очаровывает, влечет к себе. Цветут мхи. Стрекогут кузнечики в шелестящей траве. Отвлечешься, а шелковая трясина у тебя под ногами примет, обнимет и не захочет расстаться с тобой.

Когда понял, что из кучи народа только он может провести окруженцев по таким лесам, пришлось брать на себя авангард отряда. Объяснил подполку, что нужно делать всем остальным, как по гиблым местам тащить раненых. «Своих» передав на попечение Кожухаря, не смущаясь, не обращая внимания на косые взгляды со стороны, размашисто перекрестился. Чего терять? А так, лишняя помощь не помешает. Словом сподвиг на «подвиги» тех, кто идет с ним:

– С Богом, славяне! – Прежде чем двинуться в путь, окликнул Папандопуло: – Цезарь, твое дело не бегать с вытаращенными глазами, а без всякого куража исполнять роль передаточного звена между нами и отрядом. Зря не рисковать. Суть понял?

– Так точно, товарищ лейтенант.

Между кустами и деревьями травы зеленеют густо, аж глаза от той яркой зелени на солнце режет. Его группа авангарда следует за ним, чуть отстав и растянувшись по дистанции. Каретников со слесаркой в руках, иногда тыкая ею, иногда смело шагая вперед, умело определяет проход, «торит» за собой дорогу, по которой должны пройти более трехсот человек с ранеными и легким стрелковым вооружением. Обогнул стороной стоячую воду с покрытым илом дном. Не надо такого счастья, лучше небольшой крюк сделать. Болото, оно как бы само по себе, не обращает внимания на тех, кто его понимает. Что с них взять? Скоро полдень, живущие на болоте птицы устроили концерт. Это они на присутствие людей так реагируют. Чужие, видите ли, потревожили места гнездовья, зашли на их территорию. Ну, пусть!

Оглянулся. Как там сопровождение? Десантура не подвела. Шли будто бы без усталости. Вот что значит выучка! Остальные послабее будут, и видно, что вымотались, грязью испачкались и отчего-то многие в промокшей под самую грудь одежде. Где они искупаться успели? Но привал здесь не объявишь. Серега взглядом ловит его взгляд. Поднял в

сжатом кулаке большой палец. Порядок! Кивнул.

Только решил продолжить движение, когда вдали, в направлении их движения, шумнули из «стрелковки». Знатно шумнули. Качественно. По звукам можно понять, что шмаляют из наших и чужих стволов. Пару взрывов дополнили картину.

– Командир! – окликнул Голубев. – Реально бой впереди. Наши дерутся с немцами. Окруженцы выходят?

– Похоже. Передать Цезарю, пусть в отряд уходит, доложит командиру о бое по ходу нашего движения. Остальным продолжить движение! Шире шаг!

По некоторым приметам совсем рядом твердая земля. Нужно туда добраться, а там посмотрят, кто есть кто.

За убитой ряской заводью четко выделялся твердый береговой склон с растущим на нем более мощным, чем в болоте, смешанным лесом. Напрягаясь, всем организмом почувствовав, что хотя бы на время остовы болотных берез и сосен, стоящие в кислой дурной воде, остались за спиной, люди, вдыхая пахнувший травами влажный воздух, гуськом за командиром, разбрызгивая поднятую взвесь, пересекли заводь и сразу же рассыпались в оборонительный боевой порядок. Голубев отдал распоряжение:

– Спица, Танечкин, контроль местности. Жду доклада.

Разведка, епархия Сереги, именно Каретников так установил. Голубев своих людей вышколил, ему видней, как поступить именно сейчас. Между тем перестрелка не утихала,

лишь сделалась более вялой и, судя по звукам, приближалась к ним.

Растворившиеся в кустарнике разведчики вернулись раньше, чем Каретников мог предположить.

– Что?

– Впереди фрицевская пехота. Скорей всего, окруженцев загоняют на нее.

– Количество?

– Заметили шестерых. Там радист с развернутой переносной «погремушкой». Сначала его галдеж услышали, потом остальных приметили. Нападения с нашей стороны не ждут.

– Понятно.

Посмотрел на рядом лежавшего Голубева.

– Что скажешь, Сергей?

– В этом медвежьем углу их не может быть слишком много. Предлагаю сползать и уменьшить наличность немецких лесовиков.

– А если нарвемся?

– Отойдем к своим и поменяем маршрут отряда.

Подумал. Решил.

– Давай...

По зарослям двигались, как беременные тараканы. Каретников запретил торопиться, даже в случае если бой среди окруженцев и немецкой пехоты завяжется до команды Голубева на уничтожение противника. Подразделение десантника, вот пусть им и командует, принимает решения, если пер-

вым озвучил предложение на боевой контакт. Сам он выдвинулся вперед. Так приучен. Сириец готовил диверса-одиночку, и вытравить это уже невозможно.

Действительно, вон он связист с коробом радиостанции в кустах окуклился. Антенна, длинный провод, заброшенный на верхнюю ветку березы. Вряд ли такая «музыка» больше чем километров на двадцать связь поддержит. Рядом маячит, скорее всего, спина командира. Да, именно командира. Потому что поблизости еще один персонаж рисуется. Снайпер. Х-ха! Именно из этого времени в такой расстановке сил в «принимающей» группе ноги растут. Задача снайпера в том, чтобы уничтожать пулеметные расчеты противника, командный состав того же партизанского отряда, а также тех, кто первым успел опомниться при внезапном нападении и пытается организовать сопротивление. Точно! Так ведь это же самая настоящая ягдкоманда.

«А мы-то... – прикинул в уме. – Значит, на позиции сейчас не более пятнадцати-двадцати охотников расставлены по номерам, в противном случае не получится обеспечивать скрытность передвижения и маскировку подразделения. Три пулемета, классика жанра, к бабке не ходи...»

Время поджигает.

Если бы лейтенант Ортвин Гутцайт мог хотя бы на миг почувствовать, что за ним наблюдают, кто знает, как бы все повернулось. Его взвод не мальчишки из песочницы, не под-

разделения СС, а профи, хоть иногда и с гнусными замашками людей, по которым в мирное время тюрьма плачет. Рота довольно быстро изучила тактику партизанских действий, нередко сводившуюся к тому, чтобы избегать открытого боя с полевыми частями. Русские бандиты нападали преимущественно из засад, небольшими группами, уничтожали личный состав, подрывали военную технику, а затем отходили из района, в котором наследили. Вот и «ублюдки» обер-лейтенанта Мансфельда быстро научились применять против дикарей их собственную тактику. Они скрыто выслеживали «большевикоф», внезапно атаковали их с близкого расстояния, расстреливали или захватывали «языков». Когда было нужно. Но это редкость!.. Словом, действовали так, как действуют охотники. В случае встреч с превосходящими силами противника члены истребительной команды уклонялись от боя. Сегодняшний выход обещал быть не слишком напряженным. Противник известен. Количество установлено. Справятся двумя группами. Группы Шпора и Куша застряли в этом непролазном зловонном месте под названием лес. Ох, и задаст им командир!

Боковым зрением Гутцайт заметил, как ефрейтор Гоц Мильх, снайпер его группы, допустил небрежность, позволив винтовке выскользнуть из рук. Не успел осознать неправильность в поведении своего солдата, когда...

Подобравшись вплотную к тройке основных фигурантов

засады, уже с близкого расстояния бросил нож в спину снайпера. Сорвался с места, пока не опомнились остальные, на ходу перебросил в правую руку саперную лопатку. Выдохнул:

– Н-на!

Рубящий удар заточенного полотна металла пришелся в шею, казалось, медленно поворачивающемуся к нему рыжему немцу в пилотке и фельдграу с лейтенантскими погонами на плечах, с блеклыми глазами под белесыми ресницами, посмотревшему на него последний раз в своей жизни. Не только почувствовал, но и услышал хруст расчленения шейных позвонков. Связист попытался вскочить на ноги, открыть рот, но и он получил свое. Каретников концом саперного инструмента «вгрызся» в его плоть чуть выше грудины, заставив подавиться собственным криком. От теплой крови на руках безгливости не испытал, давно прошло то время... Пригнулся, спрятавшись за ствол сосны, прислушался к звукам со стороны. Ф-фух! Кажется, все тихо. Разведчики должны уже на подходе быть. Не расслабляться.

Вогнав инструмент в грунт, в обе руки взял ТТ. Удобно, когда пистолеты идентичны, вес и форма стволов одинакова, а значит, и работать легче. Змеей проскользил в сторону едва пойманного на слух звука. Буквально в десяти шагах от места своего боевого контакта углядел сразу двоих немцев, с комфортом устроившихся под боком у командира. Пулеметчик со своим напарником, вооруженным винтовкой. Долго

поразмышлять не дали разведчики, не смогли, значит, тихо сработать, нашумели. Что ж теперь? Встал на одно колено и с двух рук расстрелял забеспокоившихся вдруг немцев, решивших сменить положение для боя. Аллес!

Немецких «охотников» добивали с помпой, не слишком озаботившись дальнейшим сохранением маскировки. Если кто и ушел... Не гоняться же за ним по болотам и буеракам? Значит, фортуна улыбнулась засранцу.

Довольный Серега раздавал «люлей», чтоб подчиненные не слишком ржавели на лаврах победы.

– Потери есть? – спросил у десантника Михаил.

– Ты знаешь, хоть и толклись, как слоны в посудной лавке, но Бог миловал. Двое легко ранены и все.

– Когда пулемет слышал, думал, вас там покрошат.

– Это Яшка Мулерман немца подрезал, ну и воспользовался его инструментом, когда гансы попытались сопротивление оказать. – Отвлёкся, как показалось, на одного из праздно шатающихся героев. – Сидоркин, чего уши греешь? Пробегись, может, трофеи где прошелкали. И не нужно мне тут кривиться, словно девушка в первый раз перед минетом! Я с тобой потом потолкую.

– Чего на парня наехал?

– Мудак потому что! У него на поясе нож, а он немца душить полез.

– Может, так сподручней?

– Ага, немец под центнер весом, еще тот боров, а Сидор-

кина ты сам только что лицеизрел. Глиста недокормленная.

– Замри!

А ведь действительно стрельбы в стороне, откуда была не так давно слышна, нет. А вот своему слуху он верит.

– Всем, сбор! Рассредоточиться по фронту. Готовиться встречать нового противника.

Расслабленность улетучилась быстро, и уже отряд, заняв позиции, на которых не так давно «квартировали» немцы, готов был к бою. Если Каретников верно предугадал действия окруженцев, то те просто обязаны были выскочить на стволы взвода разведки. Если выйдут немцы, сил и средств теперь точно хватит. Бойцам лишний раз не повредит поиграть в тир с движущимися мишенями.

Внезапно под боком зашумела забытая всеми рация. Каретников чертыхнулся, напялил наушники, буркнул в микрофон что-то нечленораздельное, услышав в шуме помех.

– Франц, что там у вас происходит, не дозовешься?

– Норма. Меняли позицию.

– Зови своего лейтенанта. Передаю микрофон командиру.

Дождался, когда в эфире прорезался другой голос, сильно подверженный помехам.

– Ортвин, здесь Мансфельд. Как у вас?

Снова ответил:

– Ждем.

– Что там за стрельба была?

– Уничтожили передовой дозор русских.

– Какой дозор? Ты часом не выпил?

– Трезв. На нас окруженцы напоролись, потому и позиции менял.

– Черт побери, этого только не хватало! Готовься, сейчас на тебя выгоню диверсантов. Осторожно там, они парни серьезные, у меня половину взвода уничтожили. Мы несколько подотстали от них. Бей на поражение, в плен никого не брать.

– Понял. Жду.

– Конец связи.

«...Выходит, будем иметь дело с диверсами».

Подал команду:

– Огонь не открывать!

На поляну перед их позициями выбежал парень в комбинезоне, похожем на танковый, но болотного цвета, на голове матерчатый шлем. На груди советский автомат, за спиной рюкзак, на РД совсем не похожий. Сделав пяток шагов, словно собака повел носом. Прикольнo со стороны посмотреть. Каретников поднялся, чтоб не смущать парня, со своей стороны вышел на поляну.

– Эгей!

Парняга плюхнулся на живот, выставил ствол автомата в его сторону, но не выстрелил. Уже хорошо!

– Ты кто?

Ответил на вопрос:

– Командир Красной Армии. Со своим подразделением

из окружения выхожу.

В ответ «гость» тоже прокричал:

– А чем докажешь, что свой? Может, ты фашистский наймит?

– Так и я в тебе пока что своего не признаю. Иной раз такие свои в канаве лошадь доедают.

Голубев даже при такой обстановке ухмыльнулся, узнав знакомое выражение. Что скажешь, лейтенанта-энкавэдэшника знал не так давно, но успел, кажется, пуд соли с ним съесть на военных дорогах. Каждый раз не мог не удивляться иным его вывертам речи и действиям в любых обстоятельствах. Молодой совсем, а мозг, как у убеленного сединами военного профи варит. Времени поразмыслить над тем, почему так, у него никак не хватало. Нормально поспать и то не всегда выходило.

Между тем...

– Подходи сюда. И без глупостей, на мушке тебя держу.

– Иду. Не стрельни только со страху.

Озираясь назад, тыкая стволом в спину, но при этом не заставил отдать находившиеся в кобурах ТТ, товарищ вывел Михаила с поляны. Только в лес вступили, сразу же напоролся на стоянку этих клоунов. Двое вполне способных к бою военных, настороженных и готовых ко всему, у которых под ногами стояли самодельные носилки, на скорую руку изготовленные из подручного материала. На носилках раненый, по некоторым признакам явно не жилец. Чуть в сто-

роне, направив все внимание в сторону, с которой пришли, сидел в траве еще боец, «светивший» бинтами в области правого предплечья.

Каретников представился первым, чтоб не терять времени, объяснил диспозицию. Закончил чуть ли не настоятельно:

— ...Предлагаю отбросить недоверие и поторопиться. Со всем скоро здесь будет та группа «охотников», которая вас в западню гнала.

Не сказать, что радостно, но вняли, поторопились за ним. Груз недоверия растаял, когда увидали трупы фашистов и опознались с бойцами взвода. Зато уж оторвались, вместе с разведчиками огнем встретив на поляне обидчиков.

Подполковник Таманцев отдал распоряжение на привал. И без того замотанный, серый от недосыпа и волнений, после разговора с капитаном, «прибывшим» с Большой земли, стал туча тучей, вызвал Каретникова, почему-то отсутствовавшего после доклада о боестолкновении. Разговор подполковнику давался с трудом. Своих проблем полон рот, так нет же, на его шею, чуть ли не в приказном порядке чужих собак вешают. И как он дальше без этого молоденького лейтенанта с повадками мудрого удачливого вояки обходиться будет? Кто дальше дорогу окруженцам торить будет? Капитан этот, сука такая, именно на лейтенанта упор делает. Нужен! Вынь, да положи! Всем нужен! Послать бы его куда подальше, так коли выйдут, вони не оберешься. Если б только вони! Пово-

няло и выветрилось. За неоказание помощи представителю Верховного командования и к стенке поставят. С них станется! В такое время разговор короткий.

Без обиняков рассказал все как есть. Все же странный этот лейтенант. Будто предполагал такой поворот событий. Когда озвучил приказ, бровью не повел. Если честно, кроме того, что придется доукомплектовать группу Разина и в Житомир идти, подробностей Таманцев не знал. Спросил только:

– Кого возьмешь с собой?

– Из разведвзвода троих и местного жителя из своего батальона подберу, такого, чтоб город хорошо знал.

– Ясно. Кого тебе на смену посоветуешь?

– Кожухаря. Младший лейтенант пообтерся, в боях с рефлексией распростился, люди его уважают. Вы не волнуйтесь, товарищ полковник, дальше болот почти нет, а по лесу выйти возможно. Главное разведчиков вперед пропустите и про боковые дозоры не забывайте. Линию фронта на ура пересекать не советую, тихой сапой проскользнете.

– Кого учишь, лейтенант?

Натянул на лицо дебильное выражение, извинился:

– Прощения просим. Виноват!

Таманцев устало, совсем не весело посмотрел на временного подчиненного, махнул рукой. Кто знает, увидятся или...

– Удачи тебе, лейтенант.

– Прощайте, товарищ полковник.

Поправил молодого:

– Подполковник.

С веселыми искорками в глазах, будто и не на серьезное дело шел, пояснил старому служаке, еще в Гражданскую вовоевавшему.

– Я вас как командира и человека уважаю, а по старой, еще царской традиции, если уважение есть, приставка «под» из звания убирается.

– Умник! Откуда ты старые традиции знаешь? Иди уж, не помни лиха.

– И вы...

У выставленной заставы уходящую прочь цепочку бойцов догнала Егорова, еще издали призывно крикнула:

– Подождите!

Встали. Расслабленно созерцали, как медичка, ускорив бег, огибает кустарник. Каретников уже понял, что по его душу, как понял и Голубев. Скалится, зараза. Приколист хренов. Ведь толком не въехал в реалии этого времени, мыслит понятиями конца двадцатого века, а у девчонки любовь на уме, может быть – первая.

Подбежала. Обратилась к капитану:

– Товарищ капитан, разрешите поговорить с лейтенантом Апраксиным?

Разину не до сантиментов, о своем думу думает.

– Две минуты.

Отошли.

- Уходишь?
- Служба.
- Мне Игорь сказал.
- Кожухарь – хороший парень, ты присмотришься к нему.
- Я люблю тебя.
- Люда, мы вряд ли когда увидимся. Забудь.
- Вцепилась. На глазах слезы, вот-вот градом покатятся.
- Прости. Забудь. Война идет. Сейчас главное выжить.
- Я...
- Прощай...

* * *

Глядя на дома, по большей части находившиеся в состоянии полуразвалин, на улицу с площадью, примкнувшей к ней, в душу закралось смутное чувство, что-то вроде узнаваемости места. А что? Все может быть. На фасаде дома разобрал слова на табличке, где значилось: «Ул. Большая Бердичевская». Только вот номер не прочесть. А нужен ли он? Будто угадав промелькнувший вопрос в голове своего командира, Ланда, обернувшись, повел подбородком в сторону развалин:

– Педагогический университет. Я здесь учился.

Каретников кивнул. Был университет, теперь что от него осталось – только под снос. Но все же как-то здесь...

Несмотря на трагизм окружающей картины действитель-

ности после бомбардировки городских кварталов, память подсунула воспоминание. Еще в своей первой жизни, в период лейтенантской, юношеской непосредственности, со своим другом Вовкой Тополевым «по вертушке» привезли из Германии в Союз дембелей. Самолет приземлился в Озерном, на военном аэродроме, а это, считай, пригород Житомира. Должны были забрать команду «молодых» и лететь обратно, только произошла загвоздка. Команду скомплектовать не успели, и вылет отложили на следующий день. Помыкавшись, махнули в город, а там... В общем, два молодых офицера в ресторане сняли женщин с не слишком выраженной чертой социальной ответственности. В подвешенном состоянии от принятого на грудь алкоголя ближе к полуночи оказались в частном секторе. Ладно... Так вот площадь, которую они миновали, он запомнил лишь потому, что увидел, как ночью, при свете фонарей, по ней тогда, гремя колонками из открытых окон, проезжал «Запорожец», хозяин которого не поленился впердочить в салон своего зверя... цветомузыку. Зрелище еще то! Вот отзвуки прошлой памяти и воспоминаний подсунули Каретникову узнаваемость мест, по которым сейчас шли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.